

Ф | амфора

ДИРЕКЦИЯ
КИНО

ВЫСОЦКИЙ

ВОТ И СБЫВАЕТСЯ ВСЕ, ЧТО ПРОРОЧИТСЯ...

Thompson

ВЫСОЦКИЙ

A small figure of a person stands in a bright, horizontal spotlight that illuminates the floor and the lower parts of the large letters. The person is positioned directly beneath the letter 'С'.

ВОТ И СБЫВАЕТСЯ ВСЕ, ЧТО ПРОРОЧИТСЯ...

УДК 882-1
ББК 84(2Рос-Рус)5
В 93

Редакционная коллегия:

Н. В. Высоцкий, С. В. Жильцов, А. В. Максимов, В. Б. Назаров, Е. А. Трофимов

Составление и комментарии П. Е. Фокина

Подготовка текста, научное консультирование и текстологические комментарии С. В. Жильцова

При составлении комментариев учтены воспоминания современников В. С. Высоцкого и наблюдения исследователей его творчества, зафиксированные в монографиях и научных публикациях, в частности в книгах: Живая жизнь.

Штрихи к биографии Владимира Высоцкого / Сост. В. К. Перевозчиков. Вып. 1—3. М., 1988—1992; *Высоцкий В. Я, конечно, вернусь...* / Сост. Н. А. Крымова. М., 1988; Четыре четверти пути / Сост. А. Е. Крылов. М., 1988; Владимир Высоцкий в кино / Сост. И. И. Роговой. М., 1989; *Новиков В. И. Высоцкий. М., 2002 (Серия «ЖЗЛ»); Скобелев А. В. «Много неясного в странной стране...»*. Вып. I. Ярославль, 2007; Вып. II. Воронеж, 2009; *Цыбульский М. Планета Владимир Высоцкий. М., 2008; Крылов А. Е., Кулагин А. В. Высоцкий как энциклопедия советской жизни: Комментарий к песням поэта. М., 2010; Перевозчиков В. К. О Высоцком. Только самые близкие. М., 2011; Мир Высоцкого: Альманах. Вып. 1—6; и др., а также на сайтах «Владимир Высоцкий. Каталоги и статьи» <http://v-vysotsky.narod.ru>; «Миры Высоцкого» <http://vv.mediaplanet.ru/index>*

В оформлении издания использованы фотографии А. Стернина, Л. Мончинского, Н. Демчука, Г. Розова, О. Трубского, Ю. Астахова, В. Мурашко, С. Головкова, О. Ширяевой, В. Аверьянова, А. Вискалова, С. Вишневецкого, В. Янковского, В. Плотникова, Л. Сидорского, А. Феоктистова, А. Маклакова, а также из архивов ГКЦМ В. С. Высоцкого, Творческого объединения «Ракурс», киноконцерна «Мосфильм», Рижской киностудии, Государственной объединенной киноколлекции, Одесской киностудии, киностудии «Ленфильм», А. Стернина, В. Туманова, О. Васина, копии автографов из фонда 3004 Российского государственного архива литературы и искусства и архива С. Жильцова.

Издательство выражает благодарность за помощь в работе над книгой

И. Данилову, С. Алексееву, А. Ковановскому, И. Рахманову, Б. Акимову, А. Демидову, И. Дементьеву, В. Дузь-Крытченко, Д. Феединой, А. Бобосову, С. Смирнову, Ю. Воробьеву, В. Туманову.

Выражаем особую благодарность сотрудникам Государственного культурного центра-музея В. С. Высоцкого.

*Защиту интеллектуальной собственности и прав издательской группы «Амфора»
осуществляет юридическая компания «Усков и Партнеры»*

Высоцкий В.

В 93 Вот и сбывается все, что пророчится... : [стихотворения] / Владимир Высоцкий ; [сост. и коммент. П. Фокина ; подгот. текста С. Жильцова]. — СПб. : Амфора. ТИД Амфора, 2012. — 127 с. : ил.

ISBN 978-5-367-02118-9

В книгу вошли тексты песен, написанных В. Высоцким к спектаклям и кинофильмам.

УДК 882-1
ББК 84(2Рос-Рус)5

ISBN 978-5-367-02118-9

© Высоцкий В. С., наследники, 2012
© Дирекция Кино, 2012
© Оформление. ЗАО ТИД «Амфора», 2012

Содержание

I. ПЕСНИ К СПЕКТАКЛЯМ	9
Песни из спектакля «Десять дней, которые потрясли мир»	
1. Временные, слазь!	10
2. «В куски разлетелась корона...»	12
Песни из спектакля «Последний парад»	
1. Песня Геращенко	14
2. Песня Сенежина	16
Песня из спектакля «Свой остров»	
Свой остров	18
Песни для спектакля «Необычайные приключения на волжском пароходе»	
1. Песня о Волге	20
2. Дуэт разлученных	23
3. Куплеты Гусева	24
4. Посадка	26
II. ПЕСНИ ДЛЯ КИНО	29
Песни для кинофильма «Интервенция»	
1. Песня Бродского	30
2. Гром прогремел	32
3. Песня Саньки	33
4. Песня бандитов	34
Песни из кинофильма «Хозяин тайги»	
Песня Рябого	36
Песни из кинофильма «Опасные гастроли»	
1. Куплеты Бенгальского	38
2. Романс при свечах	41
3. Баллада о цветах, деревьях и миллионерах	42
4. Цыганская песня	44
Романс из фильма «Дела давно минувших дней»	47
Песни из кинофильма «Единственная дорога»	
Приговоренные к жизни	48
Песни из кинофильма «Бегство мистера Мак-Кинли»	
1. Баллада о маленьком человеке	50
2. Баллада о манекенах	56
3. Баллада об оружии	60
4. Баллада об уходе в рай	64
5. Песня Билла Сиггера	68
6. Мистерия хиппи	71

Песни для кинофильма «Иван да Марья»

1. Скоморохи на ярмарке	74
2. Песня Соловья-разбойника и его дружков	80
3. Серенада Соловья-разбойника	82
4. Куплеты нечистой силы	84
5. Песня солдата на часах	86
6. Песня Марии	88
7. Иван да Марья	90
8. Песня солдата, идущего на войну	92
9. Солдат и привидение	93

Песни к кинофильму «Одиножды один»

1. Песня Вани у Марии	94
2. Песня о черном и белом лебедях	96
3. Величальная — отцу	98
4. Частушки к свадьбе	99
5. Грустная песня о Ванечке	100
6. Песня Вани перед студентами	102

Баллады к кинофильму «Стрелы Робин Гуда»

1. Баллада о времени	104
2. Баллада о вольных стрелках	106
3. Баллада о ненависти	108
4. Баллада о борьбе	109

Песни из кинофильма «Вооружен и очень опасен»

1. Расскажи, дорогой	112
2. Живучий парень	114
3. Вооружен и очень опасен	116
4. «Черны все кошки, если ночь...»	118
5. «Это вовсе не френч-канкан, не френч!»	119

Братьям Вайнерам

1. «Я не спел вам в кино, хоть хотел...»	120
2. «Граждане, ах, сколько ж я не пел, но не от лени...»	122
3. Письмо торговца ташкентскими фруктами с Центрального рынка	124

Поведение Высоцкого даже в быту, в мелочах, во всем несло в себе идею борьбы и желания борьбы. Не уход от бурь, не уход в кусты, не компромиссы, не соглашательство, не уступчивость и предательство, а желание во всем бесстрашно побороть себя. Ничего не боясь.

Что можно сказать о Владимире Семеновиче Высоцком? Работали мы с ним очень хорошо, верили друг другу, понимали друг друга с полуслова. Он был человеком внутренне интеллигентным. Он был из числа тех художников, которые способны проникнуться чужим пониманием и чужим замыслом, проникнуться глубоко, его освоить и, поняв, уважать. Это было в нем очень в высокой степени развито. Взаимопонимание у нас было такое, которое не требовало тьмы слов, разговоров, теоретизирований как со стороны режиссера, так и со стороны артиста. Он человек был чрезвычайно чуткий на слово, умел его услышать и умел его очень верно претворить в своем искусстве.

Михаил Швейцер

ЕИМАКО М.В.

Артистка
КОМАРОВСКАЯ А.Г.

Артистка
УЛЬЯНОВА И.И.

ГОМ. ЕРАЛ. РЕЖИССЕР ГОМ. ЛУТ.
ЛЕВИНА Э.П.

I. Песни к спектаклям

Песни из спектакля «Десять дней, которые потрясли мир»

1. Временные, слазь!

Войны и голодухи натерпелися мы всласть,
Наслушались, наелись заверений
И скинули царя, а после временную власть,
Потому что кончилось их время.

А если кто-то где-нибудь надеется на что,
Так мы тому заметим между прочим:
Обратно ваше время не вернется ни за что —
Мы как-нибудь об этом похлопочем.

Нам вовсе не ко времени вся временная власть —
Отныне власть Советская над всеми.
Которые тут временные? Слазь! А ну-ка, слазь!
Кончилось ваше время!

<до 2 февраля 1965>

Из выступления Владимира Высоцкого: «Я хотел сказать несколько слов о спектакле „Десять дней, которые потрясли мир“. Это наша классика. Люди даже недоумевают, которые приходят на этот спектакль и в Москве. Потому что он начинается еще на улице. Известно, что революция — это праздник угнетенных и эксплуатируемых, и поэтому мы сделали этот спектакль как действительно праздничное зрелище. Еще на улице на гармошках, на балалайках играют наши актеры в форме революционных солдат и матросов. А у нас рядом ресторан „Кама“. Оттуда выходят подвыпившие люди, они присоединяются к нам, танцуют... Может, думают, что пропустили какой-нибудь праздник престольный — бог его знает. Потом они понимают, в чем тут дело, что это совсем другое. В театр их не пускают, но они рвутся тоже пройти в театр. Когда вы проходите в театр, там стоят люди со штыками и накалывают билеты на штык, пропускают вас. А в фойе за пирамидами винтовок мы поем частушки, песни, вам прикалывают красные бантики девушки в красных косынках. Плакаты висят времен революции, музыка играет. Еще в фойе, еще не вошли в зрительный зал, а уже вы введены в курс дела: сегодня мы хотим, чтобы у вас было хорошее настроение. Мы поем частушки, они заканчиваются так:

Хватит шлаться по фойе,
Проходите в залу.
Хочешь пьесу посмотреть,
Так смотри с начала!

Все вздыхают облегченно, думая, что вот сейчас-то и начнется самое главное... Безобразие кончилось, откинемся на спинку кресла и отдохнем. Но не тут-то было. Выходят рабочий, матрос и солдат, стреляют в воздух; огонь, пахнет порохом... У нас театр маленький, слабонервных людей выносят... Но это было раньше, к этому сейчас уже привыкли, знают, что у нас всякие „чужачества“. Но все-таки они работают на спектакль. Вот, и потом начинается действительно оправдание афиши: „Представление с буффонадой, пантомимой, цирком и стрельбой“. Все это присутствует — вас не обманули. У нас есть большая пантомимическая группа. Многие из нас занимаются акробатикой, приобретают всякие цирковые навыки. У нас многие пьют, многие играют на инструментах, даже на нескольких инструментах».

**Которые тут временные? Слазь! А ну-ка, слазь!
Кончилось ваше время!**

Измененная цитата из поэмы В. В. Маяковского «Хорошо!» (1927).

Из выступления Владимира Высоцкого: «В спектакле тридцать две картины, абсолютно по-разному решенные. Там есть элементы кукольного театра, кинематографа, и реалистического театра, и балета, и пантомимы — все это один за другим, калейдоскоп картин. Двести ролей. Все мы играем по несколько ролей сразу — и во многих наших спектаклях, так что иногда думаешь: „Что сейчас надевать?“ — когда восемь ролей я играю в спектакле „Десять дней, которые потрясли мир“. Я играю Керенского, потом — матроса-часового у Смольного, потом — белого офицера, потом пою зонги, потом — „отцов города“, потом — анархиста и т. д., и т. д., и т. д.— видите, массу ролей.

Причем самое-то интересное — у нас в театре не гримируются, у нас нет грима. Ну в „Десяти днях...“ — это маски, это вообще спектакль в гротеске сделан, там маски могут иметь место. А в других спектаклях, где играешь по несколько ролей и никаких масок, это довольно сложно. Но в то же время самая большая похвала — это когда люди скажут, что вот он был Керенским, а потом вышел — и мы его не узнали. Это самое приятное, значит, все сосредоточено (внутри)».

В. Золотухин, Б. Буткеев, В. Высоцкий перед началом спектакля «Десять дней, которые потрясли мир»

2.

В куски

Разлетелася корона,
Нет державы, нету трона.
Жизнь, Россия и законы —
Всё к чертям!

И мы —

Словно загнанные в норы,
Словно пойманные воры, —
Только кровь одна с позором
Пополам.

И нам

Ни черта не разобраться —
С кем порвать и с кем остаться,
Кто за нас, кого бояться,
Где пути, куда податься, — не понять.

Где дух?

Где честь?

Где стыд?

Где свои, а где чужие,
Как до этого дожили,
Неужели на Россию нам плевать?

Позор

Всем, кому покой дороже,
Всем, кого сомненье гложет,
Может он или не может
Убивать!

Сигнал!..

И по-волчьи, и по-бычьи,
И — как коршун на добычу —
Только воронов покличем
Пировать.

Джон Рид

Из выступлений Владимира Высоцкого: «Она поется у нас в картине „Логово контрреволюции“. Там сидят, задавленные светом <...> белогвардейские офицеры» (1967).

«Эта песня была первой песней, пожалуй, которая исполнялась в спектаклях нашего театра профессионально мною с моими товарищами в спектакле. Но это была песня, написанная для персонажей».

Из рецензии В. Б. Шкловского на спектакль «Десять дней, которые потрясли мир» в газете «Известия» (17 апреля 1965): «Джон Рид был журналистом-революционером. Н. К. Крупская говорила про его записи: „...Это — не простой перечень фактов, сборник документов, это — ряд живых сцен, настолько типичных, что каждому из участников революции должны вспомниться аналогичные сцены, свидетелем которых он был. Все эти картинки, выхваченные из жизни, как нельзя лучше передают настроение масс — настроение, на фоне которого становится особенно понятен каждый акт великой революции“.

Записи Джона Рида документальны, главное в них выделено умным, хорошо понимающим художником.

За растерянными репликами представителей старого мира, за словами революционеров видна неизбежность победы революции и ее будущие трудности.

Текст спектакля не весь восходит к Джону Риду, есть куски, которые используют другие источники, в частности „Клима Самгина“ М. Горького. В представление введены песни тех лет, песни Брехта и песни, написанные сейчас.

Ситуация времени передана широко развернутыми пантомимами и отдельными сценами, частично восходящими к тогдашнему революционному плакату.

Иногда это условно, иногда балетно. Иногда сегодняшний зритель хотел бы видеть большую глубину символа. <...>

Находкой спектакля, его вдохновением является голос Ленина.

Ленин говорит то, что писал в эти годы.

Сцены построены так, что видна их строгая условность. Лицо Ленина дается в световой проекции с двух сторон зала. Текст читает М. Штраух, превосходно знающий голос Ленина.

Соединение отдельных эпизодов, сыгранных актерами, с обобщающей речью Ленина, дает совершенно иную историческую глубину всему представлению. Спектакль, как поковка, поворачивается на наковальне сцены и принимает форму, предсказанную сознанием великого революционера.

Более спорны отдельные пантомимные сцены и часть характеристик врагов, которые даются в ослабленной, гротесковой форме. Вспомним то, что уже было достигнуто. История взятия Зимнего дворца была блистательно дана С. М. Эйзенштейном. О штурме Зимнего писал Маяковский. Он вставил в поэму свою встречу у костра, встречу с печально вдохновенным Блоком.

Временное правительство раскрыто Маяковским очень глубоко. Это люди испуганные, притихшие, люди, которые не могли противопоставить своего решения философии революции.

В спектакле Временное правительство дано плакатно и условно. <...>

Огромным достоинством спектакля является то, что положительные герои — окопники, матросы, революционеры — ярче отрицательных героев, доходчивее; они очень октябрьские и очень понятные для сегодняшнего зрителя. Новый спектакль Таганского театра — победа революционного искусства и смелая попытка соединить философию вещи с театральным показом событий. Перед нами очень сложное явление новой драматургии. Публицистическая речь получает новое место в театральном представлении. Мысль, философия держат в напряжении зрительный зал.

Однако глубина анализа достигается сейчас лишь сменой точек зрения. Спектакль мозаичен, хотя и соединен с необыкновенной изобретательностью. Он открывает нам молодой коллектив, который хорошо понял молодость революции и сам наслаждается представлением.

В „Десяти днях, которые потрясли мир“, переосмысленными воскресают традиции Вахтангова, Мейерхольда и „Синей блузы“, но главное — это политический спектакль с философским раскрытием сущности зрелища.

Вместе с тем это театр, захватывающий зрителя».

Эй, вы!

Где былая ваша твердость?

Где былая наша гордость?

Отдыхать сегодня — подлость!

Пистолет сжимает твердая рука.

Конец!

Всему

Конец!

Все разбилось, поломалось,

Нам осталась только малость —

Только выстрелить в висок иль во врага.

<до 2 февраля 1965>

Спектакль «Десять дней...» начинался так. 1967

Песни из спектакля «Последний парад»

1. Песня Геращенко

Аппарат и наметанный глаз...
И работа идет эффективно.
Только я столько знаю про вас,
Что порой мне бывает противно.

Нат Пинкертон — вот с детства мой кумир.
Сравниться с ним теперь никто не может.
Но он имел такой преступный мир,
Что плохо спится мне и зависть гложет.

Не скрыться вам, ведь от меня секретов нет —
Мой метод прост: брать всех под подозренье.
Любой преступник оставляет след
И возвращается на место преступленья.

У детективов хмурый вид и мрачный нрав,
Характер наш достоин укоризны:
Имеем дело с попираньем прав
И только с темной стороною нашей жизни.

Другие люди пьют всем горестям назло,
Гуляют всласть по ноябрю и маю.
Я ж не сижу за праздничным столом —
Хожу кругом и в окна наблюдаю.

«Наш мир — театр!» — так говорил Шекспир.
Я вижу лишь характерные роли:
Тот — негодяй, тот — жулик, тот — вампир...
И всё! Как Пушкин говорил — чего же боле?

Сцена из спектакля «Последний парад»

«Последний парад». Спектакль Московского академического Театра сатиры по пьесе А. Штейна, 1968. Реж. В. Плучек. «Комедия, почти водевиль, в двух частях, с песнями, куплетами и, разумеется, счастливым концом». Действие происходит в северном портовом городе в Новый год. Действующие лица — моряки рыболовецкого флота, журналист, милиционер и их женщины.

В спектакле в оркестровой обработке А. Л. Кремера прозвучали песни В. Высоцкого «Москва—Одесса», «Утренняя гимнастика», «Корабли постоят и ложатся на курс...», «Песня Сенежина», «Моя цыганская». Опубликовано в кн.: *Штейн А. Последний парад*. М.: Искусство, 1968.

Из выступлений Владимира Высоцкого: «Случилось так, что я стал писать в спектакли Театра на Таганке и музыку, и тексты. И, как говорится, „слух обо мне прошел...“ Ну не по всей Руси, а по Москве. Когда узнали, что я пишу для театра, для сцены, а не только на магнитофоны, стали меня приглашать и в другие театральные коллективы: в „Современник“, в Театр сатиры, во МХАТ... „Может быть, ты напишешь для нас что-нибудь?“ — попросили меня главный режиссер Театра сатиры Плучек и автор пьесы Штейн. Мне было очень приятно, что ко мне обратились. Спектакль прозаический, нормальная драматургия, но — такая тяга к поэзии и к музыке, и так это все влияет на целостность спектакля и привлекает людей, что мне было заказано написать несколько песен».

Из интервью режиссера В. Плучека: «Конечно, Высоцкий тогда был одиозной фигурой, и к руководству театра, ко мне была масса претензий по поводу участия его песен в спектакле. Мы дрались за него, ему, естественно, ничего не говорили, что, мол, тебя запрещают, и мы его отстаили».

Из воспоминаний композитора А. Л. Кремера: «Песни, которые мы отобрали, мне пришлось записывать, по моему, с голоса на бумагу, поскольку они у него не были записаны нотными знаками. На меня он произвел довольно приятное впечатление контактного и очень творческого человека. Он был в очень рабочем состоянии».

Из воспоминаний артиста Театра сатиры М. М. Державина: «Я допускаю, что Володя переживал, что его песни принимают в спектакле другой вид, ведь он привык их исполнять под гитару, а тут Толя Кремер сделал оркестровку, у нас все-таки профессиональный большой оркестр. Песни вливались в композицию спектакля, и все было по-другому. Но я сужу по конечному результату: спектакль имел оглушительный успех, хохот был необыкновенный, песни исполнялись вдохновенно и органично слились с музыкой».

В спектакль не вошла. Все авторские исполнения «Песни Геращенко» начинались со второй строфы, при этом первая являлась рефреном. В пьесе первая строфа опубликована отдельно в иной редакции, ей предшествуют строки:

Другие люди, сдав все горести на слом,
Гуляют всласть и в Новый год, и в мае.
Я ж не сижу за праздничным столом,
Хожу кругом и в окна наблюдаю.

Геращенко — оперуполномоченный.

Нат Пинкертон — вот с детства мой кумир. — Нат Пинкертон — герой дешевых английских детективов начала XX в., один из первых героев массовой культуры. По свидетельству второй жены В. Высоцкого Л. В. Абрамовой, Высоцкий в детстве читал все выпуски приключений Ната Пинкертона.

«Наш мир — театр!» — так говорил Шекспир. — Имеются в виду слова из пьесы В. Шекспира «Как вам это понравится» (1599; в переводе Т. Л. Щепкиной-Куперник): «...Весь мир — театр. / В нем женщины, мужчины — все актеры».

Голубая роль (жарг.) — маловыразительная роль положительного героя.

Но имя есть... я повторяю, как пароль:
«Не верь, что детективы нелюдимы...»
Она играет голубую роль —
Мне голубая роль необходима.

Аппарат и наметанный глаз...
И работа идет эффективно.
Только я столько знаю про вас,
Что порой мне бывает противно.

<около 21 марта 1968>

Сыщик Алан Пинкертон, прототип литературного героя Ната Пинкертона

2. Песня Сенежина

Вот некролог, словно отговорка,
Объяснил смертельный мой исход.
Просто: он — помор, она — поморка,
Это то же, что огонь и лед.

И тогда все поймут, кого потеряли,
И осудят ее — это точно.
Скажут: «Как он любил! А она...» И так далее,
Вот причина: «Муму» и пощечина.

Будет так: суда и караваны
Проревут про траурную весть,
И запьют от горя капитаны,
И суровой станет Север весь.

И тогда все поймут, кого потеряли,
И осудят ее — это точно.
Скажут: «Как он любил! А она...» И так далее,
А причина: «Муму» и пощечина.

И матросы, крепко сжав штурвалы
И судьбу жестоко матеря,
Перестанут уповать на тралы —
Разве тут до сельди? Нет меня.

И тогда все поймут, кого потеряли,
И осудят ее — это точно.
Скажут: «Как он любил! А она...» И так далее,
Вот причина: «Муму» и пощечина.

<март 1968>

Сенежин Клавдий Иванович — бывший капитан-директор судна «Юнона», снятый с командования после инцидента, вызванного ошибочным сигналом, поданным с «Юноны» пьяным радистом. В ходе следствия установлено, что Сенежин двадцать лет ходил в море, не имея диплома о высшем образовании. Направлен на учебу. В пьесе есть сцена экзамена по литературе, который сдает Сенежин. Среди вопросов — «Что с чем сравнивается в рассказе „Муму“?». В голове у Сенежина все перепуталось, и экзамен он проваливает. Все его мысли заняты его бывшей помощницей Дарьей Рученковой, которая ходит в море с новым капитаном «Юноны» Валерием Плахтиным и, как выясняется, помолвлена с ним. В пьесе разыгрывается классический любовный треугольник. Несчастный Сенежин пишет собственный некролог, чтобы разжалобить окружающих, и отправляет его на радио. Наутро некролог звучит в эфире. Роль Сенежина исполнил А. Д. Папанов. Песня звучала в его исполнении.

И. Зельцер, А. Штейн

А. Папанов

Из интервью В. Н. Плучека: «У меня было два соображения, почему я поставил „Последний парад“. Первое: я всю войну провел на действующем флоте. Я — моряк. Осталась моя любовь к флоту <....>».

А второе соображение, почему я поставил „Последний парад“, — потому что центральный персонаж, написанный Штейном капитан Сенежин, — эта роль очень ложилась на Папанова, актера, который может это хорошо сделать».

Из интервью актрисы Театра сатиры В. К. Васильевой: «Володя спел, и Валентин Николаевич (Плучек. — *Сост.*) сказал, что Толя Папанов будет петь песню „И тогда все поймут, кого потеряли... Скажут: „Как он любил, а она...“ — и так далее...» И он всегда это пел хорошо, с душевным надрывом...»

Помор — историческое название жителей северных территорий России, расположенных у берегов Белого моря, Поморья.

«*Муму*» — рассказ И. С. Тургенева. Сенежин во сне наизусть читает фрагмент из рассказа:

«— А что, Гаврила, — заговорила вдруг она, — не женить ли нам его, как ты думаешь? Может, он остепенится?»

— Отчего же не женить-с? Можно-с, — отвечал Гаврила, — и очень даже будет хорошо-с».

В. Плучек

Песня из спектакля «Свой остров»

Свой остров

Отплываем в теплый край
навсегда,
Наше плавание, считай,
на года,
Ставь фортуны колесо
поперек,
Мы про штормы знаем всё
наперед.

Поскорей на мачту лезь, старик,
Встал вопрос с землей остро, —
Может быть, увидишь материк,
Ну а может быть — остров...

У кого-нибудь расчет
под рукой,
Этот кто-нибудь — плывет
на покой,
Ну а прочие — в чем мать
родила —
Не на отдых, а опять —
на дела.

Ты судьбу в монахини постриг,
Смейся ей в лицо просто.
У кого — свой личный материк,
Ну а у кого — остров.

Мне накаркали беду
с дамой пик,
Нагадали, что найду
материк...
Нет, гадалка! Ты опять
не права —
Мне понравилось искать
острова.

Г. Волчек

Другое название: «Моему капитану». Написана для спектакля Московского театра «Современник» «Свой остров» (1971. По пьесе Р. Каугвера. Реж. Г. Волчек) в исполнении И. Кваши. Вошла в одноименную телеверсию спектакля (1974).

Из выступления Владимира Высоцкого: «Там, в общем, не морская тематика, но почему-то пьеса называется „Свой остров“. <О том,> что у каждого человека должен быть в жизни „свой остров“, к которому он должен стремиться» (1971).

А. Мягков и И. Кваша в спектакле «Свой остров»

Из интервью актера театра «Современник» И. В. Кваши М. Цыбульскому: «Высоцкий говорил, что ему нравится, как я пою. Он говорил, что, дескать, мне нравится, как Кваша поет, потому что он поет по-своему, не подражая.

Я думал, что он говорил это просто так, по дружбе, поскольку ему было приятно, что пошли эти песни официально в этот тяжелый момент его жизни. А потом оказалось, что ему, видимо, действительно нравилось мое исполнение. А выяснилось это так: в то время ему

заказали две песни для двух разных фильмов, для за-кадрового исполнения. Он сам должен был исполнять эти песни. Режиссер одной картины был, как помнит-ся, Сурин, другого не помню. Самому Высоцкому петь в этих картинах запретили, и он сказал: „Тогда пусть поет Кваша“. Одну песню я даже записал с оркестром, а вто-рую так и не записали. Но эти песни в конце концов все равно выкинули, они нигде не пошли» (2006).

**Мне накаркали беду
с дамой пик... —**

Ср. эпитаф к «Пиковой даме» А. С. Пушкина, со ссыл-кой на «Новейшую гадательную книгу»: «Пиковая дама означает тайную недоброжелательность».

Вот и берег призрачно возник!
Не спеши — считай дó ста.
Что это, тот самый материк,
Или это мой остров?..

<конец 1970>

Театр «Современник». 1970-е

Песни для спектакля «Необычайные приключения на волжском пароходе»

1. Песня о Волге

Как по Волге-матушке, по реке-кормилице,
Всё купцы с товарами — струги да лады.
И не надорв́ался, и не притомилася:
Ноша не тяжелая — корабли свои.

Вниз по Волге плавая,
Прохожу пороги я
И гляжу на правые
Берега пологие —

Там камыш шевелится,
Поперек ломается,
Справа берег стелется,
Слева — поднимается.

Волга песни слышала хлеще, чем «Дубинушка»...
Вся вода исхлестана пулями врагов,
И плыла по матушке наша кровь-кровинушка,
Стыла бурой пеною возле берегов.

Долго в воды пресные
Лили слезы строгие
Берега отвесные,
Берега пологие, —

Плакали, измызганы
Острыми подковами,
Но уже зализаны
Злые раны волнами.

«Необычайные приключения на волжском пароходе». 1983. Спектакль Ленинградского государственного театра им. Ленинского комсомола по пьесе К. Ласкари (на основе одноименной повести А. Н. Толстого, 1931). Музыка Г. Фиртича. Шпионский детектив. Действие происходит в начале 1930-х.

Песни В. Высоцкого имели оригинальную музыкальную основу. «Песня о Волге» была записана в 1974 на Всесоюзной студии грамзаписи «Мелодия» для пластинки «В. Высоцкий и М. Влади» в исполнении М. Влади. Вышла в 1987.

Из воспоминаний автора пьесы К. А. Ласкари: «Как-то он сказал мне, что с удовольствием бы написал мюзикл, но на русском, советском материале. Стали думать.

— Кулаки, чекисты, бандиты, нэп — вот материал! Америкашам и не снился. Ищи, Кирочка. Должен быть!

Нашел у Алексея Толстого: «Необычайные приключения на волжском пароходе». Прочитал ночью и тут же сообщил Володе. Через день он позвонил мне и сказал, что это то, что нужно. Я засел за работу. Через месяц послал ему черновой первый акт с пропусками для песен.

Вскоре Володя приехал и привез несколько номеров, кроме «Волги», основной песни — лейтмотива спектакля.

— Понимаешь, сбивает «Издалека долго течет река Волга...» Хуже нельзя. Вот послушай набросок. «Как по Волге-матушке, по реке-кормилице...» — Он пропел несколько строк и замолчал...

Мы завтракали, неожиданно Володя вскочил из-за стола, схватил гитару и стал читать то, что он привез. «Куплеты Гусева», «Посадка на пароход», «Танго Ливеровского», «Романс миссис Ребус»... Поразительное попадание, удивительное ощущение жанра. (К сожалению, впоследствии молодой режиссер, ставя этот спектакль в Ленинграде, отнесся без должного понимания и уважения к тому, чего хотел Володя, каким он представлял себе это произведение.) Через час он позвал меня и пропел всю песню о Волге».

Прохожу пороги я... — Порог — особенность донного рельефа реки в виде нагромождения скал, пересекающих русло. Преодолевая пороги, река пенится, бурлит. Судходство в таких местах сильно затруднено, часто невозможно без сопровождения опытных лоцманов.

На теплоходе «Шота Руставели», 1971

Что-то с вами сделалось, города старинные,
В коих стены древние, на холмах кремли, —
Словно пробудились молодцы былинные
И, числом несметные, встали из земли.

Лапами грабастая,
Корабли стараются —
Тянут баржи с Каспия,
Тянут, надрываются,

Даже не оглянутся,
И на версты многие
За крутыми тянутся
Берега пологие.

<начало 1973>

*И гляжу на правые
Берега пологие...*

*Справа берег стелется,
Слева — поднимается. —*

Фактическая неточность: правый берег Волги высокий, левый — низменный. Правый и левый берега определяются относительно течения реки от истока к устью.

«Дубинушка» — русская народная трудовая песня крестьянского происхождения, ставшая впоследствии бурлацкой, с припевом: «Эх, дубинушка, ухнем! Эх, зеленая, сама пойдет, сама пойдет! Подернем, подернем, да ухнем!» «Этот стон у нас песней зовется, — то бурлаки идут бечевой!» — так характеризовал «Дубинушку» Н. А. Некрасов в стихотворении «На Волге». Сопровождала в качестве организующего ритма тяжелую физическую коллективную работу в целях одновременного напряжения сил. В 1860-е на основе народной песни В. И. Богдановым и А. А. Ольхиным была создана революционная песня, получившая широкую популярность в конце XIX — начале XX в. Знаменитым исполнителем ее стал Ф. И. Шаляпин.

Вся вода исхлестана пулями врагов... — Визуальная цитата из финала кинофильма «Чапаев» (1934. Реж. братья Васильевы). Речь идет о боях во время Гражданской войны 1918–1919. Для установления контроля над важной стратегической водной артерией большевиками в июне 1918 была сформирована Волжская военная флотилия, насчитывавшая 5 вооруженных пароходов, 3 миноносца, 4 плавучие батареи, 4 катера и 4 гидросамолета с базой в Нижнем Новгороде. Боевая мощь флотилии постоянно увеличивалась и к моменту своего слияния с Волго-Каспийской флотилией в 1919 состояла из 20 канонерских лодок, 6 сторожевых кораблей, 1 плавучей батареи, 9 самолетов, включала в себя десантный отряд свыше 850 человек. Волжская военная флотилия принимала участие в боях за Казань, Сызрань, Самару, Вольск, Царицын.

*Лапами грабастая,
Корабли стараются...* —

Имеются в виду колесные пароходы — речные суда, ходовая часть которых представляет собой большие колеса с лопастями. Установленные по обе стороны корпуса корабля колеса во время движения действительно напоминают лапы плывущей собаки.

Каспий — разговорное название Каспийского моря, как называется самое большое на Земле бессточное соленое озеро, расположенное на стыке Европы и Азии. На севере в Каспийское море впадает Волга.

Переработанный специально для спектакля вариант песни «Дорога, дорога, счета нет столбам...» (1961) и версии этой песни для фильма «Саша-Сашенька» — «Дорога, дорога, счета нет шагам...» (1966).

Из воспоминаний автора пьесы К. А. Ласкари: «Георгий Фиртич написал музыку. Володя опять приехал, и мы под аккомпанемент композитора записали на моем стареньком магнитофоне почти все номера из первого акта. Показали в Театре имени Ленинского комсомола главному режиссеру Геннадию Опоркову (также вскоре безвременно ушедшему из жизни).

Почему придумали в общем-то безобидное название „застой“ для времени, которое сломало судьбы многих талантливых, честных, преданных стране и своему делу людей? Неправедливое, неверное слово. Так вот, застоя в Министерстве культуры СССР, куда мы приехали втроем — Высоцкий, Фиртич и я, — не ощущалось. Напротив, нас встретили милые, жизнерадостные тети и дяди, пышущие здоровьем и доброжелательством. Набил полный зал. Мы пели, играли и даже танцевали. Успех превзошел все наши ожидания. Окрыленные, покинули гостеприимных хозяев. А через несколько дней Володя позвонил в Ленинград: — Я ведь знал, что так будет. Не хотелось вас с Жоркой расстраивать. Зря вы со мной связались. (Только после его смерти спектакль будет поставлен.)»

Из интервью композитора Г. И. Фиртича М. Цыбульскому: «Мы начинали эту работу в 1973 году. К сожалению, премьера спектакля состоялась уже после смерти Высоцкого. <...> Я шел только от его стихов, мелодии были написаны на его стихи. <...> Мы этот спектакль пытались „пробить“ в Москве, но не вышло. И потом была попытка в Петрозаводске — с тем же результатом. <...> В конце концов спектакль поставили в Ленинградском театре имени Ленинского комсомола, году в 1983-м. В то время там главным режиссером был Опорков, это было принято к постановке. Я делал инструментовки для оркестра нашего радио, в спектакле это звучало под фонограмму. Спектакль был принят хорошо, он шел несколько лет. В 1983 году тоже были проблемы с постановкой. Помог очень тогдашний директор театра <...>. Он сумел сделать так, чтобы спектакль наконец вышел» (2006).

Дорога сломала степь напополам... — Имеется в виду Волга.

Но опять, опять на разных палубах стоим... — Пассажирские пароходы имеют несколько «этажей» — палуб; пассажиры разных классов размещались на разных палубах.

2. Дуэт разлученных

Дорога сломала степь напополам,
И неясно — где конец пути.
По дороге мы идем по разным сторонам
И не можем ее перейти.

Сколько зим этот путь продлится?
Кто-то должен рискнуть, решиться!
Надо нам поговорить — перекресток недалек,
Перейди, если мне невдомек.

Дорога, дорога поперек земли —
Поперек судьбы глубокий след.
Многие уже себе попутчиков нашли
Ненадолго, а спутников — нет.

Промелькнет как беда ухмылка,
Разведет навсегда развилка...
Где же нужные слова, кто же первый их найдет?
Я опять прозевал переход.

Река — избавленье послано двоим,
Стоит только руку протянуть...
Но опять, опять на разных палубах стоим,
Подскажите же нам что-нибудь!

Волжский ветер хмельной и вязкий,
Шепчет в уши одной подсказкой:
«Время мало, торопись и не жди конца пути».
Кто же первый рискнет перейти?

<начало 1973>

3. Куплеты Гусева

Я на виду — и действием, и взглядом
Я выдаю присутствие свое.
Нат Пинкертон и Шерлок Холмс — старье!
Спокойно спите, люди: Гусев — рядом.

Мой метод прост — сажусь на хвост и не слезаю.
Преступник — это на здоровом теле прыщик,
И я мерзавцу о себе напоминаю:
Я — здесь, я — вот он, на то я — сыщик!

Волнуются преступнички,
Что сыщик не безлик,
И оставляют, субчики,
Следочки на приступочке,
Шифровочки на тумбочке, —
Достаточно улик!

Работу строю по системе четкой,
Я не скрываюсь, не слежу тайком,
И пострадавший будет с кошельком,
Ну а преступник будет за решеткой.

Идет преступник на отчаянные трюки,
Ничем не брезгует — на подкуп тратит тыщи,
Но я ему — уже заламываю руки:
Я — здесь, я — вот он, на то я — сыщик.

Волнуются преступнички,
Что сыщик не безлик,
И оставляют, субчики,
Следочки на приступочке,
Шифровочки на тумбочке, —
Достаточно улик!

В основу песни лег текст «Песни Геращенко».

Гусев — сыщик угрозыска.

А. Н. Толстой. Из повести «Необычайные приключения на волжском пароходе»:

«Лимм и Педоти полезли в жилетные карманы за часами. Ни у того ни у другого часов не оказалось. <...>

Около озадаченных иностранцев уже стоял Гусев. Оба глаза открыты. Сказал сурово:

— Сперли у обоих. Понятно вам?

— О, — проговорили Лимм и Педоти, — это непонятно. <...>

Он пронзительно свистнул и с непостижимой расторопностью кинулся в толпу. Сейчас же оттуда выскочили два карманника — помчались по селедочным бочкам, через кучи колес, ящиков и лаптей. Гусев, казалось, появлялся сразу в нескольких местах, будто три, четыре, пять Гусевых выскакивали из-за тюков и бочек.

<...> В толпе ухали, гикали, свистели:

— Сыгы! Крой! Наддай! Вали! Вали!

И вот — все кончилось: Гусев появился с обоими часами: лицо равнодушное, один глаз опять закрыт. Лимм и Педоти захлопали в ладоши:

— Браво! Поздравляем...

— Никаких знаков одобрения. — Гусев одернул кушак.

— Работа показательная — для своих, а также для международных бандитов...»

Садиться на хвост (жарг.) — преследовать, выслеживать.

Субчик (разг.) — субъект.

*И пострадавший будет с кошельком,
Ну а преступник будет за решеткой... —*

В книге «Нат Пинкертон и современная литература» К. И. Чуковский, суммируя типичные черты романов о популярном сыщике, иронизировал: «Все в этих книжках так хорошо и прекрасно: преступники истребляются на электрических стульях, идеальные герои получают бумажники, и кровавая месть царит, как и в Патагонии, а гениален тот, у кого самый сильный кулак». Работа Чуковского была переиздана в составе его Собрания сочинений (Т. 6: Статьи 1906–1968 годов. М.: Худож. лит., 1969).

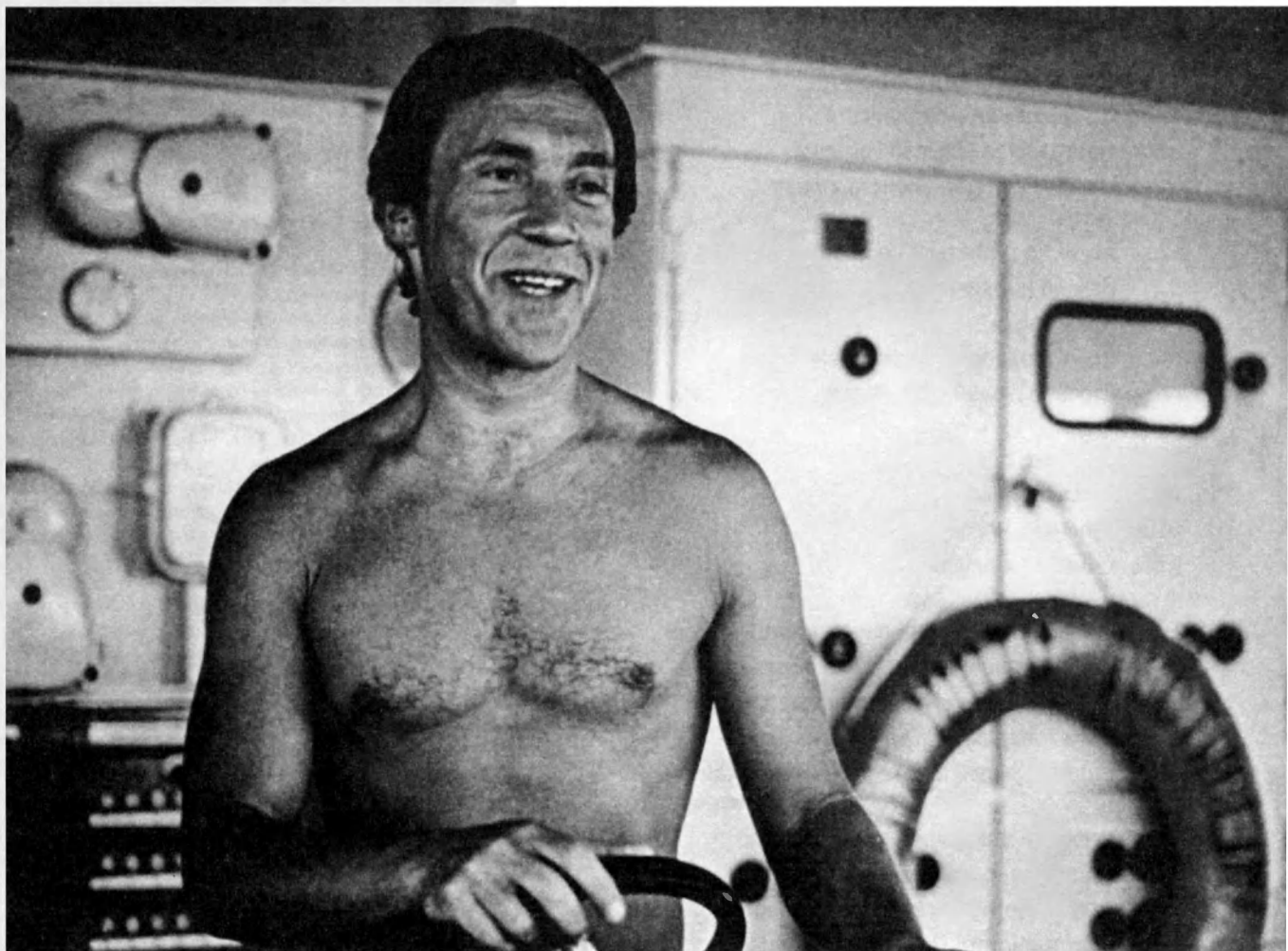
Вот я иду уверенной походкой.

Пусть знает враг — я в план его проник.

Конец один: преступник — за решеткой,

Его сам Гусев взял за воротник.

<начало 1973>

4. Посадка

«Мест не хватит, уж больно вы ловки!
Ну откуда такие взялись?
Что вы прете?» — «Да мы по путевке».
«По путевке? Пожалуйста, плиз!

Вы ж не туристы и не иностранцы,
Вам не проникнуть на наш пароход.
Что у вас?» — «Песни и новые танцы.
Этим товарам нельзя залежаться —
Столько людей с нетерпением их ждет!»

«Ну куда вы спешите? Ей-богу,
Словно зельем каким опились!»
«Мне местечко заказывал Гоголь...»
«Сам Максимыч? Пожалуйста, плиз!

Вы ж не туристы и не иностранцы,
Вам не проникнуть на наш пароход.
Что у вас?» — «Песни и новые танцы.
Этим товарам нельзя залежаться —
Столько людей с нетерпением их ждет!»

Мест не будет, броня остается:
Ожидается важный турист».
«Для рабочего класса найдется?»
«Это точно! Пожалуйста, плиз!

Вы ж не туристы и не иностранцы,
Вам не проникнуть на наш пароход.
Что у вас?» — «Песни и новые танцы.
Этим товарам нельзя залежаться —
Столько людей с нетерпением их ждет!»

«Нет названья для вашей прослойки,
Зря вы, барышни, здесь собрались».
«Для крестьянства остались две койки?»
«Есть крестьянство! Пожалуйста, плиз!

Идет посадка на круизный пароход по Волге, среди пассажиров — несколько иностранцев.

А. Н. Толстой. Из повести «Необычайные приключения на волжском пароходе»:

« — Что вам нужно, гражданин? <...>

— Две одноместные каюты первого класса рядом...

— Ваши билеты...

Началось внимательное рассматривание билетов. Человек переступал заграничными башмаками.

— Свободных кают нет, — жестом, в котором не было никакой надежды, агент вернул билеты. Пододвинул пачку телеграмм, лизнул плоский палец, начал их перелистывать, не замечая, что у человека шея потянулась, вытянулась, зрачки забегали по текстам депеш.

— Билет могу прокомпостировать, — сказал агент, — но поедете в рубке первого класса до Саратова... <...>

В контору ввалилось несколько человек с фибровыми чемоданами, — москвичи, выражение лиц нахальное и прожженное до последней грани. Обступили стол, и у агента зазвенело в ушах от поминания, — будто бы между прочим — знаменитых фамилий, декретных имен... Так, один, с мокрой шеей, в расстегнутой белой блузе, тряся отвислыми щеками, потными губами, собачьими веками:

— Послушайте, товарищ, была телеграмма моего дяди Калинина, дяди Миши?.. Не было? Значит — будет. Дайте ключ...

Другой, с носом, как будто вырезанным из толстого картона, и злоюще горящими глазами, ловко просунул костлявым плечом:

— Для пасынка профессора Самойловича, броня „Известий ВЦИК“...

Чья-то в круглых очках напыщенная физиономия, готовая на скандал:

— Максим Горький... Я спрашиваю, товарищ, была от него телеграмма по поводу меня?.. Нет? Возмутительно!.. Я известный писатель Хиврин... Каюту мне нужно подальше от машины, я должен серьезно работать. <...>

Переполненная впечатлениями была лишь верхняя палуба. Нижней — четвертому классу — было не до того: она опоражнивалась на каждой остановке — вываливалось по несколько сот мужчин и женщин и столько же вливалось, в лаптях, с узлами, сундуками и инструментами, в тесноту и селедочную вонь.

Капитан уныло поглядывал с мостика на эти потоки строителей. На сходнях крутились головы в линиях платках, рваные картузы, непричесанные космы, трещали корзины, сундучки, ребра. Два помощника капитана сбоку сходили надрывались хрипом:

— Предъявляйте билеты, граждане! Куда прете без очереди!

Грузились и выгружались партии рабочих на лесозаготовках, на торфяных разработках, на строительстве городов и фабрик. Одни уходили на сельские работы, другие — из деревень на заводы...

Солнце садилось. Лимонный закат медленно разливался над Заволжьем, над лугами и монастырскими рощами, над деревнями и дымами строительства.

— Как в котле, народ кипит... Строители, — добром их помянут через тысячи лет, — говорит Парфенов, облокотясь о перила.

Стоящий рядом капитан ответил мрачно:

— Полагается триста человек палубных, а мы сажаем до тысячи. Вонючка такая, что даже удивительно. Ни кипятку напасть, ни уборных почистить, — прут, как плотва...»

«Мне местечко заказывал Гоголь...»

«Сам Максимыч? Пожалуйста, плиз!..» —

Высокий утрирует эпизод из повести Толстого, в котором писатель Хиврин ссылается на бронь, заказанную самим Алексеем Максимовичем Горьким, живым классиком советской литературы. Персонаж песни то ли оговаривается, то ли просто прохиндей, прикрывающийся именем мертвого классика, а контролер-недоучка по созвучию фамилий путает классиков между собой.

Без еды проживешь сорок суток... — Имеется в виду срок длительности Великого поста.

Лучше с музыкой тонуть. — Обыгрывается поговорка «Умирать, так с музыкой».

Вы ж не туристы и не иностранцы,
Вам не проникнуть на наш пароход.
Что у вас?» — «Песни и новые танцы.
Этим товарам нельзя залежаться —
Столько людей с нетерпением их ждет!

Это шутке подобно — без шуток
Песни, танцы в пути задержать!
Без еды проживешь сорок суток,
А без музыки — вряд ли и пять.

Вы ж не туристы и не иностранцы,
Вам не проникнуть на наш пароход.
Что у вас?» — «Песни и новые танцы.
Этим товарам нельзя залежаться —
Столько людей с нетерпением их ждет!»

«Вот народ упрямый — всё с нахрапу!
Ладно, лезьте прямо вверх по трапу.
С вами будет веселее путь
И —

лучше с музыкой тонуть».

<начало 1973>

II. Песни для кино

Песни для кинофильма «Интервенция»

1. Песня Бродского

Как все мы веселы бываем и угрюмы!
Но если надо выбирать и выбор труден —
Мы выбираем деревянные костюмы,
Люди, люди.

Нам будут долго предлагать не прогадать:
«Ах, — скажут, — что вы, вы еще не жили!
Вам надо только-только начинать...»
Ну а потом предложат: или — или.

Или — пляжи, вернисажи, или даже
Пароходы, в них наполненные трюмы,
Экипажи, скачки, рауты, вояжи,
Или просто — деревянные костюмы.

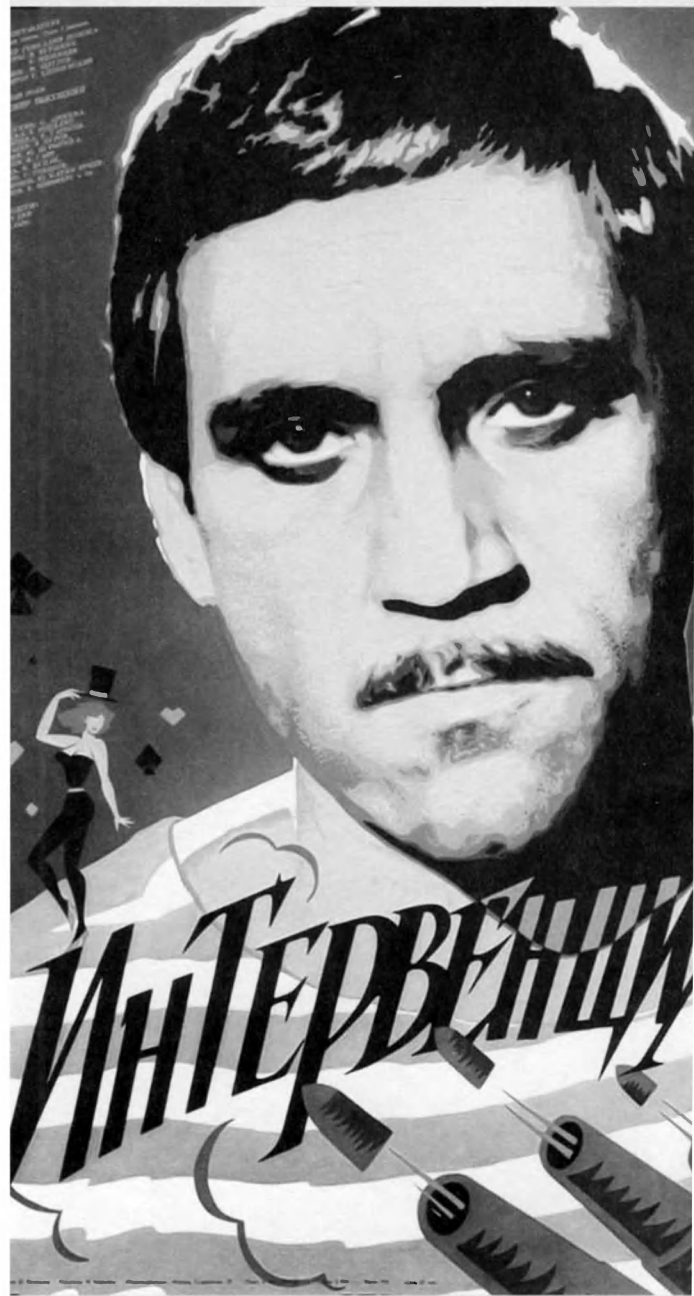
И будут веселы они или угрюмы,
И будут в роли злых шутов и добрых судей,
Но нам предложат деревянные костюмы,
Люди, люди.

Нам даже могут предложить и закурить:
«Ах, — вспомнят, — вы ведь долго не курили.
Да вы еще не начинали жить...»
Ну а потом предложат: или — или.

Дым папиросы навевает что-то.
Одна затяжка — веселее думы.
Курить охота, ох как курить охота!
Но надо выбрать деревянные костюмы.

И будут вежливы и ласковы настолько —
Предложат жизнь счастливую на блюде.
Но мы откажемся. И бьют они жестоко,
Люди, люди...

<до 10 сентября 1967>

Афиша фильма

Песня вошла в фильм в исполнении В. Высоцкого на музыку С. Слонимского.

«Интервенция». «Ленфильм», 1968. Реж. Г. И. Положа. По пьесе Л. И. Славина «Интервенция» (1933). В ролях: В. Высоцкий, Ю. Бурьгина, Ю. Толубеев, Е. Колелян, С. Юрский, О. Аросева, В. Золотухин, Р. Нифонтова, Г. Ивлиева, Е. Булавина, В. Гафт, М. Хуциев, В. Татосов, Г. Штиль, Ю. Катин-Ярцев, Н. Дупак, Б. Сичкин и др.

Действие происходит зимой и весной 1919 в оккупированной войсками французов Одессе. Остроумная, героическая, лирическая и одновременно сатирическая история борьбы за Советскую власть, снятая в стиле мистери-буфф. Среди поэтов, палачей, торгашей и банкиров, шулеров, бандитов и проституток скрывается бесстрашный подпольщик, которому удастся убедить солдат Антанты повернуть оружие против своих офицеров.

Вышел в прокат в мае 1987.

Из интервью режиссера Г. В. Положи Э. А. Рязанову: «Я в газете „Московский комсомолец“ сделал заявление о том, что буду снимать новый фильм „Интервенция“. Я хотел возродить традиции, с одной стороны, русских скоморохов, а с другой — революционного театра 20-х годов. И я обратился с интервью, надеясь найти единомышленников.

И действительно, такие люди стали появляться. Первым пришел Сева Абдулов. <...> Потом пришел и сам Володя. <...> И дальше начались пробы. И вот с самого начала, с первых шагов, он стал единомышленником режиссера. Он должен был играть Евгения Бродского, главного героя, фигуру легендарную. И не только по драматургии — эта фигура в Одессе легендарная. Высоцкий четко сразу уловил одну струю, которая его лично как артиста сближала с героем. Дело в том, что Бродский — конспиратор. Он все время кем-то притворялся. То он какой-то французский офицер, то он русский полицейский, то моряк, то грек... Он все время натягивает на себя разные личины, играет. И, только оказавшись в тюрьме, перед лицом смерти, он вдруг испытывает освобождение и остается самим собой. И это, оказывается, наслаждение, это — свобода.

Это очень поразило Высоцкого и в пьесе, и в сценарии. Он именно за это ухватился, считая, что здесь — соединение судьбы актера и героя. Он тут же решил, что нужно написать „Балладу о деревянных костюмах“. Вот этой балладой должна кончиться роль и должна кончиться жизнь этого человека».

Одесса, ул. Ласточкина

Из авторского комментария: «Это большевик-подпольщик, наш разведчик. Его прообразом был Ласточкин, именем которого названа улица в Одессе. <...> В сценарии фамилию Ласточкин заменили на Бродский. А Ласточкин был очень известный человек, революционер, который в девятнадцатом году занимался агитацией в войсках интервентов. За его голову белая разведка предлагала бешеные деньги. Он до такой степени преуспел в агитации, что интервенты не сделали ни одного выстрела ни по нашим, восставшим в Одессе, ни по войскам. Они просто ушли, покинули нашу территорию. Удивительный человек! Вездесущий, неуловимый Янус. Его все знали. Он работал с группой товарищей — Жанна Лябурб и еще несколько человек. Его арестовали, пытали. Но перед смертью он говорит Жанне: „Ну почему, зачем ты плачешь? Будь спокойна, потому что основное дело нашей жизни выполнено!“»

Деревянный костюм (жарг.) — гроб.

2. Гром прогремел

Гром прогремел,
Золяция идет.
Губернский розыск рассылает телеграммы,
Что вся округа переполнута з ворами,
И что настал критический момент,
И заедает темный элемент.

Не тот расклад — начальники грустят,
Во всех притонах пьют не вина, а отравы,
Во всем у городе — убийства и облавы.
Они приказ дают идти ва-банк
И применить запасный вариант.

Вот мент идет —
Идет в обход,
Губернский розыск рассылает телеграммы,
Что вся округа переполнута з ворами,
И что настал критический момент,
И заедает темный элемент.

А им в ответ — дают такой совет:
Имейте каплю уваженья к этой драме!
Четыре сбоку — ваших нет, не спорьте с нами.
Пусть мент идет, идет себе в обход, —
Расклад не тот, и нумер не пройдет!

<до 10 сентября 1967>

Е. Копелян в фильме «Интервенция»

Строфы 1 и 3 из пьесы Л. Славина «Интервенция». Вошла в фильм в исполнении Е. Копеляна. На музыку С. Слонимского.

Из интервью Г. И. Полоки М. Цыбульскому: «Была знаменитая песня „Гром прогремел...“ От нее сохранился только один куплет, а было их шесть. Поэтому Высоцкому заказали дописать несколько куплетов. И он их написал, а теперь кое-кто доказывает, что это не его текст, а народный.

Высоцкий учил Копеляна петь „Гром прогремел...“. Тот очень стеснялся, потому что никогда не пел. Он учился петь с голоса Володи, буквально каждую строчку. Володя и на съемках, и во время записи стоял рядом. Без Высоцкого, конечно, Копелян так бы не спел» (2006).

Четыре сбоку — ваших нет... — Как поясняет автор «Словаря пословиц и поговорок блатного русского народа» А. А. Сидоров (Фима Жиганец), означает «вы проиграли, у вас нет никаких шансов. Родилось в среде картежников, из ситуации в игре „очко“. Если банкир прикупает к имеющемуся у него на руках тузу девятку или десятку (единственные две карты, у которых по бокам нанесено по четыре значка масти; в центре у девятки расположен еще один значок, у десятки — два), это означает его несомненный выигрыш, поскольку он сразу же набирает либо 20 очков, либо 21 (номинал туза — 11 очков). Даже если у игрока 20 очков, ничья трактуется в пользу банкира („банкирское очко“), а если бы игрок сразу набрал 21 очко, это означало бы его автоматический выигрыш, и в этом случае банкиру нет смысла прикупать карты. Таким образом, четыре сбоку — это четыре значка карточной масти, означающие неотвратимый проигрыш игрока. Позже выражение стало использоваться в переносном смысле для обозначения безвыходной ситуации, проигрыша».

В фильм не вошла.

Из интервью режиссера Г. И. Полоки М. Цыбульскому: «Дело в том, что первоначально нам разрешили снять две серии, а потом, когда в картине стали проявляться черты, которые не свойственны классическим советским революционным фильмам, разговор о второй серии был снят. Пришлось сокращать, поэтому некоторые сцены выпали из фильма, а некоторые и вовсе не были сняты, поэтому и песни к этим эпизодам тоже, естественно, выпали» (2006).

Из воспоминаний инженера-осветителя киностудии «Ленфильм» А. Ивановой: «У Высоцкого с Полокой сложились необыкновенно теплые отношения. Они подолгу о чем-то беседовали и просто искали общения друг с другом. Нам со стороны было просто приятно на них смотреть. Володя очень активно интересовался всем, что происходило в картине. Он приходил на съемки даже в те дни, когда сам не снимался. Садился, смотрел и — это запомнилось — очень много общался со всеми. Всегда был веселый, заряженный на работу, готовый помочь любому. В общем, весь он был как ртуть, как такой комочек энергии, и все работавшие в картине старались быть к нему поближе. <...>

Он еще тогда не был таким знаменитым, но все мы знали его песни: у нас в киностудии работало 80 человек — почти у каждого были записи Высоцкого. Много записей, кстати, сделали наши звукотехники прямо там же, на съемках, — подзывали его к тонваге — ну и он им там пел. Потом у них многие наши переписывали для себя».

Мегера — здесь: женщина с дурным характером, злая, вредная.

Матрона — здесь: добропорядочная мать семейства.

Г. Полока и В. Высоцкий во время съемок фильма

3. Песня Саньки

У моря, у порта живет одна девчонка —
Там моряков до черта из дальних разных стран,
загадочных стран.

И все они едва ли девчонку эту знали,

Одни не замечали:

Мол, не было печали,

Ну а другим, кто пьян,

Скорее бы — стакан.

Подруга, блондинка, та, что живет у рынка,
Как день, так вечеринка — веселье там и смех,
веселье и смех,

А тихая девчонка, хоть петь умела звонко,

К подруге не ходила —

Ей не до песен было, —

Веселье и успех

В почете не у всех.

Манеры, поклоны, мегеры и матроны,
Красавчики пижоны — до них ей далеко,
до них далеко,

Ей не до поцелуев — ведь надо бить буржуев!

И надо бить, заметьте,

На всем на белом свете —

И будет всем легко,

И будет всем легко.

<до 10 сентября 1967>

4. Песня бандитов

До нашей эры соблюдалось чувство меры.
Потом бандитов называли «флибустьеры».
Теперь название звучное — «пират»
Забыли.

Бить их
И словом оскорбить их
Всякий рад.

Бандит же ближних возлюбил — души не чаёт.
И если что-то им карман отягощает,
Он подойдет к ним, как интеллигент,
Улыбку
выжмет
И облегчает ближних
За момент!

А если ближние начнут сопротивляться,
Излишне нервничать и сильно волноваться,
Тогда бандит поступит как бандит:
Он стрéльнет
трижды
И вмиг приводит ближних
В трупный вид.

И им за это ни чинов, ни послаблений.
Доходит даже до взаимных оскорблений.
Едва бандит выходит за порог,
Как сразу:
«Стойте!
Невинного не стройте.
Под замок!»

Написана на мотив «Гром прогремел». В фильм не вошла.

Из воспоминаний инженера-осветителя киностудии «Ленфильм» А. Ивановой: «Окончили мы съемки, картина получилась двухсерийная. Когда ее показывали у нас на студии, все в восторге были — мы, конечно, пристрастно относились к „Интервенции“, родное ведь, свое. И с нетерпением ждали выхода ее на экран. Но вдруг пошли слухи, что нашу картину замариновали, положили на полку. Почему?! Говорили, что, дескать, умалена роль подполья, что бандиты действуют лучше подпольщиков, что Положа сильно отошел от сценария Славина и снял не юбилейную картину об Октябрьской революции, а какую-то клоунаду-буффонаду. Говорили даже, что одному большому киноначальнику не понравилось, что главаря бандитов зовут Филиппом — в этом он усмотрел намек на себя: его тоже так звали.

Потом очень долго партийная организация „Ленфильма“ требовала, чтобы картину показали нам и дали самим высказать свое мнение. Чтобы мы сами смогли разобраться, что уж там вышло такого „анти“! Нам обещали, но так ни разу и не показали. Вернее, был какой-то „закрытый“ просмотр, куда допустили лишь несколько человек из съемочной группы, а всей массе партийцев „Интервенцию“ так и не показали. Потом долго ее доснимали, дорабатывали — но все равно фильм не приняли в Госкино. А потом якобы вышел приказ вообще смыть все пленки. Я не знаю, как Положе удалось сохранить один экземпляр. Мне

РЕВОЛЬВЕРЫ.

говорили, что иногда — очень редко — он показывал его на своих встречах со зрителями.

Мы все очень переживали такое окончание нашей работы с „Интервенцией“, но я не представляю даже, каково было все это вынести и Полоке, и Володе — ведь они всю душу вложили в картину и связывали с ней большие надежды. А получилось, что „Интервенция“ очень осложнила их кинематографическую судьбу.

Актеры писали коллективные письма во все инстанции, говорят, что даже самому Брежневу писали, — все равно картину положили на полку».

*На съемках фильма «Интервенция»
в день 30-летия Высоцкого. 25 января 1968*

На теле общества есть много паразитов,
Но почему-то все стесняются бандитов.
И с возмущеньем хочется сказать:

«Поверьте,
боже,
Бандитов надо тоже
Понимать».

<до 10 октября 1967>

Из кинофильма «Хозяин тайги»

Песня Рябого

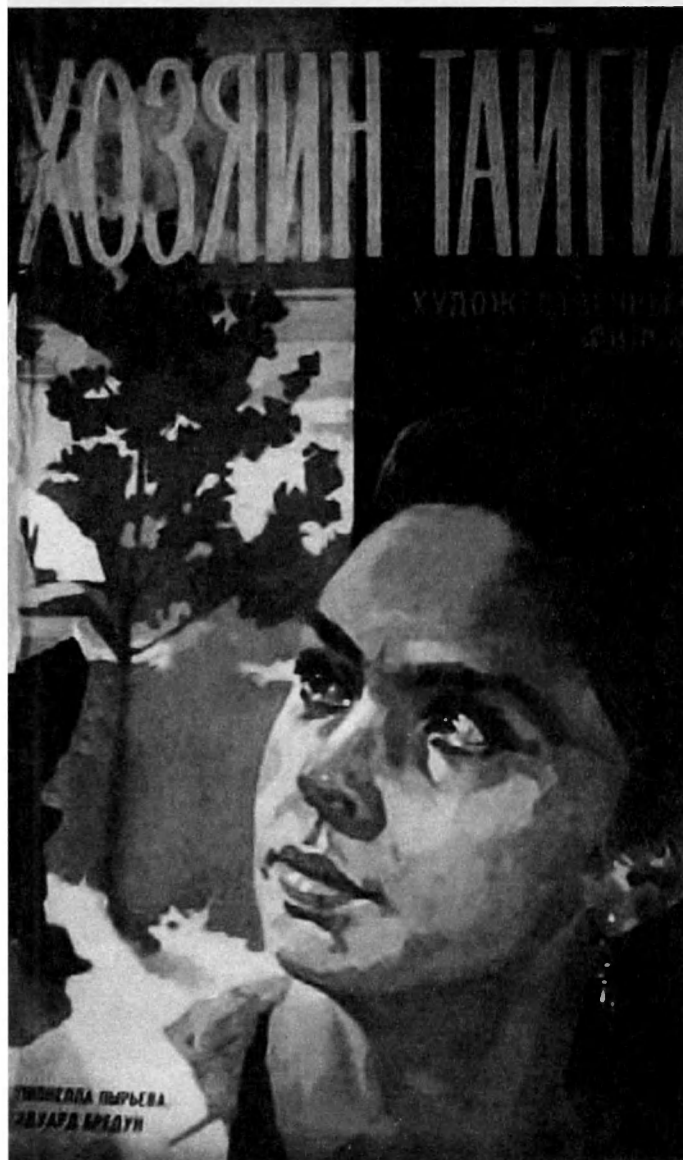
На реке ль, на озере —
Работал на бульдозере,
Весь в комбинезоне и в пыли.
Вкалывал я до зари,
Считал, что черви — козыри,
Из грунта выколачивал рубли.

Не судьба меня манила
И не золотая жила,
А широкая моя кость
И природная моя злость!

Мне ты не подставь щеки:
Не ангелы мы — сплавщики,
Недоступны заповеди нам!
Будь ты хоть сам бог Аллах,
Зато я знаю толк в стволах
И весело хожу по штабелям.

Не судьба меня манила
И не золотая жила,
А широкая моя кость
И природная моя злость!

<лето 1968>

Афиша фильма

Вошла в фильм в исполнении В. Высоцкого.

«Хозяин тайги». «Мосфильм», 1968. Реж. В. Назаров. По повести Б. А. Можая «Власть тайги». В ро-

лях: В. Золотухин, В. Высоцкий, Л. Пырьева, М. Кокшенов и др.

В таежном поселке происходит ограбление поселкового магазина. В соучастии признается рабочий Николай Ипатов. Он задержан, но молодому участковому, старшине Сережкину, не дают покоя некоторые «несостыковки» — он догадывается, что Ипатов не виновен. Подозрение падает на артель шабашников-лесославщиков и их бригадира Ивана Рябого. В ночь, когда Рябой собирается уехать из поселка со своей любимой женщиной, Сережкин решает его взять с поличным.

Из авторского комментария: «Я потрянул стариной и снялся в отрицательной роли. В роли Ивана Рябого в фильме „Хозяин тайги“.

Все артисты говорят, что они хотят играть положительные роли. Людей, которые хорошо работают. Они любят, их любят. Они улыбаются. Всем приятно на них смотреть. Но кто-то должен играть и отрицательные роли.

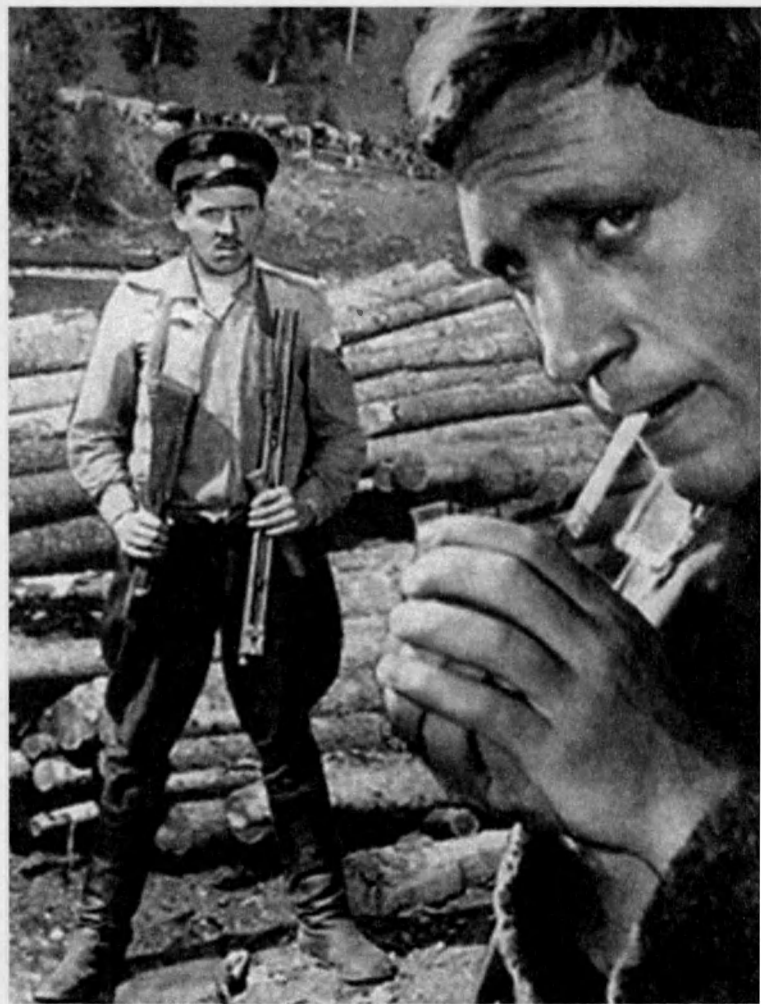
Мы снимали этот фильм в Сибири, на реке Мане, в трехстах километрах от города Красноярска, в Выезжем Логу, два с половиной месяца. Потом в Дивногорске на Красноярской ГЭС. Кино дает большие возможности в смысле того, что нигде вы не увидите столько, сколько увидишь, когда едешь на те места, где происходят съемки.

Я жил со сплавщиками. Они меня учили бегать по качающимся бревнам. Вы знаете, там же сплавляют лес не плотами, а моле, то есть отдельными бревнами. По ним довольно трудно ходить. Особенно не пробежишь. Я в фильме бегаю. Но это я насобачился. А вообще это довольно сложно. Пока добежишь — образовался залом. Его надо разбивать баграми. Можно несколько раз упасть в воду. Это довольно неприятно. Река холодная, бурная. Они меня учили растаскивать заломы...

У них был бригадир — человек с рябым лицом. Моего героя раньше звали Николаев, а я попросил нашего режиссера назвать его Иван Рябой в честь того парня. Чтобы ему было приятно. И я очень много взял от него. Так что если роль получилась, то 50 процентов на его совести. Я кое-что взял из характера, его манеру разговаривать с людьми — так, не глядя, с чувством собственного достоинства. Он знает, что его слушают. Только тот-то бригадир был положительный парень, хороший мужик был, а мой персонаж — подмоченный, нечистый на руку. Он даже магазин ограбил, докатился до преступления. Хотя он не совсем уж плохой. Он, например, искренне любит девушку. Я пытался показать и хорошее, и плохое в его характере».

Бульдозер — самоходная землеройная машина, представляющая собой гусеничный или колесный трактор, тягач и т. п. с навесным ковшом.

Мне ты не подставь щеки... — Имеется в виду заповедь Христа: «А Я говорю вам: не противься злому. Но кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую» (Мф. 5: 39).

В. Золотухин и В. Высоцкий в фильме «Хозяин тайги»

Песни из кинофильма «Опасные гастроли»

1. Куплеты Бенгальского

Дамы, господа! Других не вижу здесь.
Блеск, изыск и общество — прелестно!
Сотвори Господь хоть пятьдесят Одесс —
Все равно в Одессе будет тесно.

Говорят, что здесь бывала
Королева из Непала
И какой-то крупный лорд из Эдинбурга,
И отсюда много ближе
До Берлина и Парижа,
Чем из даже самого Санкт-Петербурга.

Вот приехал в город меценат и крез —
Весь в деньгах, с задатками повесы.
Если был он с гонором, так будет — без,
Шаг ступив по улицам Одессы.

Из подробностей пикантных —
Две: мужчин столь элегантных
В целом свете вряд ли встретить бы могли вы,
Ну а женщины Одессы —
Все скромны, все — поэтессы,
Все умны, а в крайнем случае красивы.

Грузчики в порту, которым равных нет,
Отдыхают с баснями Крылова.
Если вы чуть-чуть художник и поэт —
Вас поймут в Одессе с полуслова.

Нет прохода здесь, клянусь вам,
От любителей искусства,
И об этом много раз писали в прессе,

В. Высоцкий в фильме «Опасные гастроли»

Вошли в фильм в авторском исполнении на музыку А. Билаша.

«Опасные гастроли». Одесская киностудия, 1969. Реж. Г. Юнгвальд-Хилькевич. Автор сценария М. Мелкумов. По воспоминаниям А. Коллонтай. Композитор А. Билаш. В ролях: Н. Гринько, В. Высоцкий, Е. Копелян, Л. Пырьева, Г. Юматов, Б. Брондуков и др.

Историко-революционный водевиль на основе реальных событий. Действие происходит в Одессе в 1910. По заданию загранбюро РСДРП в город под видом французского лесопромышленника приезжает видный большевик-подпольщик, который должен организовать доставку в Россию через Одесский порт нелегальной литературы. Задание удастся выполнить. В Одессе создается театр-варьете, который, получив известность, гастролирует по России и получает из Франции под видом «театрального реквизита» пропагандистскую литературу.

Шеф жандармов Одессы Бобруйский-Думбадзе страстно влюблен в танцовщицу Софи. Ему невдомек, что она и шансонье Жорж Бенгальский (он же Николай Коваленко) распространяют подпольную литературу, прячась под масками блестящих артистов. Однажды глава жандармов оказывается за кулисами варьете, происходит смертельная схватка враждующих героев. Бенгальский гибнет.

Из интервью режиссера Г. Юнгвальд-Хилькевича: «Картина делалась по воспоминаниям Коллонтай, как она вместе с Литвиновым в начале века ввозила в Россию оружие. У нас все эти сцены убрали: власти меняли историю как хотели. Мне сказали — большевики должны везти из-за границы только листовки, то есть готовить идеологическую революцию. „Смотрите, — го-

ворю, — сама Коллонтай пишет, что оружие в Россию ввозилось с 1905 по 1911 год под видом какой-то театральной мишуры". Мне ответили категорично: „Что могла написать эта старая дура?“»

Из воспоминаний автора сценария фильма М. Мелкумова: «В. Высоцкий, прочитав сценарий, сказал:

— Это — первая в моей жизни роль шансонье в кино... да и в театре я таких ролей еще не играл... Вряд ли мне дадут сняться в вашем фильме.

Многочисленные утверждающие инстанции действительно требовали, предлагали, приказывали: заменить Высоцкого другим актером. Но мы боролись, как могли».

Из рассказа Высоцкого о работе над фильмом: «Год тому назад приехали в Москву сценарист и режиссер Одесской киностудии. И они привезли сценарий. Назывался он „Опасные гастроли“. Нет, он вообще никак не назывался. Это было странное какое-то произведение, ни на что не похожее. И то, что вы увидите на экране, — в первоначальном варианте ничего подобного не было. Сценарий был ужасный, но сам сюжет, скорее даже фабула, очень интересна <...>. Они мне предложили играть в этом фильме, и у нас началась совместная работа еще до начала картины. Мы придумали очень много новых эпизодов. Я хотел, чтобы этот парень, которого я буду играть, чтобы он был не только... Он был очень схематично написан. Он все время там переносил ящики, какие-то мешки таскал, и все время там — весь смысл в этом сценарии заключался в том, что там отвлекали полицейских вот так вот, а в это время куда-то уносили ящики. Потом с другой стороны отвлекали полицейских. Тогда ящики спускали сверху. В общем, фильм был про ящики. Про тару. А хотелось, чтобы этот фильм был про людей. И мы поэтому — так как он актер — то, совершенно естественно, я предложил им, чтобы он действовал такими способами, которые доступны актерам. А именно: чтобы он много переодевался, обманывал, так сказать, загримировавшись, играл других людей. Если он хороший актер — перевоплощался в других людей. Это вы все увидите в картине. И чтобы это был человек, который принимает самые неожиданные решения в самой трудной ситуации. Вот поэтому, наверное, ему и доверяют самые трудные задания. Он уже давно работает. Этот фильм — один из эпизодов жизни этого актера. Он до этого еще много работал и в Петербурге, и так далее, с революционерами. И мне очень хотелось, чтобы было добавлено несколько эпизодов. Неожиданных таких, когда он принимает решение быстро. Ну, это человек такой, азартный, что ли. Он немножко даже игрок. В результате таких общих разговоров появилось очень много эпизодов новых, новых сцен и так далее».

Г. Юнгвальд-Хилькевич

Из воспоминаний режиссера Г. Юнгвальд-Хилькевича: «Пробы Володи к фильму были просто потрясающими. Актерские, с песнями. И вот я привез их в Москву. В Госкино посмотрели пробы, и меня вызвали к начальству. И что же я услышал? „Попробуйте других актеров. Высоцкий сниматься не будет. Даем тебе две недели“...

Расстроенный, я вернулся в Одессу и продолжил пробы. Каждому пробовавшемуся актеру откровенно говорил, что хочу снимать только Володю. „Вы претендуете на его место. Сделайте что-нибудь, чтобы вас не утвердили...“ Пробовались Каморный, Шалевич, Громадский. Настоящие классные актеры. И они мне помогли. Каждый нарочно допустил „киксу“. Высоцкий оставался лучше всех. Для него и сценарий писался. Первые два месяца я только делал вид, будто снимаю. Когда мы наконец начали работать, приходилось за день снимать огромный музыкальный номер, навешивать метраж за месяц. Работать с Высоцким было счастьем».

Из рассказа Высоцкого о работе над фильмом: «Ну и, конечно, так как фильм снимался в Одессе, совершенно естественно, что нужна была песня об Одессе. Одесса — город веселый, город талантов. Оттуда вышло очень много и сатириков, и юмористов, и серьезных писателей. Вернее, они все серьезные. И поэтов масса оттуда. Ну и совершенно естественно, нужно было об этом еще раз сказать, потому что что-то по-

Если в Англии и в Штатах
Недостаток в меценатах —
Пусть приедут, позаимствуют в Одессе.

Дамы, господа! Я восхищен и смят.
Мадам, месье! Я счастлив, что таиться!
Леди, джентльмены! Я готов стократ
Умереть и снова здесь родиться.

Всё в Одессе — море, песни,
Порт, бульвар и много лестниц,
Крабы, устрицы, акации, мезон шанте,
Да, наш город процветает,
Но в Одессе не хватает
Самой малости — театра-варьете!

<лето 1968>

Одесса. Потемкинская лестница

следнее время как-то захирела Одесса. Не сама Одесса, а, вернее, даже разговоры о ней. Потому что говорят, дескать, «неужели в Одессе перевелись таланты»? Это неправда, потому что, когда приезжаешь в Одессу и долго там поживешь, просто на каждом шагу можно услышать такое, что ну никогда в жизни больше нигде не услышишь».

Из письма В. Высоцкого Г. Юнгвальд-Хилькевичу, август 1968, из села Выезжий Лог Краснодарского края: «Дорогой Юра! Это оказалось довольно трудно, чтобы и стилизация, и современность, и юмор, и лесть, и шик, и элегантность, и одесское чванство. Насколько удалось — увидим. Нужна музыка. Пусть композитор начинает, а потом мы вместе... Жму руку Мелкумову... А вот еще один куплет:

Лучший юмор в мире — это юмор наш,
Первый анекдот рассказан здесь, и
Лучший пляж на свете — наш одесский пляж,
Лучший вид на море — из Одессы.

Человек ломал работу,
А куда пойти в субботу
Отдохнуть от важных дел и от веселья?
Вы с Одессой незнакомы:
Как залезешь в катакомбы —
Так не хочется вылезать с подземелья».

Из воспоминаний художника В. В. Елина в интервью корреспонденту «Комсомольской правды» Е. Латышеву: «Я у него в номере ночевал в Дивногогорске, больше нигде было. Я рисовал. А он работал над песней „Дамы, господа...“ для фильма „Опасные гастроли“. Он мне напевал и другие песни об Одессе к этой картине. И получились наброски удачные.

Я говорю: „Слушай, у тебя ничего нет о катакомбах“. Он согласился, поработал: все, есть катакомбы.

К 2 часам ночи хорошие рисунки получились. В 6 должны были будить. Я говорю: „Мы будем спать с тобой 4 часа всего, как Наполеон“. А он: „Так можно за два часа выспаться“. Тут я и спросил, как получается песня. Говорит, иногда минут за 20–30 получается, иногда трудно идет, день-два. А „Дамы, господа“ он писал на моих глазах. Выкурил пачку, если не больше. Напишет новый куплет, пропоет несколько раз».

Мезон шанте (фр. maisons chantees) — кафешантан — кафе с эстрадой, с исполнением различных увеселительных номеров, музыки, танцев.

Без первого куплета вошла в фильм на музыку А. Билаша. Впервые опубликована в кн.: *Билаш А. И.* Любисток. Киев, 1970.

Из авторского комментария: «Я написал такой романс. Тоже никогда не писал романсов. Впервые в жизни написал этот романс „При свечах“. Там была единственная фраза в сценарии о том, что „ты даже поешь старинный романс, как похоронный марш буржуазии“. И вот эта вот фраза натолкнула меня на мысль. И я написал такой романс о том, что „вам вечным холодом и льдом сковало кровь...“ Такой декадентский романс».

Королева грез... — В русской культуре конца XIX — начала XX в. на образность и стилистику которой ориентирован «Романс» В. Высоцкого, был популярен образ принцессы Грезы из одноименной пьесы Э. Ростана (1895; перевод Т. Л. Щепкиной-Куперник). В основе пьесы — средневековая легенда о любви провансальского трубадура Жофруа Рюделя к триполиийской принцессе Мелиссанде. Во Франции «Принцесса Греза» Ростана была поставлена весной 1895 театром Сары Бернар. Премьера прошла с успехом. Не меньший успех ждал пьесу и в России, вышедшей на сцену уже осенью 1896. Как вспоминала Т. Л. Щепкина-Куперник, «появились вальсы „Принцесса Греза“, духи „Принцесса Греза“, шоколад „Принцесса Греза“, почтовая бумага с цитатами из „Принцессы Грезы“».

2. Романс при свечах

Было так: я любил и страдал.

Было так: я о ней лишь мечтал,

Я ее видел тайно во сне

Амазонкой на белом коне.

Что мне была вся мудрость скучных книг,

Когда к следам ее губами мог припасть я!

Что с вами было, королева грез моих?

Что с вами стало, мое призрачное счастье?

Наши души купались в Весне,

Были головы наши в огне.

И печаль, с ней и боль — далеки,

И казалось, не будет тоски.

Ну а теперь — хоть саван ей готов!

Смеюсь сквозь слезы я и плачу без причины.

Ей вечным холодом и льдом сковало кровь

От страха жить и от предчувствия кончины.

Понял я: больше песен не петь.

Понял я: больше снов не смотреть.

Дни тянулись с ней нитями лжи,

С нею были одни миражи.

Я жгу остатки праздничных одежд,

Я струны рву, освобождаясь от дурмана.

Мне не служить рабом у призрачных надежд,

Не поклоняться больше идолам обмана.

<начало 1969>

3. Баллада о цветах, деревьях и миллионерах

В томленье одиноком,
В тени — не на виду —
Под неусыпным оком
Цвела она в саду.

Мама́ — всегда с друзьями,
Папа́ от них сбежал,
Зато Каштан ветвями
От взглядов укрывал.

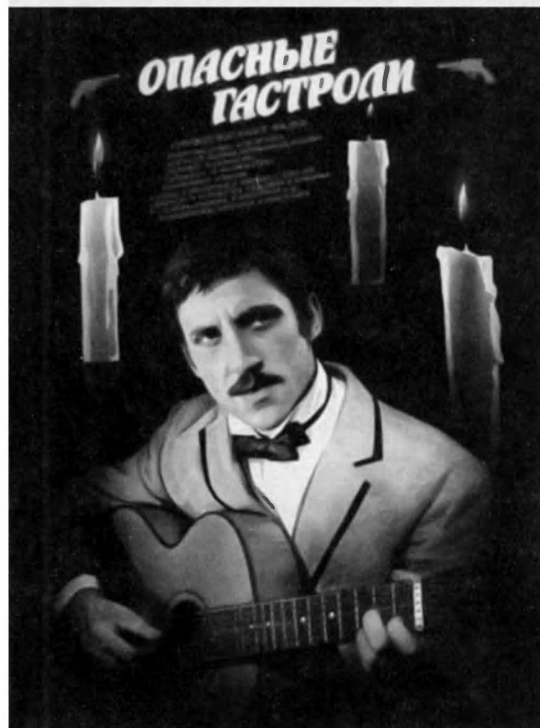
Высоко ль или низко
Каштан над головой —
Но Роза-гимназистка
Увидела его!

Нарцисс — цветок воспетый,
Отец его — магнат,
И многих роз до этой
Вдыхал он аромат.

Он вовсе был не хамом —
Изысканных манер.
Мама́ его — гранд-дама,
Папа́ — миллионер.

Он в детстве был опрыскан —
Не запах, а дурман!
И Роза-гимназистка
Вступила с ним в роман.

И вот — исчадь ада! —
Нарцисс тот, ловелас,
«Иди ко мне из сада!» —
Сказал ей как-то раз.

Афиша фильма

Другое название: «Шансонетка». Вошла в фильм на музыку А. Билаша. Как и песня «Я не люблю», была отснята и смонтирована, долго не утверждалась худсоветом, но осталась в фильме. Впервые опубликована в кн.: Билаш А. И. Любисток. Киев, 1970.

Из выступления Владимира Высоцкого: «Песни в „Опасных гастроях“ стилизованы под „одесские песни“, под какие-то шансонетки тех лет, под романсы того времени — начала века... Как мог, так и сделал. Писал, так сказать, без знания дела, но в общем кое-что, говорят, получилось». «Это песни, конечно, не мои. Они на меня мало похожи. <...> Это песни-стилизации, песни, которые пелись в начале века. Там, например, есть одна смешная песня-шансонетка, которую я пою, когда танцуют канкан» (1971).

Шансонетка (фр. *chansonnette*, уменьшительное от *chanson* — песня) — небольшая песенка игривого, часто флиртового содержания. Исполняется с богатой жестикуляцией, иногда и с танцевальными движениями.

Нарцисс — цветок воспетый... — В русской поэзии нарцисс в качестве объекта лирических переживаний встречается гораздо реже, чем роза, но Высоцкий точно уловлен интерес к этому цветку в поэзии конца XIX — начала XX в. Он встречается в стихах М. Лохвицкой, А. Блока и др. Наиболее заметным в русском поэтическом гербарии этого времени можно считать стихотворение К. Бальмонта «Цветы нарцисса» (1897):

Точно из легкого камня иссечены,
В воду глядят лепестки белоснежные.
Собственным образом пристально встречены,
Вглубь заглянули цветы безмятежные.

Мягкое млеет на них трепетание,
Двойственно-бледны, растут очертания.
Вглубь заглянули немые цветы —
Поняли, поняли свет Красоты!

Сердце, багряной чертой окаймленное,
Тайно хранит золотые признания.
Только в себя невовратно-влюбленное,
Стынет, бледнеет, в мечтах без названия.

С чистою грезой цветок обручается,
Грезу любя, он со Смертью венчается.
Миг — и от счастья гаснут цветы, —
Как они поняли свет Красоты!

Ловелас — дамский угодник и соблазнитель женских сердец, по имени персонажа романа С. Ричардсона «Кларисса» (1748) Ловеласа (фр. Lovelace).

Когда еще так пелось?!
И Роза, в чем была,
Сказала: «Ах!», зарделась
И вещи собрала.

И всеми лепестками
Вмиг завладел, нахал.
Мама́ была с друзьями,
Каштан — уже опал.

Искала Роза счастья
И не видала, как
Сох от любви и страсти
Почти что зрелый Мак.

Но думала едва ли:
«Как душен пошлый свет!»
Все лепестки опали —
И Розы больше нет.

И в черном цвете Мака
Был траурный покой.
Каштан ужасно плакал,
Когда расцвел весной.

<начало 1969>

4. Цыганская песня

Камнем грусть висит на мне, в омут меня тянет.
Отчего любое слово больно нынче ранит?
Просто где-то рядом встали табором цыгане
И тревожат душу вечерами.

И, как струны, поют тополя.
Ля-ля-ля-ля, ля-ля, ля-ля-ля-ля!
И звенит, как гитара, земля.
Ля-ля-ля-ля, ля-ля, ля-ля-ля-ля!

Утоплю тоску в реке, украду хоть ночь я, —
Там в степи костры горят, и пламя меня манит.
Душу и рубаху — эх! — растерзаю в клочья,
Только пособите мне, цыгане!

Прогуляю я все до рубля.
Ля-ля-ля-ля, ля-ля, ля-ля-ля-ля!
Пусть поет мне цыганка, шаля.
Ля-ля-ля-ля, ля-ля, ля-ля-ля-ля!

Все уснувшее во мне струны вновь разбудят,
Все поросшее быльем да расцветет цветами!
Люди добрые простят, а злые — пусть осудят, —
Я, цыгане, жить останусь с вами.

Ты меня не дождешься, петля!
Ля-ля-ля-ля, ля-ля, ля-ля-ля-ля!
Лейся, песня, как дождь на поля.
Ля-ля-ля-ля, ля-ля, ля-ля-ля-ля...

<начало 1969>

В фильм вошла с музыкой А. Билаша в исполнении Рады и Николая Волшаниновых.

Из авторского комментария: «Еще там была такая песня, которую поют Рада и Коля Волшаниновы. Я для них писал эту песню. Такая она получилась действительно цыганская. Так что, в общем, все — я туда написал все песни, которые, в общем, мне не свойственны. Первый раз я попробовал себя в этом жанре, в таком жанре стилизации, легкости какой-то».

Из интервью Р. Волшаниновой М. Цыбульскому: «Володя написал для нас песню, это вы знаете, конечно. Причем писал он ее на ходу, на кузове машины, карандашом быстро записывал. Съёмки были довольно странные. Режиссер фильма Хилькевич пригласил нас, уже когда фильм был отснят, и нужно было ночью снять и записать две песни. Моей старшей дочке было двенадцать лет, я ее схватила, и мы срочно приехали в Одессу.

Текст был написан огромными буквами и находился в оркестровой яме. Мы пели и подглядывали — вот на таких скоростях это снималось».

Из воспоминаний автора сценария фильма М. Мелкумова: «И вот фильм „Опасные гастроли“ с замечательной музыкой Александра Билаша и песнями Владимира Высоцкого на экранах страны (1969 год). Боже мой, что началось! Все газеты, даже те, которые до этого не писали о кино, обрушились на картину. „Внимание: пошлость“, „Уберите с экрана халтуру“, „Протестуем“, „Нижегородские французы“. Такими заголовками пестрили газетные рецензии... А фильм между тем собрал за полтора года 87 миллионов зрителей».

Из выступления на концерте: «Мне кажется просто, что критиковали нас не с тех позиций — нельзя говорить: „Как же так! О революции...“ Это не о революции фильм. Фильм, просто затрагивающий один из эпизодов, когда подполью помогали актеры. Могут же помогать подполью актеры Малого или Академического театра?! А почему не актеры варьете? Так что я считаю, что это фильм развлекательный, к нему так и надо было относиться» (1971).

Люди добрые простят, а злые — пусть осудят... — Ср. Ап. Григорьев, «Цыганская венгерка» (1857):

А меня пусть люди судят,
Меня Бог простит...

Я, цыгане, жить останусь с вами. — Мотив, восходящий к сюжету поэмы А. С. Пушкина «Цыганы» (1824).

Пластинка «Рада и Николай Волшаниновы.
Цыганские песни и старинные романсы»

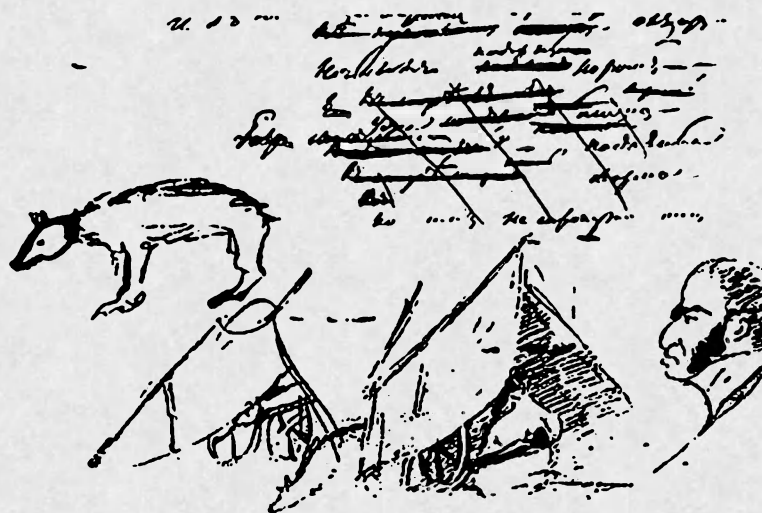

Рисунок А. С. Пушкина в рукописи поэмы «Цыганы»

Песня из кинофильма «Дела давно минувших дней» («Ленфильм», 1972. Режиссер В. Шредель). Вошла в фильм в исполнении И. Варшавской на музыку И. Шварца.

Из воспоминаний композитора И. И. Шварца: «По идее картины это должно быть такое танго, которое поет офицер царской армии. Все действие фильма происходит при советской власти, во времена нэпа, но песня должна быть более старая — времен революции. Меня Шредель попросил сочинить музыку и предложил, чтобы Высоцкий писал слова.

Честно говоря, меня это несколько удивило. Я подумал: как же Володя сможет написать нечто совершенно другое — отличающееся от его творческой манеры?

Однако он написал совершенно изумительные по точности, по схваченному образу, по характерности стихи — но совершенно чуждые, на мой взгляд, ему по тогдашнему социальному, если можно так выразиться, направлению его творчества. Получилось что-то типа безнадежного жестокого офицерского романа в стиле Вертинского. Я бы даже назвал это стилизацией, однако чрезвычайно талантливой, со стопроцентным попаданием в яблочко темы.

Что меня тогда удивило и поразило — при встрече он сказал буквально следующее:

— Мне не важно, сколько я получу за это денег, но мне очень важно, чтобы в титрах было мое имя.

Конечно, это совершенно справедливое и закономерное требование с точки зрения авторских прав. И удивился я потому, что это ведь само собой разумеющееся правило. В моей практике такого вопроса никогда не стояло, а Володиных трудностей в этом плане я тогда не знал.

Короче говоря, он передал мне текст песни — прелестные слова! — и я попытался написать музыку. Получилось танго. Ему эта музыка понравилась. Это был вообще один из редчайших случаев, когда ему нравилась музыка, написанная на его слова. А в моей практике работы с ним — чуть ли не единственный. Словом, здесь у нас вышла симпатичная штука, очень красиво сделанная, эффектная. И одновременно было видно, что это не всерьез. Такая стояла задача.

И. Варшавская

В этом фильме „Дела давно минувших дней“ ее спела Инна Варшавская. Мне это пение, откровенно говоря, не понравилось — показалось слишком вычурным. Она не столько пела, сколько пыталась как актриса сыграть это. К моему глубокому огорчению, песня была спета с большим нажимом, и получился как бы вставной номер, а это всегда обречено на неудачу. Кроме того, в кино судьба песни во многом зависит от несущественных, казалось бы, обстоятельств: как она поставлена, на каком месте звучит, кто ее спел. И в данном конкретном случае Инна Варшавская, безусловно способная и очень талантливая актриса, не справилась. Ну и, наверное, режиссер тут поставил неправильную задачу. Мы просто не знали, куда ее приткнуть. В результате она прозвучала в фильме не полностью, а каким-то отрывком, без начала. И поэтому песня провалилась.

Я всегда очень серьезно отношусь к своему делу, и поэтому я больше не дал хода этой песне. Она состоялась в картине — и все. Больше я ее никому не давал. Хотя всем это жестокое танго очень нравилось. Жаль, конечно, что пропала эта вещь. Вы знаете, даже нот не осталось».

Романс из фильма «Дела давно минувших дней»

Оплавляются свечи
На старинный паркет,
И стекает на плечи
Серебро с эполет,
Как в агонии, бродит
Молодое вино...
Все бывшее уходит,
Что придет — все равно.

И, в предсмертном томленьи
Озираясь назад,
Убегают олени,
Нарываясь на залп,
Кто-то дуло наводит
На невинную грудь...
Все бывшее уходит,
Пусть придет что-нибудь.

Кто-то злой и умелый,
Веселясь, наугад
Мечет острые стрелы
В воспаленный закат,
Слышно в буре мелодий
Повторение нот...
Пусть бывшее уходит,
Пусть придет, что придет.

«июль 1972»

Из кинофильма «Единственная дорога»

Приговоренные к жизни

В дорогу — живо! Или — в гроб ложись.
Да! Выбор небогатый перед нами.
Нас обрекли на медленную жизнь —
Мы к ней для верности прикованы цепями.

А кое-кто поверил второпях —
Поверил без оглядки, бестолково.
Но разве это жизнь — когда в цепях?
Но разве это выбор — если скован?!

Коварна нам оказанная милость —
Как зелье полоумных ворожих:
Смерть от своих — за камнем притаилась,
А сзади — тоже смерть, но от чужих.

Душа застыла, тело затекло,
И мы молчим, как подставные пешки,
А в лобовое грязное стекло
Глядит и скалится позор в кривой усмешке.

И если бы оковы разломать —
Тогда бы мы и горло перегрызли
Тому, кто догадался приковать
Нас узами цепей к хваленной жизни.

Неужто мы надеемся на что-то?
А может быть, нам цепь не по зубам?
Зачем стучимся в райские ворота
Костяшками по кованым скобам?

В. Высоцкий в фильме «Единственная дорога»

«Единственная дорога» («Okovani soferi»). Совместное производство «Мосфильм» и «Filmski Studio Titograd», Югославия. 1974. Реж. В. Павлович. Автор сценария В. Трунин.

В ролях: А. Кузнецов, Д. Яницкиевич, В. Высоцкий, Л. Дуров, Влад. Дворжецкий, И. Мирошниченко, С. Данильченко, Н. Дупак и др.

Из выступления Владимира Высоцкого: «Сейчас я снялся в одной картине советско-югославской, которая называется „Единственная дорога“. Это довольно интересная идея. Дело в том, что в 44-м году была такая история. Немецкий танковый парк в Югославии стоял без горючего. Тема актуальная в связи с кризисом. Мы сделали этот фильм как будто про сейчас. А на самом деле немцы посадили... Там шла колонна примерно из 200–300 гигантских бензовозов. И шоферы на этих машинах были русские пленные, которых немцы приковали цепью к плите на полу в этих бензовозах. И сообщили партизанам, что сидят русские шоферы. И партизаны не могут стрелять, потому что бензин загорится и будут гибнуть люди.

Я играю одного из этих окованных шоферов» (1974).

Из интервью режиссера кинофильма В. Павловича: «По сценарному времясчислению до победы оставался еще целый год. Но во всем, даже в самой нехватке горючего, видны пробоины в налаженном механизме немецкой военной машины, чувствовалось приближение конца войны. События, о которых рассказывает фильм, длились три дня, с 23 по 25 апреля, в Северной Италии. Более точный адрес дать невозможно: место действия менялось вместе с перевозившей бензин немецкой колонной.

Немецкий грузовик «мерседес»

В сценарии точно обозначено, сколько и каких машин было в колонне. И все-таки мы сами впервые ощутили размах и опасность предстоящей партизанской операции, когда увидели на экране, на общем, снятом с вертолета плане растянувшуюся без конца и без края вдоль извилистой дороги ленту горячего (а в каждой машине двенадцать тонн смерти).

Чтобы хоть как-то обезопасить свою шкуру, гитлеровцы посадили за руль русских пленных. Пленные вели машины в наручниках, цепь от которых связывала их с охранником.

Задание отряда югославских партизан — остановить колонну, но ни в коем случае не ценой жизни русских пленных. Как же быть? Но получилось так, что русские и югославы действовали согласованно без встреч и тайной переписки. Связь без связи — высшее проявление единодушия. И те и другие знают, что не допустят, чтобы бензин попал на фронт, и ищут разумное решение, единственную дорогу к победе и к жизни. <...>

Перед скованными русскими пленными стоял выбор: взорваться вместе с бензином или выжидать момента, когда можно будет выйти победителями с минимальным количеством жертв. Победить и остаться живыми — разве это не трудней, чем взлететь в воздух? Разве в этом не больше мужества, чем в фанатизме? Те же, кому пришлось умереть, погибли за жизнь, а не за смерть. И в память о них мы должны бороться за то, чтобы люди шли по единственной дороге жизни — дороге мира».

Подставная пешка — в шахматах легкая фигура, обреченная на жертву, используется как тактический маневр с целью получения позиционного преимущества.

Нам предложили выход из войны,
Но вот какую заломили цену:
Мы к долгой жизни приговорены
Через вину, через позор, через измену!

Но стоит ли и жизнь такой цены?!
Дорога не окончена! Спокойно! —
И в стороне от той, большой, войны
Еще возможно умереть достойно.

И рано нас равнять с болотной слизью —
Мы гнезд себе на гнили не сошьем!
Мы не умрем мучительною жизнью —
Мы лучше верной смертью оживем!

<весна–лето 1973>

Песни из кинофильма «Бегство мистера Мак-Кинли»

1. Баллада о маленьком человеке

Погода славная,
А это главное.
И мне на ум пришла мыслишка презабавная,
Но не о Господе
И не о космосе —
Все эти новости уже обрыдли до смерти.

Сказку, миф, фантазмагорию
Пропую вам с хором ли, один ли.
Слушайте забавную историю
Некоего мистера Мак-Кинли —
Не супермена, не ковбоя, не хавбека,
А просто маленького, просто человека.

Кто он такой — герой ли, сукин сын ли —
Наш симпатичный господин Мак-Кинли?
Валяйте выводы, составьте мнение
В конце рассказа в меру разумения.
Ну что, договорились? Если так —
Привет! Буэнос диас! Гутен таг!

Ночуешь в спаленках
В обоях аленьких
И телевиденье глядишь «для самых маленьких».
С утра полчаса
Займет гимнастика —
Прыжки, гримасы, отжимание от пластика.

И трясешься ты в автобусе,
На педали жмешь, гремя костями,
Сколько вас на нашем тесном глобусе
Весело работает локтями!

Д. Банионис в фильме
«Бегство мистера Мак-Кинли»

«Бегство мистера Мак-Кинли». «Мосфильм», 1974.
Режиссер-постановщик М. Швейцер. Режиссер С. Милькина. Автор сценария Л. Леонов, по одноименной повести. Музыка И. Шварца.

В ролях: Д. Банионис, Ж. Болотова, А. Степанова, Б. Бабочкин, А. Демидова, В. Высоцкий, Л. Куравлёв, И. Кваша и др.

Действие происходит в Америке в 1970-е. Изобретено средство («коллоидный газ»), позволяющее человеку заснуть на длительный срок (несколько веков) и проснуться в том же виде, что и в момент погружения в сон. Бизнесмен Сэм Боулдер придумывает, как использовать изобретение в коммерческих целях, и создает систему сальваториев — укрытых глубоко под землей, отлично оборудованных хранилищ тел тех людей, что пожелали отправиться в будущее — спасаясь от неизлечимой сегодня болезни, от скуки, от угрозы ядерной войны и т. п.

Главный герой фильма Мак-Кинли — маленький человек, клерк в одном из рекламных бюро, любит детей и мечтает сам стать отцом многочисленных детишек, но сделать это ему мешает комплекс неполноценности. Мак-Кинли мечтает убежать и от окружающего мира, и от самого себя. Однажды в рамках рекламной акции он попадает в один из сальваториев и решает воспользоваться его услугами. Разными способами он пытается достать необходимую сумму денег и наконец выигрывает ее в лотерею. Мечта сбылась. Мак-Кинли засыпает, чтобы проснуться через триста лет и оказаться на выжженной войной Земле. По счастью, это всего лишь страшный сон героя, на самом деле он остается в своем времени.

Из воспоминаний режиссера С. А. Милькиной: «Мы начинали работу по киноповести Л. Леонова „Бегство мистера Мак-Кинли“. Там на высоком уровне была реализована тема современного маленького человека, запуганного, загнанного, утесненного страшным современным миром. Тут перед Швейцером встала проблема: как сделать эту схему, довольно сложную, как всё у Леонова, доступным зрелищем. И Швейцер взялся делать и сделал режиссерский сценарий, гораздо более приспособленный быть зрелищем, чем то, что мы имели со страниц Леонова. В частности, была реализована идея такая: авторскую мысль, авторский текст сделать в виде такой песенной прослойки, по-брехтовски, чтобы эта мысль-песня шла как бы снизу, из самой гущи жизни. И там, где, по замыслу, должны были эти песни, эти баллады звучать, Швейцер дал такие очень образные подстроичники. Собственно, они уже в сценарии были подведены к самой грани поэзии, но, конечно, не были стихами.

Но ведь дело в том, что поскольку фильм задумывался на американском материале, то и виделся он нам сделанным в американской манере. А американское кино очень широко использует прием сквозных баллад, и там есть блестящие их сочинители и исполнители. Мы просмотрели массу материала в фондах и убедились, что сделать такое у нас — вещь почти невозможная. Мы не видели ни автора, ни исполнителя. Наш любимый Булат Окуджава — человек иного направления, в нем нет такого гражданского пафоса, нет нужного нам ракурса. Ведь фильм-то должен быть резко антибуржуазным, и в песнях мы хотели дать разворот всей многоаспектной бесчеловечности, показать густоту этой атмосферы насилия, страха, безысходности. Иными словами, фильм должен был держаться на этих балладах, как мост зиждется на опорах...

Швейцеру казалось в то время, что нужного нам человека вообще нет. Шла речь даже о приглашении Дина Риды. Но на это мы не пошли, и к счастью, на нас не очень и давили, да это бы и очень дорого стоило. Мы были в тупике.

И я произнесла фамилию Высоцкого. Михаил Абрамович хорошо относился к Володе и согласился его попробовать, но сказал:

— Предупреждаю, это такой милый и славный человек, что ему будет очень трудно говорить о несоответствии.

Дальше было так.

Я позвонила ему, сказала:

— Володя, мы хотим дать тебе посмотреть сценарий; прочти, выскажи свое мнение и скажи, не хоте-

Как наркоманы — кокаин, и, как больные,
В заторах нюхаешь ты газы выхлопные.

Но строен ты — от суеты худеют,
Бодреют духом, телом здоровают.
Через собратьев ты переступаешь,
Но успеваешь, все же успеваешь
Знакомым огрызнуться на ходу:
«Салют! День добрый! Хау ду ю ду!»

Для созидания
В коробки-здания
Ты заползаешь, как в загоны на заклятие.
В поту и рвении,
В самозабвении
Ты создаешь — творишь и рушишь в озарении.

Люди, власти не имущие!
Кто-то вас со злого перепою,
Маленькие, но и всемогущие, —
Окрестил «безликою толпою»!
Будь вы на поле, у станка, в конторе, в классе,
Но вы причислены к какой-то серой массе.

И в перерыв — в час подлинной свободы —
Вы наскоро жуete бутерброды.
Что ж, эти сэндвичи — предметы сбыта.
Итак, приятного вам аппетита!
Нелегкий век стоит перед тобой,
И все же — гутен морген, дорогой!

Дела семейные —
Платки нашейные
И пояса, и чудеса галантерейные...
Жена ласкается,
Цена кусается,
Махнуть рукою — да рука не поднимается!

Цену вежливо и тоненько
Пропищит волшебник-трикотажник.
Ты с невозмутимостью покойника
Наизнанку вывернешь бумажник.
Все ваши будни, да и праздники — морозны.
И вы с женою, как на кладбище, серьезны.

С холодных стен — с огромного плаката
На вас глядят веселые ребята,
И улыбаются во всех витринах
Отцы семейств в штанах и лимузинах.
Откормленные люди на щитах
Приветствуют по-братски: «Гутен таг!»

Откуда денежка?
Куда ты денешься —
Тебе полвека, друг, а ты еще надеешься!
Не жди от ближнего,
Моли Всевышнего —
Уж Он тебе всегда пошлет ребенка лишнего!

Трое, четверо и шестеро!
Вы, конечно, любите сыночков!
Мировое детское нашествие
Бестий, сорванцов и ангелочков.
Ты улыбаешься обложкам и нарядам,
Ты твердо веришь: удивительное — рядом!

Не верь, старик, что мы за все в ответе,
Что где-то дети гибнут — те, не эти.
Чуть-чуть задуматься — хоть вниз с обрыва!
А жить-то надо, надо жить красиво.
Передохни, расслабься. Перекур!
Гуд дэй, дружище! Пламенный бонжур!

лось бы тебе заняться теми балладами, которые там есть.

— Давайте.

И где-то в коридоре „Мосфильма“ я передала ему этот сценарий. Кроме сценария, у нас не было ничего, и я сказала, что время терпит, и высказать свое мнение он сможет, когда ему того захочется. Это было в пятницу.

В следующий четверг он позвонил нам домой и сказал:

— Я прочел сценарий, мне очень нравится, я возьмусь за эту работу. Я бы хотел встретиться и поговорить.

Я предложила встретиться просто у нас дома. Он сказал:

— Хорошо, я приду с гитарой. В воскресенье.

И он пришел в воскресенье... Он пришел в такой коротенькой черной куртке, в этих обтянутых своих джинсах, с гитарой на такой тесемочке...

Тут ведь еще вот что. Володя был первым человеком, которому мы показали нашу, пока чисто бумажную, затею. И именно поэтому ожидание его мнения чрезвычайно интересовало, волновало и, пожалуй, даже нервировало Швейцера. И еще он думал, что Володя будет пока только спрашивать и придется отвечать.

Вот такой был момент.

Ах, люди странные,
Пустокарманные,
Вы — постоянные клиенты ресторанные,
Мошны бездонные,
Стомиллионные
Вы наполняете — вы, толпы стадионные.

И ничто без вас не крутится:
Армии, правители и судьи, —
Но у сильных в горле, словно устрица,
Вы скользите, маленькие люди!
И так о маленьком пекутся человеке,
Что забывают лишний ноль вписать на чеке.

Ваш кандидат — а в прошлом он лабазник —
Вам иногда устраивает праздник.
И не безлики вы, и вы — не тени,
Коль надо в урну бросить бюллетени.
А «маленький» — дурацкое словцо,
Кто скажет так — ты плюнь ему в лицо.
Пусть это слово будет не в ходу.
Привет, Мак-Кинли, хау ду ю ду!

<сентябрь–декабрь 1973>

А Володя вдруг и говорит:

— Ребята! А я написал уже баллады. Я вам их спою. Понравятся они вам — хорошо, а нет — вы мне скажете, и я буду делать еще. Только я предупреждаю: они длинные. Набирайтесь терпения — я буду играть.

И он сел на диван, поставил перед собой стул и вытащил стопку листов, исписанных карандашом. Он их даже еще наизусть не помнил! Дал мне эту пачку, чтобы я держала ее перед ним и снимала спетые листы.

Мы как-то приладились, и он начал было уже петь, но вдруг вскочил и сказал:

— Знаете, я всегда страдаю от своей дешевой музыки. Я ровно настолько композитор, насколько мне необходимо спеть мои стихи. Но учтите, я просто потребую, если вам это понравится, чтобы композитор картины превратил это в музыку. А пока не слушайте музыку, слушайте баллады.

И он спел! Он спел „Балладу о маленьком человеке“, „Балладу об оружии“, „Балладу о Кокильоне“, он спел „Грустную песню“ („Кто-то посмотрел плод, что неспел...“), он спел песню хиппи „Вот это да!“ — и сказал:

— Вот это я написал для себя — я же буду играть этого вашего Билла Сиггера. — Он сам прямо так и сказал.

Он спел „Мистерию хиппи“, он спел „Песню об уходе в рай“. Семь баллад! Почти все! В следующий раз он дописал только „Манекены“ и „Песню футбольной команды «Медведи»“.

Швейцер был совершенно ошеломлен...

Когда Володя их показал, мы, откровенно говоря, ахнули — что же делать с „Балладой о маленьком человеке“, ведь она не может быть реализована просто из-за своей длины! В прологе кусочку, представляющему Мак-Кинли, может быть уделено от силы 30 метров, а эта баллада занимает все 200. Значит, она обречена. Значит, Швейцер подвел художника — ведь в своем подстрочнике он именно так все и написал. Но он имел в виду вообще заразить идеей, из которой, ожидалось, поэт сделает некую выжимку и произнесет ее в трех словах. А Володя взял все! И в картине баллада была реализована по-другому: это было коротенькое речитативное выступление Певца под музыку — очень короткое, вошедшее в определенные рамки».

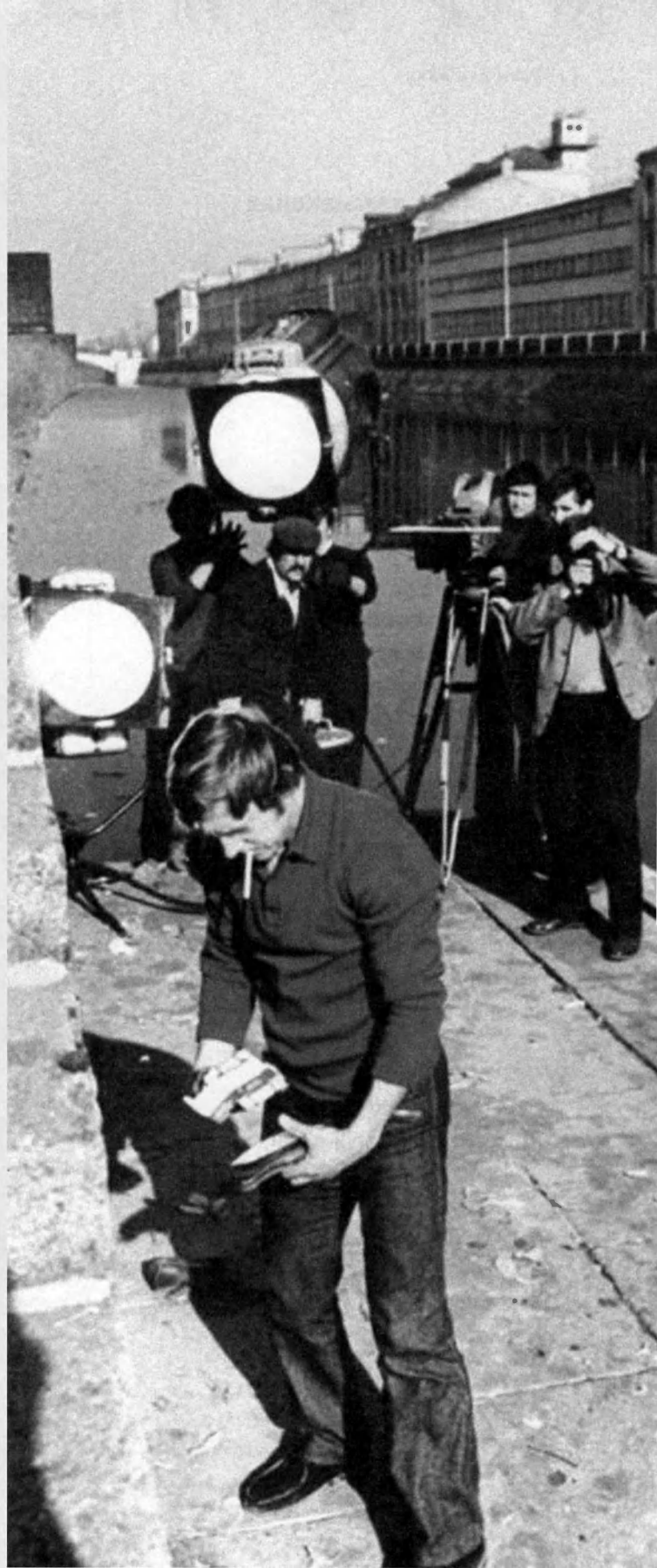
«Баллада о маленьком человеке» (на муз. И. Шварца) в фильм не вошла. Вместо нее в исполнении В. Высоцкого вошел речитатив из сценария, известный под названием «Улица», сходный по содержанию и с использованием отдельных выражений и формулировок: «Сейчас! Сейчас вам будет показана забавная история некоего симпатичного мистера Мак-Кинли, из которой каждый сделает выводы по своему разумению. Он не бог, не герой, не звезда, он, как ты, как я — маленький человек. Добрый день, приятель! Бон-жур! Буэнос диас! Гут морген! Боно джорно! Ха уду ю ду? Тебе всегда некогда. Ты спешишь на работу. Ты работаешь везде и делаешь все, что положено делать человеку. Все, что велел ему делать Господь Бог. На заводе, на ферме, в парикмахерской, у бензозаправки, в школьном классе, в уличном писсуаре. Только не дай Бог быть безработным. Ты едва сводишь концы с концами. На рынке, в универсаме ты и твоя жена серьезны, как на кладбище. Цены! Цены! О Боже, такого не бывало! Правда, говорят, что это „инфляция“, „девальвация“, „временный спад“ — все по науке! А тебе надо до полочки дотянуть. Ты читаешь газеты, друг! Листаешь журналы... А вдруг... (Листает журнал, на развороте фотография ядерного взрыва.) А это что? А! Ядерный взрыв. Ну, говорят, это где-то далеко. Авось до нас не доползет. А потом в такое поверишь — жить не захочется. А тебе нужно жить. Ты всем нужен, друг. Тебя лобзают, тебя запугивают, перед тобой заискивают, когда ты нужен, а ты нужен всегда! Все на тебе держится. Понял? Только, ради Бога, не верь, что ты „маленький человек“. Никому не верь, кто скажет такое. И мне не верь».

Речитатив в исполнении В. Высоцкого вошел на гибкую пластинку «Песни-баллады В. Высоцкого из кинофильма „Бегство мистера Мак-Кинли“» в журнале «Кругозор» (1976. № 4. С. 11).

Хавбек (англ. half back) — в футболе: полузащитник.

Лабазник (разг.) — лавочник, от «лабаз» — лавка.

В. Высоцкий на съемках
фильма «Бегство мистера Мак-Кинли»

2. Баллада о манекенах

Семь дней усталый старый Бог
В запале, в зашоре, в запаре
Творил убогий наш лубок
И каждой твари — по паре.

Ему творить — потеха,
И вот себе взамен
Бог создал человека,
Как пробный манекен.

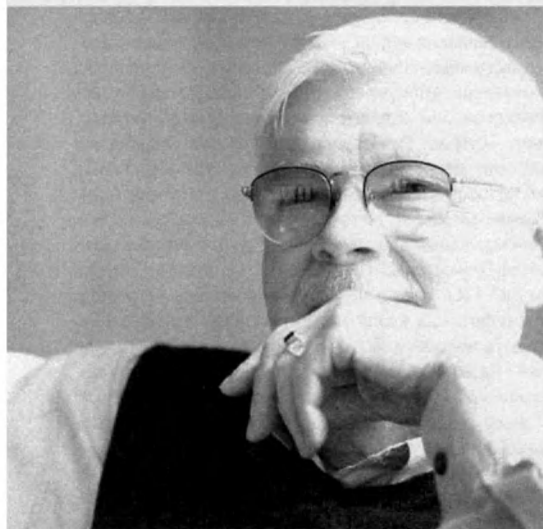
Идея эта не нова
И не обхаяна никем —
Я докажу, как дважды два:
Адам был первый манекен.

А мы! Ошметки хромосом,
Огрызки божественных генов —
Идем проторенным путем
И создаем манекенов.

Не так мы, парень, глупы,
Чтоб наряжать живых! —
Мы обряжаем трупы
И кукол восковых.

Ругать меня повремени,
А оглянись по сторонам:
Хоть нам подобные они,
Но не живут подобно нам.

Твой нос расплюснут на стекле,
Глазеешь — и ломит в затылке...
А там сидят они в тепле
И скалят зубы в ухмылке.

А. Кальварский

«Баллада о манекенах» на музыку А. Кальварского (в блюзовой аранжировке) в исполнении В. Высоцкого вошла в фильм в укороченном варианте (строфы 1—5, 12, 16—18, 24).

Вошла на гибкую пластинку «Песни-баллады В. Высоцкого из кинофильма „Бегство мистера Мак-Кинли“» в журнале «Кругозор» (1976. № 4. С. 11).

Из интервью режиссера-постановщика фильма М. А. Швейцера: «Когда мы начинали „Бегство мистера Мак-Кинли“, когда начали фантазировать по поводу этой леоновской вещи, пришла в голову идея улично-го певца, через песни и баллады которого отражается народное понимание жизни, народное понимание смысла этой философической притчи. Само собой, что никого, кроме Высоцкого, на эту роль мы и не мыслили. У нас был только один бескомпромиссный вариант оптимального решения этой художественной задачи. И начались наши дружеские и творческие контакты с Владимиром Семеновичем. Мы дали ему почитать режиссерский сценарий „Бегство мистера Мак-Кинли“. В сценарии были намечены тематические баллады, которые должны были пронизывать ритмически всю картину. Мы побеседовали, сценарий ему понравился, идея написать баллады его очень вдохновила. Я бы даже сказал, глубоко вдохновила.

И он взялся за дело с весьма активным интересом. В общем, через неделю после наших разговоров, после чтения сценария он пришел к нам и принес сразу все сочиненные им баллады. Причем баллады написаны были очень щедро, с невероятной фантазией. Все они были в достаточной степени разработаны. Вот, мол, берите, сколько вам надо и что вам надо!

Мы тут же прослушали, записали, восторгались. Баллады были написаны и исполнены неповторимо, замечательно, непосредственно, вдохновенно».

Из интервью композитора А. В. Кальварского М. Цыбульскому: «Я познакомился с Высоцким в 1974 году. Познакомил нас Исаак Осипович Шварц. Мы встретились в Москве, это было в июне. Я приехал в командировку в Москву тогда. Дело в том, что я помогал Шварцу, у него сложилось довольно трудное положение на картине „Бегство мистера Мак-Кинли“. Высоцкий в этом фильме Швейцера должен был по сценарию исполнять девять баллад. Володя написал замечательные стихи. Это был фильм-памфлет о некоем государстве, под которым подразумевались Соединенные Штаты Америки, так что интонации музыкальные должны были быть американскими.

Шварц попросил меня помочь положить песни Володи на другую интонацию, на другие мелодии. Я попытался, оставив в неприкосновенности все, что можно было оставить, но мне пришлось переписать музыку на „Балладу о манекенах“.

У меня была пленка с песнями. Он уже всё сочинил. Мне просто нужно было ввести это в некое стилистическое русло, чтобы было видно, что это поет некий человек, живущий в Америке. Я ему, конечно, показывал, что получалось. То, что было близко к его музыке, мы сразу же стали записывать с оркестром. Тут проблем не было. Проблема была только с „Балладой о манекенах“, музыка ему понравилась.

Я помню, там довольно сложный счет, и я держал его за руку и нажимал на руку в тот момент, когда надо было вступать. В итоге мы всё записали просто замечательно. Вообще, Володя был очень музыкальный человек и хорошо чувствовал ритм, но тут он боялся — вдруг он вступил не там и не так.

Я еще тогда высказывал сомнения, спрашивал у Михаила Абрамовича Швейцера: „Неужели это все войдет?“ Ну и конечно, не вошло» (2006).

Из сценарного плана к кинофильму «Бегство мистера Мак-Кинли», литературный сюжет для «Баллады о манекенах»: «Хорошо им, манекенам: неплохая, чистая работа. Спят, обедают, носят модную элегантную одежду, смотрят лучшие телевизоры, играют в гольф...

Вон тот кретин в халате
Смеется над тобой:
Мол, жив еще, приятель!
Доволен ли судьбой?

Гляди — красotka! Чем плоха? —
Загар и патлы до колен.
Ее, закутанный в меха,
Ласкает томный манекен.

Их жизнь и вправду хороша,
Их холят, лелеют и греют.
Они не тратят ни гроша
И потому не стареют.

Пусть лупят по башке нам,
Толкают нас и бьют,
Но куклам-манекенам
Мы создали уют.

Они так вежливы — взгляни!
Их не волнует ни черта,
И жизнерадостны они,
И нам, безумным, не чета.

Он никогда не одинок —
В салоне, в постели, в бильярдной, —
Невозмутимый, словно йог,
Галантный и элегантный.

Хочу такого плена —
Свобода мне не впрок.
Я вместо манекена
Хочу пожить денек.

На манекенские паи
Согласен даже на пари!
В приятный круг его семьи
Желаю, черт меня дери!

Я предлагаю смелый план
Возможных сезонных обменов:
Мы, люди, — в их бездушный клан,
А вместо нас — манекенов.

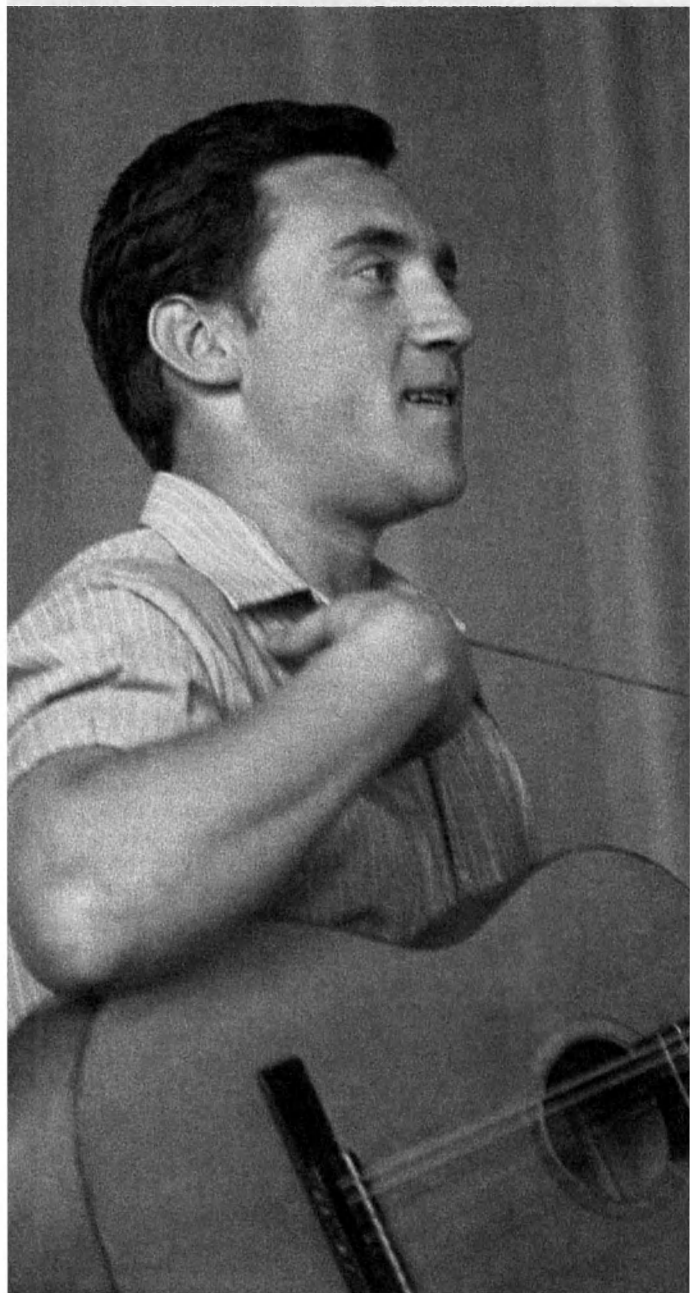
Но я готов поклясться,
Что где-нибудь заест —
Они не согласятся
На перемену мест.

Из них, конечно, ни один
Нам не уступит свой уют:
Из этих солнечных витрин
Они без боя не уйдут.

Сдается мне — они хитрят,
И, тайно расправивши члены,
Когда живые люди спят,
Выходят в ночь манекены.

Машины выгоняют
И мчат так, что держись!
И пьют и прожигают
Свою ночную жизнь.

Такие подвиги творят,
Что мы за год не натворим,
Но возвращаются назад...
Ах, как завидую я им!

На концерте в Ленинграде. Июль 1968

Я, признаюсь, часто завидую манекенам. Еще бы! Если бы моя девочка каждое утро так ловко смахивала с меня пыль, драила и пылесосила, я был бы счастлив, я стал бы джентльменом.

Знаете, почему манекены всегда улыбаются? Они хорошо воспитанные люди. Они улыбаются всем одинаково: и Рокфеллеру, и безработному бродяге. Вот это правильно!

Я им всегда завидую: они курят лучшие сигареты, они вовремя питаются, они читают книжки в красивых обложках, они никогда не жалуются на здоровье; они всегда спокойны. Они не хозяева. Пусть у хозяев болит голова. А им все равно — купят.

Вот почему они всегда улыбаются.

Они оптимисты. Вот они кто! Им не смешно. Только они во всем этом городе или во всем этом мире не испытывают страха и тревоги за завтрашний день.

Вот почему я завидую манекенам!..

Правда, последнее время и их стали беспокоить, им стало доставаться. Помните налет на магазин спорттоваров. Ох, сколько там перестреляли невинных манекенов! Мамочка моя! Они там лежали в обнимку с убитыми полицейскими. Ну и дела!

И все-таки я, честно, ох как часто завидую манекенам!..

Примечание: Как и „Баллада № 1“ „О маленьком человеке“, и эта поется за кадром на английском, а может быть, на каком-то выдуманном составленном из различных слов диалекте с синхронным переводом (субтитры). Словесный материал „Баллады“ будет в какой-то степени диктоваться снятым и подобранным в зарубежных фильмотеках материалом».

Лубок — недорогие картинки с подписями (в основном графические), предназначенные для массового распространения, род графического искусства, как правило, нравоучительного характера, часто религиозного содержания.

Патлы (разг.) — длинные волосы.

*Но, как индусы, мы живем
Надеждою смертных и тленных,
Что, если завтра мы умрем —
Воскреснем вновь в манекенах!* —
Ср. с «Песенкой о переселении душ» (1969).

Мы скачем, скачем вверх и вниз,
Кропаем и клеим на стенах
Наш главный лозунг и девиз:
«Забота о манекенах!»

Недавно был — читали? —
Налет на магазин,
В них — сколько ни стреляли —
Не умер ни один.

Его налогом не согнуть,
Не сдвинуть повышеньем цен.
Счастливый путь, счастливый путь, —
Будь счастлив, мистер Манекен!

Но, как индусы, мы живем
Надеждою смертных и тленных,
Что, если завтра мы умрем —
Воскреснем вновь в манекенах!

Так что не хнычь, ребята, —
Наш день еще придет!
Храните, люди, свято
Весь манекенский род!

Болезни в нас обострены,
Уже не станем мы никем...
Грядет надежда всей страны —
Здоровый, крепкий манекен.

<сентябрь–декабрь 1973>

3. Баллада об оружии

Напрасно, парень, за забвением ты шаришь по аптекам!
Купи себе хотя б топор — и станешь человеком.

Весь вывернусь наружу я,
И голенькую правду
Спою других не хуже я:
Про милое оружие,
Оружие, оружие
балладу.

Большие люди — туз и крез —
Имеют страсть к ракетам,
А маленьким — что делать без
Оружья в мире этом?

Гляди, вон тот ханыга, —
В кармане денег нет,
Но есть в кармане фига:
Взведенный пистолет.

Купить белье нательное?
Да черта ли вам в нем!
Купите огнестрельное
Направо, за углом.

Ну, начинайте! Ну же!
Стрелять учитесь все!
В газетах про оружие —
На каждой полосе!

Ату! Стреляйте досыту
В людей, щенков, котят!
Оружье, слава Господу,
Не скоро запретят.

*С. Милькина и М. Швейцер.
Из архива С. Милькиной и М. Швейцера*

Ранний полный вариант песни был исполнен В. Высоцким на кинопробах к кинофильму в ноябре 1973. В фильм не вошла.

Из воспоминаний режиссера фильма С. А. Милькиной: «Эпизод, к которому была написана „Баллада об оружии“, вылетел на этапе утверждения сценария, а вместе с ним, значит, и сама баллада».

Из интервью режиссера-постановщика фильма М. А. Швейцера: «К сожалению, далеко не все баллады, к огорчению нашему и к огорчению Владимира Семеновича, дошли до зрителя, дошли до экрана. Было порезано кое-что, несколько очень сильных вещей было изъято из фильма. Но даже то, что осталось, представляет собой очень интересный и своеобразный опыт в творчестве Высоцкого. Опыт политической уличной песни, очень злободневной, как выясняется, и по сегодняшний день. Песни становятся все более актуальными, и голос его, поющий баллады, становится все более и более мощным, призывным, драматичным. Эта работа в конечном счете принесла огорчение некоторое и ему, и нам, так как несколько баллад до зрителя так и не дошли. Но сохранилась одна кинопроба Высоцкого, которую мы делали для того, чтобы ему попробовать себя. Не нам попробовать его, потому что нам было все ясно про него. Ему самому хотелось посмотреть, как прозвучат баллады с экрана, как это будет мизансценироваться, каким образом будет создана атмосфера и так далее. И поэтому мы устроили такую полумимовизиционную пробу, где он исполнил „Балладу об оружии“».

Из сценарного плана к кинофильму «Бегство мистера Мак-Кинли», литературный сюжет для «Баллады об оружии»: «Во весь экран открывается круглый, испуганный голубой глаз Мак-Кинли. Затем открывается второй, м-р Мак-Кинли ослепленно моргает и просыпается. Но какой-то блеск, какие-то солнечные зайчики прыгают по лицу, по глазам, не дают смотреть, и Мак-Кинли мотает головой.

— Итак, итак, итак... — начинает певец, — маленький человек бывает хороший, а бывает плохой. Плохому маленькому человеку обязательно требуется огнестрельное оружие. Без оружия плохой маленький человек — вообще не человек...

В руках продавца блестит в солнечном луче топор. Мистер Мак-Кинли берет его, рассматривает, пробует на звук, на остроту — ногтем. Продавец терпеливо ждет: перед ним на прилавке три ящичка с топорами разных форм, размеров. Мак-Кинли не знает, на что решиться. Пробует, второй, третий.

Голос певца за кадром:

— Нам, маленьким людям, не нужны ракеты, не нужны подлодки, ядерное оружие. Пусть у генералов и министров насчет этого болит голова. Нам это не подходит... Это нам не по карману... Мы — скромные люди. Уже чего-чего, а скромности у нас хватает... Вот чем мы гордимся — своею скромностью!..

Продавец берет все три ящичка под мышку и указывает м-ру Мак-Кинли на небольшую дверь, ведущую во внутреннее помещение магазина. Они идут

Дж. М. Браунинг за своим станковым пулеметом
«Кольт», 1895

И сам пройдуся охотно я
Под вечер налегке,
Смыкая пальцы потные
На спусковом крючке.

Я — целеустремленный, деловитый,
Подкуренный, подколотый, подпитый.

Мы, маленькие люди, — на обществе прореха,
Но если вы посмотрите на нас со стороны —
За узкими плечами небольшого человека
Стоят понуро, хмуро дуры — две больших войны.

«Коль тих и скромн — не убьют!» —
Всё домыслы досужие:
У нас недаром продают
Любезное оружие.

Снуют людишки в ужасе
По правой стороне,
А мы во всеоружасе
Шагаем по стране:

Под дуло попадающие лица,
Лицом к стене стоять, не шевелиться!

Лежит в кармане пушечка
Малюсенькая, новая,
И вам земля — подушечка,
Подстилочка пуховая.

Ах, эта жизнь дешевая —
Как пыль: подуй — и нет,
Поштучная, грошовая, —
Дешевле сигарет.

через торговый зал, оформленный и обставленный с какой-то подчеркнутой академической строгостью. Библиотечная тишина. Покупателей, среди которых имеются женщины и подростки, обслуживают продавцы с манерами и значительностью старших научных сотрудников. Вместе с м-ром Мак-Кинли мы на ходу отмечаем на всех лицах какое-то торопливо-кровожадное выражение.

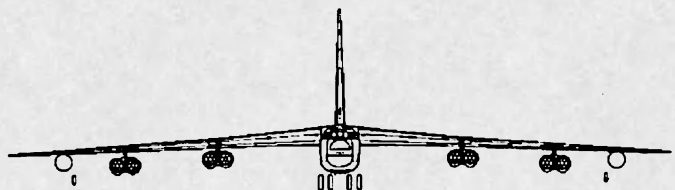
Пройдя в небольшую, но толстую дверь и спустившись по лестнице, м-р Мак-Кинли в сопровождении продавца попадает в обширное подвальное помещение и останавливается, оглушенный оружейной, револьверной, пулеметной пальбой. Стойка бара. Высокие стулья. С десятков столиков. Невысокий барьер (как и во всяком тире) делит огромное помещение на две неравные части. Здесь, выпивая и закусывая, покупатель может за свои деньги спокойно и без спешки выбрать и опробовать нужный ему образец оружия. Идет пальба по мишеням. Палят, прямо сидя за столиками. Лежа у барьера. Стоя. Палят!.. Безмолвные продавцы с бесконечным терпением стоят над зверствующими покупателями, тут же предлагают новые образчики.

А певец за кадром продолжает свою „балладу“ примерно вот о чем:

— Зачем нам „фантомы“ и „Б-52“. Пусть о них хлопочут государственные шишки. Они жмут налогоплательщиков — пусть у них болит голова. А мы скромные — мы никого не жмем. Иногда, если повезет, симпатичную девочку в кино, а на худой конец —

Американский самолет «Фантом-2»

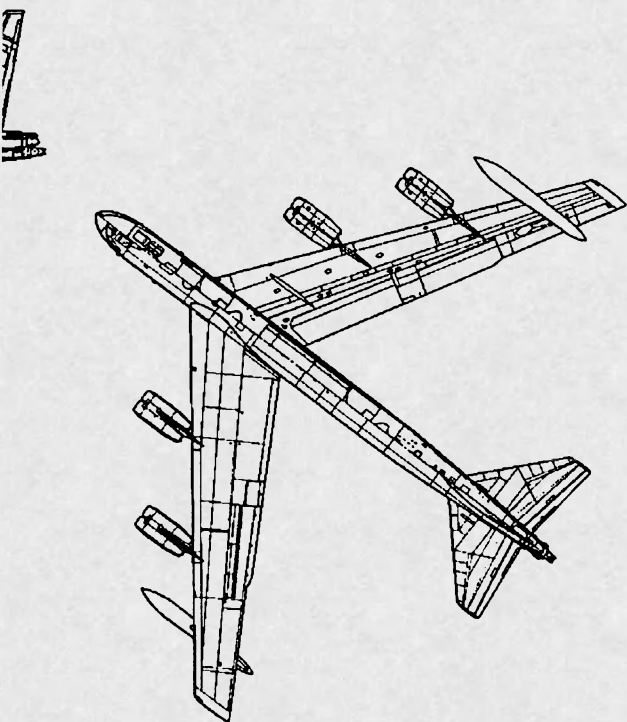

Американский самолет «Б-52»

свою старуху... Но что нам положено по закону — отдай: давай пистолет, винтовку, автомат, сгодится нож и ручной пулемет. Без этого не прожить! Хочешь урвать свой кусок пирога — припаси оружие. И жди, не спеши, работай над собой. Научись стрелять, тогда попытай счастья. Выходи на охоту. Не брезгуй ничем. На слонов пусть охотятся мистеры в Африке, а ты здесь. У себя помаленьку: на лис, на зайчиков. Главное — смелей! Убить человека не страшно. Я тебе точно говорю. Кто на войне был, то знает, а кто не был, тоже знает: у нас и без войны — война.

Я тебе точно говорю. Ты слушай: жизнь человеческая стала дешевле коробки спичек! Ты не верь никому, кто болтает, что убить человека — страшный грех. Плюнь в глаза. Вот мы с приятелем столько уложили всякого сброду за две войны, даже детей — случилось, под руку попадались, — а вот — в полном порядке!

Нет, с оружием ты везде человек! только с оружием! Благодарение Господу, мы живем в свободной стране и можем покупать и носить оружие. Попробуйте запретить! Не выйдет! Государственные заправилы, если только мозгами пошевелят как следует (на то у них и голова большая), поймут, как трудно и неудобно станет им расправляться со своими политическими противниками, со всякой красной, черной

сволочью, с устаревшими президентами, если они за-
претят продажу оружия. Ого!

А пока оно свободно продается — и мы спокойны, и
вы будьте спокойны!

Примечание: Этот примерный текст „Баллады“ ложится
на всю сцену, сопутствует и акцентируется точными
совпадениями с ситуациями сцены, с типажом и соот-
ветствующей игрой персонажей сцены».

**Напрасно, парень, за забвением ты шарить по
аптекам!** — Имеются в виду попытки легально до-
стать наркотические вещества или спиртное, что в со-
ветской реальности 1970-х было более очевидно.

Купи себе хотя б топор — и станешь человеком. —
Отсылка к сюжету и проблематике романа Ф. М. Досто-
евского «Преступление и наказание» (1865), которая
обыгрывается в повести Л. Леонова.

Ханыга (жарг.) — спившийся, никчемный человек.

И... желтый, белый, черный. — Имеются в виду че-
ловеческие расы: негроидная, европеидная и монго-
лоидная.

Кровь жидкая болотная
Пульсирует в виске,
Синеют пальцы потные
На спусковом крючке.

Пока легка покупка, мы все в порядке с вами.
Нам жизнь отнять, как плюнуть, нас учили воевать!
Кругом — и без войны — война, а с голыми руками
Ни пригрозить, ни пригвоздить, ни самолет угнать!

Для пуль все досягаемы, —
Ни черта нет, ни Бога им!..
И мы себе стреляем, и
Мы никого не трогаем.

И рвется жизнь-чудачка,
Как тонкий волосок, —
Одно нажатье пальчика
На спусковой крючок.

Стрельбе, азарту — все цвета,
Все возрасты покорны:
И стар и млад, и тот и та,
И... желтый, белый, черный.

Ах, сладенько под ложечкой,
Ах, горько стало им!
Ухлопали художничка
За грош на героин.

Мир полон неудачниками
С топориками в руке
И мальчиками с пальчиками
На спусковом крючке.

<сентябрь–ноябрь 1973>

4. Баллада об уходе в рай

Вот твой билет, вот твой вагон —
Все в лучшем виде: одному тебе дано
В цветном раю увидеть сон —
Трехвековое непрерывное кино.

Всё позади — уже сняты
Все отпечатки, контрабанды не берем,
Как херувим, стерилен ты,
А класс второй — не высший класс, зато с бельем.

Вот и сбывается все, что пророчится,
Уходит поезд в небеса — счастливый путь!
Ах, как нам хочется, как всем нам хочется
Не умереть, а именно уснуть.

Земной перрон... Не унывай!
И не кричи — для наших воплей он оглох.
Один из нас уехал в рай,
Он встретит Бога там, ведь есть, конечно, Бог.

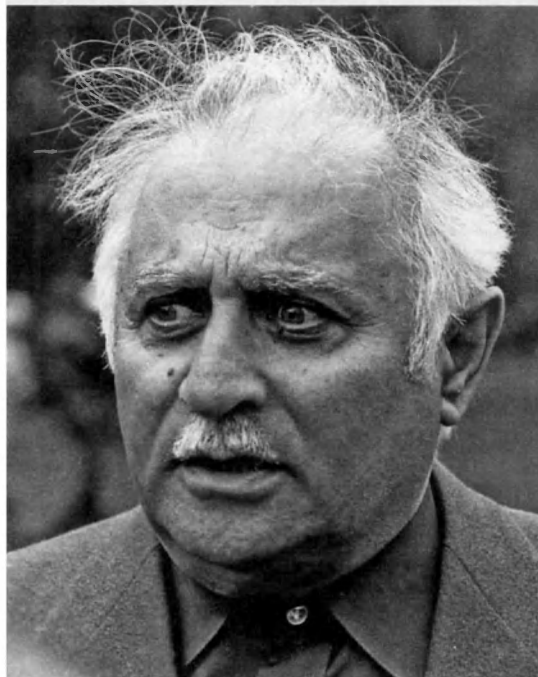
Пусть передаст Ему привет
А позабудет — ничего, переживем:
Осталось нам немного лет,
Мы пошустрим и, как положено, умрем.

Вот и сбывается все, что пророчится,
Уходит поезд в небеса — счастливый путь!
Ах, как нам хочется, как всем нам хочется
Не умереть, а именно уснуть.

Не всем дано поспать в раю,
Но кое-что мы здесь успеем натворить:
Подраťся, спеть — вот я пою,
Другие любят, третьи думают любить.

Вошла в фильм в исполнении Высоцкого в укороченном варианте (без строф 7, 9, 10), в сцене, когда мистер Мак-Кинли наконец получает вожделенный билет в «сальваторий» и «отбывает» в будущее.

Вошла на гибкую пластинку «Песни-баллады В. Высоцкого из кинофильма „Бегство мистера Мак-Кинли“» в журнале «Кругозор» (1976. № 4. С. 11).

И. Шварц

Из интервью композитора И. И. Шварца корреспонденту газеты «Петербургский Час пик» В. Желтову: «Вызывает меня Михаил Швейцер в Москву — срочно нужно записать баллады к „Бегству мистера Мак-Кинли“ — через два дня Высоцкий улетает в Париж.

В назначенный час на студии собрались все: режиссеры, технический персонал, оркестр Гараяна — в полном составе, композиторы: я и Кальварский. Сидим, ждем Высоцкого. Приезжает — вместе с Мариной. Послушал один кусок, другой. Вроде бы можно писать. А он: я — сейчас! И исчез! Полчаса нет его, час, два... Все сидят ждут: режиссеры, технический персонал, оркестр Гараяна — в полном составе, композиторы.

торы: я и Кальварский. С девяти утра без дела сидим. В три я не выдержал — позвонил Высоцкому домой. К телефону подошла Марина. Отвечает как-то уклончиво: Володя, дескать, куда-то заехал, но не волнуйтесь — скоро будет. Дальше сидим. Все на нервах. Но не до бесконечности же сидеть! В шесть я распустил оркестр, но прежде мы записали фонограммы. Взял я всю ответственность на себя.

В начале седьмого — как метеор! — влетает Володя. И сразу накинулся на бедного Швейцера: „Так, почему баллада сокращена?! А эта почему?!“ Известно, лучшая защита — это нападение, тем более неожиданное и такое мощное. Ох, как я ненавидел его в эти минуты! Я презирал его! Но, чтобы как-то сгладить обстановку, предложил:

— Может, все-таки начнем работать?

И Высоцкий стал петь — под готовые фонограммы. Ах, как он пел! Без всякой репетиции — в совершенстве! Он настолько был в себе уверен, настолько себя смог предельно мобилизовать, что за какие-то пятнадцать–двадцать минут мы все записали. Я слушал его, и у меня на глазах проступили слезы. Бог ты мой, какой талант! Я был готов простить ему все!..

Вечером из гостиницы звоню своему другу. Он инженер-электронщик, работал в одном из закрытых НИИ. Между делом говорю: Высоцкого под вечер записывали. А он мне: не городи ерунду! Какая, мол, запись Высоцкого, когда он в это время выступал у нас в институте, а после в НИИ, что через дорогу от нас, и оба концерта — полуторачасовые!..» (1998).

Вошла в фильм в исполнении Высоцкого в укороченном варианте (без строф 7, 9, 10), в сцене, когда мистер Мак-Кинли наконец получает вожделенный билет в сальваторий и отбывает в будущее.

Из сценарного плана к кинофильму «Бегство мистера Мак-Кинли», литературный сюжет для «Баллады об уходе в рай»: «Четкий ритм иронической „Баллады об уходе в рай“ сопутствует четкому неуклонному ритму сменяющих друг друга стоп кадров, отмечающих все последовательные этапы неуклонного движения м-ра Мак-Кинли к вечному блаженству.

— Теперь уж ты уходишь в рай на законных основаниях: по билету второго класса, как и положено порядочному человеку, сбывается мечта! Одному из всех нас тебе дано узреть Царствие Божие. Ты увидишь все небо в алмазах... Твои документы в порядке. Отпечатки пальцев сняты... А вдруг ты увидишь Самого Господа Бога? Тогда привет ему от всех нас.

Контрабанды нет... Фотография любимой — разве это порнография? Хотя там, через триста лет...

Кадр из фильма «Бегство мистера Мак-Кинли»

Кто знает, какие там будут чистюли. Может, у них... Да, друг, пройдут года, и все мы, твои современники, сослуживцы, соседи, состаримся здесь, умрем, наши дети и внуки внуков наших состарятся и уйдут... И прольются дожди, и пронесутся ураганы над их могилами. Господи, только бы не было страшной войны!..

Пересохнут ручьи, упадут леса, и вновь поднимутся в птичьем гомоне. И внуки наших правнуков будут болеть, любить, мучиться, сеять хлеб, воевать и бороться с войной — делать все, что положено делать „маленькому человеку“ на земле, и растить детей, и станут они лучше нас, и пройдут века... О Господи, только бы не было страшной войны!..

А тебе все это будет „до лампы“, избранник судьбы! Тебе хоть бы хны! Ты будешь лежать себе, пока не раздается команда: выходи! И ты выйдешь и увидишь, что мир хорош! Такой новенький, чистенький, умытый, без толкотни. Живи — не хочу! На всем на готовом! Ну и счастливчик! Я завидую тебе! Но слышишь? Звенит по-

Уйдут, как мы, — в ничто без сна —
И сыновья, и внуки внуков в трех веках.
Не дай Господь, чтобы война,
А то мы правнуков оставим в дураках.

Вот и сбывается все, что пророчится,
Уходит поезд в небеса — счастливый путь!
Ах, как нам хочется, как всем нам хочется
Не умереть, а именно уснуть.

Тебе плевать, и хоть бы хны:
Лежишь, миляга, принимаешь вечный кайф.
И нет забот, и нет вины...
Ты молодчина, это место подыскав.

Разбудит вас какой-то тип
И впустит в мир, где в прошлом — войны, вонь и рак,
Где побежден гонконгский грипп.
На всем готовеньком ты счастлив ли, дурак?

Вот и сбывается все, что пророчится,
Уходит поезд в небеса — счастливый путь!
Ах, как нам хочется, как всем нам хочется
Не умереть, а именно уснуть.

Итак, прощай, — звенит звонок.
Счастливый путь! Храни тебя от всяких бед!..
А если там приличный Бог,
Ты все же вспомни, передай Ему привет.

<сентябрь–ноябрь 1973>

следний звонок! Прощай, мистер Мак-Кинли! Гуд бай!
Господу Богу привет! Слышишь?.. не забудешь?..»

Вот твой билет... — Образ билета в рай восходит к роману Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» (1879–1880). Ср. в монологе Ивана Карамазова (глава «Бунт»): «Да и слишком дорого оценили гармонию, не по карману нашему вовсе столько платить за вход. А потому свой билет на вход спешу возвратить обратно. И если только я честный человек, то обязан возвратить его как можно заранее. Это и делаю. Не Бога я не принимаю, Алеша, я только билет ему почтительнейше возвращаю».

Херувим (греч. cherubím, от древнеевр.) — в иудейской и христианской мифологиях одна из высших категорий ангелов.

**Ах, как нам хочется, как всем нам хочется
Не умереть, а именно уснуть.** —
Перифраз поэтической темы из стихотворения М. Ю. Лермонтова «Выхожу один я на дорогу...» (1841). Ср.:

Уж не жду от жизни ничего я,
И не жаль мне прошлого ничуть;
Я ищу свободы и покоя!
Я б хотел забыться и заснуть!

Но не тем холодным сном могилы...
Я б желал навеки так заснуть,
Чтоб в груди дремали жизни силы,
Чтоб дыша вздымалась тихо грудь...

Пошустрить (жарг.) — здесь: пожить в суете мирских забот и радостей.

Кайф — здесь: блаженство.

Гонконгский грипп — вирус «азиатского гриппа» мутировал и в 1968–1969 вызвал эпидемию. Пандемия началась в Гонконге в начале 1968. Наиболее часто от вируса страдали пожилые люди старше 65-летнего возраста. В США число погибших от «гонконгского гриппа» составило 33 800 человек.

5. Песня Билла Сиггера

Вот это да, вот это да!
Сквозь мрак и вечность-решето
Из зала Страшного суда
Явилось то — не знаю что.

Играйте туш!
Быть может, он —
Умерший муж
Несчастных жен,
Больных детей
Больной отец,
Благих вестей
Шальной гонец.

Вот это да, вот это да!
Спустился к нам не знаем кто,
Как снег на голову сюда
Упал тайком инкогнито.

Но кто же он?
Хитрец и лгун?
Или шпион,
Или колдун?
Каких дворцов
Он господин,
Каких отцов
Заблудший сын?

Вот это да, вот это да!
И я спросил, как он рискнул, —
Из ниоткуда в никуда
Перешагнул, перешагнул?

В. Высоцкий в роли Билла Сиггера

В фильм не вошла.

Из выступления Владимира Высоцкого: «Вот, например, я писал несколько новелл, несколько баллад для фильма „Бегство мистера Мак-Кинли“. И даже вначале было объявлено, что вот, дескать, Высоцкий в этой картине будет исполнять чуть ли не главную роль. И правда, я там должен был исполнять роль Автора и петь девять баллад, которые я написал для этой картины. Честно написал, сделали мы оркестровки, много работали, мучились. И наконец, когда посмотрели это дело на экране... Ну, во-первых, есть разные люди, которые перестраховываются почему-то, есть — которые просто этого не любят, такую вот манеру. Разные есть люди. На всякий случай. Но есть еще и другие обстоятельства. Вот, например, посмотрели мы материал „Бегство мистера Мак-Кинли“. Он был такой тягучий, серьезный, раздумчивый — на мой взгляд, скучный. И баллады, которые я писал, они туда не вмонтировались, потому что мы договаривались — я пишу всегда нервно, трагично, как в последний раз. А там такое медлительное повествование, поэтому это не монтируется. Картина — дело дорогое, истрачено на нее там полтора-два миллиона. Поэтому — что делать? А песни можно выбросить. Понимаете? Поэтому они и выбрасываются безболезненно, вот как считают режиссеры и начальство. А для нас, конечно, это очень болезненно, потому что ты истратил много времени...» (1976).

Из воспоминаний С. А. Милькиной: «Важно знать замысел этого эпизода. Мак-Кинли пытался зайцем попасть в сальваторий, чтобы проспаться там триста лет до лучших времен. А поскольку сальваторий на-

ходит под землей, то, обнаружив Мак-Кинли, его выбрасывают под страшным давлением не вниз, как в мусоропроводе, а вверх. И в своем одеянии, приспособленном для трехсотлетнего сна, человек, похожий не то на пророка, не то на ангела, парил над городом и опускался где-то на свалке на окраине Нью-Йорка на кучу песка — как раз там, где была стоянка хиппи, тоже беглецов, только не в сальваторий, а просто на окраину».

Из сценарного плана к кинофильму «Бегство мистера Мак-Кинли», литературный сюжет для «Песни Билла Сиггера»:

«— Вы, вероятно, приняли меня за кого-то другого? Я Мак-Кинли, клерк из Мак-Кинли.

Он идет среди „народа“, уже увлекаемый его движением. Все снова падают на колени у ручья.

— О, да!..

— Так и есть!..

— Он — оттуда!..

— Это он!..

— Мы не ошиблись, мистер!

— Нет! Учитель!

— Мы давно знаем вас!

— Вас знают все!

— Про вас даже Билл Сиггер поет песенку: „Мак-Кинли — суперзвезда“.

— Вот он, Билл Сиггер.

Билл Сиггер — долговязый симпатичный парень с гитарой, робко кланяется. Вся группа с Мак-Кинли в центре движется в направлении дощатого подсобия театральных подмостков. Некоторые пьются перед новым Мессией задом. Две плотоядные девочки подступают к нему, хотят целовать край его одежды. Мистер Мак-Кинли зябко запахивает полы хитона, пугливо шарахается.

Билл Сиггер замахивается на девочек гитарой, на ходу начинает импровизировать вступление, делая круглые, страшные глаза:

— Стойте! Кто вы?! С Земли свалились?! — хрипловато запекает он, ударяя по струнам. — Там, откуда он к нам явился, — никаких девочек, никакого секса — о нет!..

Девочки в испуге срывают с веревок какие-то сохнувшие платки и с их помощью мгновенно превращают свои сверхмини-юбки в макси.

Билл Сиггер поет свою песенку о том, как Мак-Кинли решил ударить с этой грешной Земли, как потерпел неудачу потому, что бесплатно ничего не бывает, даже одной остановки в метро зайцем не проедешь.

И вот он с нами, опять на Земле.

И не унывает!

Он мне: «Внемли!»

И я внимал,

Что он с Земли

Вчера сбежал,

Решил: «Нырну

Я в гладь и тишь!»

Но в тишину

Без денег — шиш.

Мол, прошмыгну,

Как мышь, как вошь,

Но в тишину

Не прошмыгнешь!

Вот это да, вот это да!

Он повидал печальный край,

В аду — бардак и лабуда,

И он опять — в наш грешный рай.

Итак, оттуда

Он удрал,

Его Иуда

Обыграл —

И в тридцать три,

И в сто одно.

Смотри, смотри!

Он видел дно,

Он видел ад,

Но сделал он

Свой шаг назад —

И воскрешен!

Вот это да, вот это да!

Прошу любить, играйте марш!

Мак-Кинли — маг, суперзвезда,

Мессия наш, мессия наш.

Владыка тьмы
Его отверг,
Но примем мы:
Он — человек.
Душ не губил
Сей славный муж,
Самоубийство — просто чушь,
Хоть это дешево и враз, —
Не проведешь
Его и нас.

Вот это да, вот это да!
Вскричал петух, и пробил час.
Мак-Кинли — бог, суперзвезда,
Он — среди нас, он — среди нас.

Он рассудил,
Что вечность — хлам,
И запылил
На свалку к нам.
Он даже спяну
Не дурил,
Марихуану
Не курил,
И мы хотим
Отдать концы,
Мы бегством мстим,
Мы — беглецы.

<сентябрь–декабрь 1973>

Мистер Мак-Кинли с унылой улыбкой оглядывает незнакомцев. Голос Билла Сиггера за кадром:

— На то он и суперзвезда, Мак-Кинли. — Билл Сиггер бодро подмигивает Мак-Кинли. — О, он знает много способов, как спастись от этой нашей жизни, от ее страхов, ее проблем. Просто и дешево: самоубийство! Есть много прекрасных способов самоубийств. Есть наркотики. О, это так хорошо, когда грезишь! Но потом так плохо, что лучше не жить. И есть мы — хиппи, мы — беглецы!»

Инкогнито (ит. incognito, от лат. incognitus — неузнанный, неизвестный) — скрытно, тайно, не открывая своего имени.

Иуда — ученик Христа, предавший его римским властям.

Тридцать три. — Существует азартная карточная игра «Тридцать одно» (по количеству очков, необходимых для завершения игры). Высоцкий подразумевает возраст Христа, в котором он был предан Иудой и казнен — 33 года.

Сто одно — карточная игра.

Мак-Кинли — бог, суперзвезда... — Обыгрывается название мюзикла Эндрю Ллойда Уэббера и Тима Райса «Иисус Христос — суперзвезда» (англ. Jesus Christ Superstar; 1970, поставлен в 1971).

Из сценарного плана к кинофильму «Бегство мистера Мак-Кинли»: «Билл Сиггер всходит на дощатые подмостки. Вслед за ним туда подымается и вся группа. Внизу на земле среди длинных складных скамеек — один Мистер Мак-Кинли в своем розовом с пелериной хитоне в цветочках да несколько совсем не идущих в расчет малышей. Горят костры, уже отбрасывая отсветы пламени на пейзаж и людей. Часть группы садится на край подмостков, свесив ноги, — это хор. К Биллу Сиггеру присоединяется второй певец с гитарой. Остальная часть группы — пантомимический ансамбль.

— Ба! Поглядите, — вступает второй певец, — у нас сегодня целая толпа зрителей!

— Я — агитатор, — отвечает Билл Сиггер. — Мне достаточно даже одного слушателя! Мы — беглецы из отчих домов! Мы блудные сыновья нашего государства! Мы уходим...

— Ах! — подхватывает хор, — мы тоже были чудными малютками, прелестными бутузами, диснеевскими мульти-пульти у наших мамуль и папуль! Но мы ушли.

— Мы никогда не вернемся на отчий порог, под заботливый кров нашего государства. Это — без нас...

— Пусть папули и мамули сами по себе делают свой бизнес, жмут деньгу из ближнего, молятся деньге, лицемерят, лгут на службе и дома, убивают, молятся, но не говорят, что это для нас, для их крошек, для бутузов-карапузов. Нам ничего не надо от них.

— Лучше откинуть копыта на большой дороге, под открытым небом, работать поденщиком до седьмого пота за кусок хлеба и штаны, чем жить, как живут папули и мамули, деды и бабы...

— Общество потребления кончится на нас.

Хор:

— Долой! Мы не верим!

— Мы точно знаем, чего мы не хотим: их образа жизни — до крика...

Хор:

— Долой! Мы не верим!

— Их религии — до зубной боли.

Хор:

— Долой! Мы не верим!

— Их морали — до тошноты!

Хор:

— Долой! Мы не верим!

— Их государства — до желания кусаться!

Хор:

— Долой! Мы не верим!

— А во что мы верим, чего мы хотим — знают точно наши дети!

Мистер Мак-Кинли сидит на скамье, окруженный ползающими на четвереньках и несмело ходящими младенцами. На подмостках идет представление.

6. Мистерия хиппи

Мы рвем — и не найти концов.

Не выдаст черт — не съест свинья.

Мы — сыновья своих отцов,

Но блудные мы сыновья.

Приспичило и припекло!..

Мы не вернемся — видит Бог —

Ни государству под крыло,

Ни под покров, ни на порог.

Вранье

Ваше вечное усердие!

Вранье

Безупречное житье!

Гнилье

Ваше сердце и предсердие!

Наследство — к черту!

Все, что ваше, — не мое!

К черту сброшена обуза,

Узы мы свели на нуль!

Нет ни колледжа, ни вуза,

Нет у мамы карапуза,

Нет у крошек у папуль.

Довольно выпустили пуль —

И кое-где, и кое-кто

Из наших дорогих папуль —

На всю катушку, на все сто!

Довольно тискали вы краль

От января до января.

Нам ваша скотская мораль

От фонаря — до фонаря!

Долой
Ваши песни, ваши повести!
Долой
Ваш алтарь и аналой!
Долой
Угрызенья вашей совести!
Все ваши сказки
богомерзкие — долой!

Выжимайте деньги в раже,
Только стряпайте без нас
Ваши купли и продажи.
Нам до рвоты ваши даже
Умиление и экстаз.

Среди заросших пустырей
Наш дом — без стен, без крыши кров.
Мы — как изгои средь людей,
Пришельцы из иных миров.

Уж лучше где-нибудь ишачь,
Чтоб потом с кровью пропотеть,
Чем вашим воздухом дышать,
Богатством вашим богатеть.

Плевать
Нам на ваши суеверия!
Кромсать
Все, что ваше! Проклинать!
Как знать,
Что нам взять взамен неверия?
Но наши дети
это точно будут знать!

Прорицатели, гадалки
Напророчили бедлам.

— Мы одиноки, как пришельцы из других миров, как марсиане среди людей, как вы, мистер Мак-Кинли!.. Идите к нам — нас станет больше!

Мистер Мак-Кинли растерянно стоит внизу на траве между длинными скамьями. Отсветы костров освещают эту полусмешную, полупечальную сцену, постепенно придавая ей какой-то зловещий и призрачный оттенок.

— Нет?! Тогда мы идем к вам, и тогда станет больше нас.

Все сходят вниз, окружают мистера Мак-Кинли. Сам собою образуется и завихряется какой-то странный хоровод поющих, пляшущих, смеющихся, плачущих...

Все быстрее, все жарче движение...

Все ярче отблески костров на руках, ногах, лицах...

В наступившей ночи кричит петух».

Из воспоминаний С. А. Милькиной: «Эпизод этот готовился с большим трудом: трудно было сочинить песни, похожие на американские, трудно было сформировать группу хиппи из московской массовки. И одежду, и быт хотелось воссоздать не а-ля поганая эстрада, а чтобы от этого веяло серьезной жизнью. И получилось так, что, поскольку все знали, что Володя будет играть Билла Сигтера, то пришли люди, которые вполне могли сойти за хиппи. Среди участников этой массовки были художники, инженеры, физики... Была вся группа Хамдамова — режиссера и художника, который начинал картину „Раба любви“, замечательно талантливого человека; он собрал вокруг себя очень интересную группу — ну абсолютные хиппи, бесшабашная такая публика, — и все они пришли сниматься в массовке.

Володя редко давал возможность снять больше одного-двух дублей. Он прибежал, всегда опаздывая на два-три часа, но всегда успевал сделать гораздо больше тех, которые никогда не опаздывали...

И на этот раз, на съемке мистерии хиппи, все было точно так же, с той же сменой настроения. Все прошло блестяще, и было снято два дубля. Это было так красиво! Это было так здорово снято! Володя был так прекрасен — ему нравился этот эпизод, публика вокруг него была счастлива... Была хорошая теплая ночь, которая всем казалась праздником — там собрались милые остроумные люди, которые наслаждались близостью Володи, валяли вокруг него дурака... Банионис... Съемка была наслаждением, и на пленке смотреть это было наслаждением.

И вообразите себе, каким ужасом была для всех необходимость вырезать все это из картины. Филипп Тимофеевич Ермаш, наш руководитель, по-моему, даже не отдал себе отчета, почему он этого потребовал. Сцена нужна была даже и политически — вспомните

слова Володиной песни: это же беглецы, которые повернулись спиной к мещанскому раю, которые кричат: долой угрызения вашей совести! долой ваш алтарь и аналой! Это было сделано в духе „Синей блузы“, в духе молодого Маяковского, это было великолепным пропагандистским, антиамериканским, направленным искусством! И человек не дал себе времени подумать! Он сказал:

— А! Хиппи уже не модны, это уже все давно ушло. Это все вырезать!»

Мистерия (от греч. μυστήριον — таинство, тайное священнодействие) — богослужение, совокупность тайных культовых мероприятий, посвященных божествам, к участию в которых допускались лишь посвященные. Для советского слушателя слово «мистерия» в первую очередь было связано с именем В. Маяковского и его революционной поэмой «Мистерия-буфф» (1918, 1921).

Хиппи (англ. hippy или hippie; от разг. hip или her — понимающий, знающий) — протестная молодежная философия и субкультура, возникшая в 1960-х в США.

Но блудные мы сыновья. — Образ из христианской притчи о блудном сыне. Однако в притче младший сын одного богатого отца покидает дом, предварительно получив долю своего имущества, и отправляется он в чужие земли затем, чтобы вести там веселую, праздную жизнь. Никакого идейного конфликта поколений в этой истории нет. Более того, промотав средства и опустившись до крайней степени нужды, сын возвращается в дом отца, чтобы опять зажить в достатке, признаёт свою вину и, прощенный, радостно приглашается отцом на пир. Используя образ, Высоцкий не учитывает всей истории целиком, а берет только один внешний ее элемент.

Предсердие — отдел сердца, в который поступает кровь из вен.

Бедлам (англ. bedlam, от Bethlehem — Вифлеем, город в Иудее) — здесь: хаос, беспорядок. От официального названия психиатрической больницы в Лондоне Bethlem Royal Hospital (первоначально госпиталь святой Марии Вифлеемской).

Содом — здесь: крайний беспорядок, сильный шум, суматоха. От имени библейского города Содома, погрязшего в грехе и (наряду со столь же развратным городом Гоморра) уничтоженный Богом.

Ну а мы — уже на свалке —
В колесо фортуны палки
Ставим с горем пополам.

Так идите к нам, Мак-Кинли,
В наш разгневанный содом.
Вы и сам — не блудный сын ли?
Будет больше нас, Мак-Кинли...
Нет? Мы сами к вам придем.

<сентябрь–декабрь 1973>

Песни для кинофильма «Иван да Марья»

1. Скоморохи на ярмарке

Эй, народ честной, незадачливый!
Ай вы купчики да служивый люд!
Живо к городу поворачивай —
Там не зря в набат с колоколен бьют!

Все ряды уже с утра
Позахвачены —
Уйма всякого добра,
Всякой всячины,

Там точильные круги
Точат ляды,
Там лихие сапоги-
Самоплясы.

Тагарга-матагарга,
Во столице ярмарка —
Сказочно-реальная,
Цветомузыкальная!

Богачи и голь перекатная, —
Покупатели — все, однако, вы,
И хоть ярмарка не бесплатная,
Раз в году вы все одинаковы!

За едою в закрома
Спозараночка
Скатерть сбегает сама —
Самобраночка, —

Кто не схочет есть и пить,
Тем — изнанка:

Кадр из фильма «Иван да Марья»

«Иван да Марья». Киностудия имени М. Горького, 1974. Реж. Б. Рыцарев. Автор сценария А. Хмелик (по мотивам русских народных сказок). Композитор А. Чайковский.

В ролях: И. Бортник, Т. Пискунова, И. Рыжов, Л. Ахеджакова, Е. Уварова, Н. Бурляев, Л. Круглый, В. Сергачев, М. Козаков, В. Гафт, В. Никулин.

Песня «Скоморохи на ярмарке» в фильм не вошла.

Из репортажа со съемочной площадки в журнале «Советский экран» (1974. № 23): «„Сказка и не сказка“ — так определил режиссер Борис Рыцарев жанр своего фильма. Что же в нем будет сказочного? Прежде всего название „Иван да Марья“, потом персонажи — царь Евстигней, Баба-яга, Соловей-разбойник, Воевода, Призрак — все из сказки... А что же в картине будет современного? Интерпретация этих персонажей и иронический подход авторов фильма к происходящему на экране. <...>

В сказочной комедии много песен. Их слова сочинил Владимир Высоцкий, а музыку — композитор Александр Чайковский. Но есть в „Иване да Марье“ и подлинные русские народные песни. Например, песню „Уж ты, Марьюшка-солдатка, ты за что любишь Ивана“ привезли из фольклорной экспедиции из Белгородской области. Ее сочинили в XVII веке

и как будто бы специально для фильма „Иван да Марья“.

Александр Хмелик, сценарист: „Возможности русских народных сказок неисчерпаемы. Я взял традиционные народные персонажи, использовал сюжеты некоторых сказок, добавил новых персонажей и новые ситуации и рассказал о том, как крестьянская девушка Марья и brave солдат Иван, преодолев множество препятствий, которые им чинили царь Евстигней и нечистая сила (Баба-яга, Соловей-разбойник, Леший), в конце концов сыграли все-таки веселую свадьбу“.

Действие сказки происходит в городе, где служит Иван, и в деревне, где живет Марья».

Из воспоминаний оператора фильма А. Чердынина: «Володя написал в картину четырнадцать песен, сам хотел сниматься... Но тогда произошла история с автором сценария Александром Хмеликом. Володя принес не тексты, а уже готовые песни. Показал. Сидели: Хмелик, режиссер фильма Борис Рыцарев и я. Хмелик сказал:

— Ты, Володя, тянешь одеяло на себя... Из сказки хочешь сделать мюзикл...

Володя тоже что-то сказал: он ведь если задумал, то отстаивал это дело до конца! В общем, они крупно поговорили, во многом разошлись... Володя окончательно решил не играть в картине. Да я думаю, что тогда Володе уже не очень-то хотелось тратить на эту работу...»

Из интервью режиссера Б. В. Рыцарева В. К. Перевозчикову: «Володя написал прекрасные песни, но они — как и все его вещи — были достаточно злободневными. А сказка требует все-таки некоторой абстракции. Вот на эту тему у нас и были не антагонистические, но противоречия. Володя с трудом расстался с некоторыми своими находками. Мы упорно гнули собственную линию и довели дело до конца.

Одну свою песню Володя даже доработал — эту „Песню Марьи“ потом спела Марина Влади, записывая пластинку. А в общем, с самого начала была такая договоренность, что Высоцкий сделает много песен, среди которых будет произведен какой-то отбор».

Скоморохи — в Древней Руси уличные актеры многожанрового профиля: певцы, танцоры, дрессировщики животных, музыканты и авторы большинства исполнявшихся ими словесно-музыкальных и драматических произведений. Выступления скоморохов часто носили сатирический характер. «В русском культурном сознании скоморошество отождествляется

Тех начнет сама бранить
Самобранка.

Тагарга-матагарга,
Во какая ярмарка!
Праздничная, вольная,
Белохлебосольная!

Вона шапочки-невидимочки, —
Кто наденет их — станет барином.
Леденцы во рту — словно льдиночки,
И Жар-птица есть в виде жареном!

Прилетали год назад
Гуси-лебеди,
А теперь они лежат
На столе, гляди!

Эй, слезайте с облучка,
Добры люди,
Да из Белого Бычка
Ешьте студень!

Тагарга-матагарга,
Всем богата ярмарка!
Вон орехи рядышком —
С изумрудным ядрышком!

Скоморохи здесь — все хорошие,
Скачут-прыгают через палочку.
Прибауточки скоморошие, —
Смех и грех от них — все вповалочку!

По традиции, как встарь,
Вплавь и волоком
Привезли царь-самовар,
Как царь-колокол, —

Сковарный самовар —
Он на торфе
Вам на выбор сварит вар
Или кофе.

Тагарга-матагарга,
Удалая ярмарка —
С плясунами резвыми,
Большей частью трезвыми!

Вон Балда пришел, поработать чтоб:
Без работы он киснет-квасится.
Тут как тут и Поп — толоконный лоб,
Но Балда ему — кукиш с маслицем!

Разновесые весы —
Проторгуешься!
В скороходики-часы —
Не обучешься!

Скороходы-сапоги
Не залапьте!
А для стужи да пурги —
Лучше лапти.

Тагарга-матагарга,
Что за чудо ярмарка —
Звонкая, несонная,
Нетрадиционная!

Вон Емелюшка Щуку мнет в руке —
Щуке быть ухой, вкусным варевом.
Черномор Кота продает в мешке —
Слишком много Кот разговаривал.

Говорил он без тычка
Без задорины —

Фрагмент картины А. Васнецова «Всесвятский каменный мост. Москва конца XVII века. Скоморохи»

с публичным весельем и смехом. Скоморохи — площадные лицедеи, плясуны и песенники, гудочники и волынщики, петрушечники и медведчики. Это заводили народных игрищ и потех, профессиональные артисты, жертвующие искусству житейскими благами и удобствами, что ясно из пословиц: „Всякий спляшет, да не как скоморох“; „Скоморох голос на гудке настроит, а житья своего не устроит“. Тожество это закреплено языком, ибо слова „скоморох“ и „веселый“ суть синонимы, равнозначны и равноправно употребляемые в документах XVI–XVII вв. Между тем о полном тождестве не может быть и речи. Строго говоря, это культурная иллюзия. Какая-то часть скоморошьяго репертуара — не исключено, что весьма значительная, — была вполне серьезной». (Панченко А. М. Русская культура в канун Петровских реформ. 1984). Наиболее значимый образ скомороха в советском искусстве был создан Роланом Быковым в фильме А. Тарковского «Андрей Рублев» («Мосфильм», 1966. Высоцкий пробовался на роль сотника в этом фильме). В фильме звучали частушки, написанные Р. Быковым специально для этой роли:

Скоморохи шли ватагою!
Баловались пивом, брагою!
У боярина боярыня лакома!
Отвернет на сторону, да не всякому!
А боярыня свою прыть —
Цыть!

Вы, скоморохи, все воры да пьяницы!
Вас секут от пятницы до пятницы!
Козлы да бродяги,
Подохнете в браге...
Скоро вас всех будут на кол сажать!
Хоп! А они его цоп!

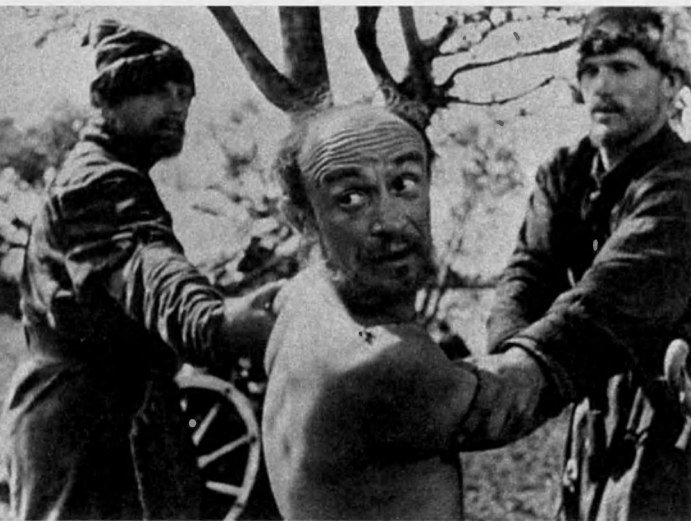
Тагарга-матагарга... — Ср. у М. Горького в рассказе «Мальва» (1897):

Тагарга, матагарга,
Матаничка моя!
Пьяная, избитая,
Растрепанная!

Цветомузыкальная... — В 1970-е широкое распространение получает использование цветомузыкального оформления в эстрадных концертах и других развлекательных массовых мероприятиях.

**Вон орехи рядышком —
С изумрудным ядрышком!** —
Отсылка к «Сказке о царе Салтане» (1831) А. С. Пушкина:

Белка песенки поет
И орешки все грызет,
А орешки не простые,
Все скорлупки золотые,
Ядра — чистый изумруд...

Р. Быков в роли скомороха в фильме «Андрей Рублев»

Все мы сказками слегка
Объегорены.

Не скупись, не стой, народ,
За ценою:
Продается с цепью Кот
Золотою!

Тагарга-матагарга,
Упоенье — ярмарка, —
Общее, повальное,
Эмоциональное!

Будет смехом-то рвать животики!
Кто отважится, разохотится
Да на коврике-самолетике
Не откажется, а прокотится?!

Разрешите сделать вам
Примечание:
Никаких воздушных ям
И качания, —

Ковролетчики вчера
Ночь не спали —
Пыль из этого ковра
Выбивали.

Тагарга-матагарга,
Удалася ярмарка!
Тагарга-матагарга,
Хорошо бы — нáдолго!

Здесь река течет — вся молочная,
Берега над ней — сплошь кисельные, —
Мы вобьем во дно сваи прочные,
Запрудим ее — дело дельное!

Запрудили мы реку —
Это плохо ли?! —
На кисельном берегу
Пляж отгрохали.

Но купаться нам пока
Нету смысла,
Потому — у нас река
Вся прокисла!

Тагарга-матагарга,
Не в обиде ярмарка —
Хочь залейся нашею
Кислой простоквашею!

Мы беду-напасть подожжем огнем,
Распрявим хребты втрое сложенным,
Меду хмельного до краев нальем
Всем скучающим и скукоженным!

Много тыщ имеет кто —
Тратьте тыщи те!
Даже то — не знаю что —
Здесь отыщете!

Коль на ярмарку пришли —
Так гуляйте, —
Неразменные рубли
Разменяйте!

Тагарга-матагарга,
Для веселых ярмарка!
Подходи, подваливай,
Сахари, присаливай!

<осень 1973 – весна 1974>

*Вон Балда пришел, поработать чтоб...
Тут как тут и Поп — толокенный лоб... —*
Персонажи «Сказки о поле и работнике его Балде»
(1830) А. С. Пушкина. См.:

Жил-был поп,
Толокенный лоб.
Пошел поп по базару
Посмотреть кой-какого товару.
Навстречу ему Балда
Идет, сам не зная куда.

*Черномор Кота продает в мешке —
Слишком много Кот разговаривал. —*
Персонажи из поэмы А. С. Пушкина «Руслан и Людмила» (1817–1821). Черномор — злой колдун, похититель Людмилы. Кот ученый живет на дубе и ходит по золотой цепи: «Идет направо — песнь заводит, налево — сказку говорит». Из песни Высоцкого «Лукоморье» (1967) про кота также известно, что «как направо — так поет, как налево — так загнет анекдот», а «Бородатый Черномор — в Лукоморье первый вор», «Зазеваешься — он хват! — и тикать!». Обыгрывается фразеологический оборот «кот в мешке», означающий неизвестность, неопределенность чего-либо.

Рис. Т. Маериной

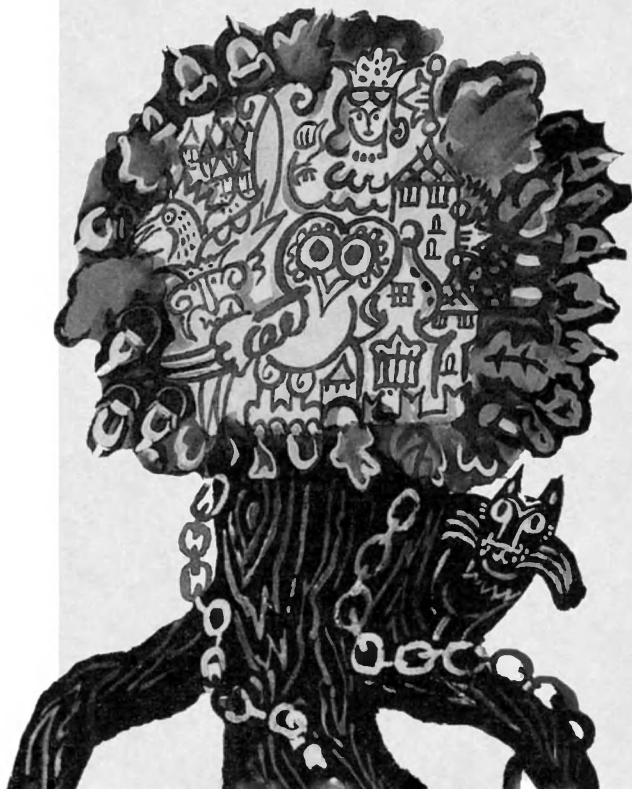

Фото В. Плотникова

2. Песня Соловья-разбойника и его дружков

Как да во лесу дремучем,
По сырым дуплám да сучьям,
И по норам по барсучьим
Мы скучаем и канючим.

Так зачем сидим мы сиднем,
Скуку да тоску наводим?
Ну-кася, ребята, выйдем,
Весело поколобродим!

Мы — ребята битые,
Тертые, ученые,
Во болотах мытые,
В омурах моченные.

Как да во лесу дремучем
Что-нибудь да отчубучим,
Добра молодца прищучим,
Пощекочем и помучим!

Воду во реке замутим,
Пугал на кустах навесим,
Пакостных шутих нашутим,
Весело покуролесим!

Водяные, лешие,
Души забубенные!
Ваше дело — пешие,
Наше дело — конные.

Первый соловей в округе —
Я гуляю бесшабашно.
У меня такие слуги,
Что и самому мне страшно.

Н. Лавров в фильме «Иван да Марья»

Вошла без 3, 6 и 7 стрóf на музыку А. Чайковского.

Роль Соловья-разбойника в фильме исполнил Н. Г. Лавров (1944–2000).

Из авторского комментария: «Сказка написана очень современно. Написал ее писатель и драматург Хмелик. Ну так довольно сложно снять, когда там написано, что какие-то приметы современности должны быть, — тогда это будет, конечно, явное нарушение формы. Если с предметами старинными, сказочными, будут находиться какие-то современные вдруг. Понимаете?! Тогда какой-то несерьез в этом есть. И поэтому на песни легла нагрузка — все это подвигать, так сказать, осовременить. Взаимоотношения узнаваемые, какие-то термины,

какие-то слова... Нечистая сила, которая должна выглядеть была как хулиганы, в этом фильме — они такие и есть» (1975).

Из интервью композитора А. В. Чайковского С. В. Жильцову: «В 1974 году мне предложили написать музыку к фильму „Иван да Марья“, музыкальной сказке. Планировалось, что она будет не только для детей, но и для взрослых тоже. Мне сразу сказали, что музыки там должно быть что-то около часа, минут 50 чистой музыки. Мне со сценарием передали целую кипу бумаг напечатанных стихов. Их очень было много. И стихи эти к песням написаны были Высоцким.

Я взялся за работу. Очень долго я мучился с этой музыкой, потому что сначала не очень точно понимал, что от меня хотели по стилю музыкальному. Потом в конце концов написал песенки всякие в более, так сказать, эстрадном плане. Потом получилась очень любопытная ситуация в связи с тем, что оказалось, что мы с Высоцким вроде бы оказались конкурентами. Потом мне сказали, что мы хотим послушать и то, что написал Высоцкий. И я был в некотором недоумении, потому что если он написал, тогда зачем меня приглашали с самого начала.

Надо сказать, что здесь он проявил себя очень тактично, потому что я тогда был еще очень „зеленый“, а он уже известен, популярность его была колоссальна. Мы договорились, что мы должны встретиться. Он приехал ко мне домой, один. Я был тоже один. У нас состоялось первое наше знакомство. Он пришел со своей гитарой, и он очень хорошо отнесся к тому, что я сделал, что такое тоже может быть вполне, что не возражает против такого прочтения. А потом он мне спел пару песен, как он это предполагает, а потом мы выработали общую позицию о том, как нам себя вести в этой ситуации, поскольку он мне сразу сказал: „Понимаете, я не смогу записать ваши мелодии, так как я музыкально неграмотен. Ноты я практически не знаю, я должен это все учить наизусть. Мне это очень трудно — запоминать чужое, потому что я этим никогда почти не занимался. Потом и времени у меня нет сейчас. Если решат остановиться на моей музыке, на том, как я пою мои песни, то вам же, наверное, тоже будет совершенно неинтересно выглядеть просто аранжировщиком“.

Мы расстались с ним мирно и полюбовно. Киногруппа остановилась на варианте моем, и я тогда, конечно, естественно, был очень горд таким исходом, но потом я по прошествии времени понял, что это, конечно, не из-за того, что моя музыка была там лучше. Дело просто в том, что мои мелодии были уже соркестрованы и записаны к тому времени. Естественно, это выглядело ярче, чем Володин голос в сопровождении гитары».

К оборотням не привыкну —
До того хитры, ребята!
Да и сам я — свистну, гикну —
Аж душа уходит в пятки!

Не боюсь тоски-муры,
Если есть русалочки!
Выходи, кикиморы,
Поиграем в салочки!

Ты не жди, купец, подмоги —
Мы из чащи повылазим
Да и на большой дороге
Вволюшку побезобразим!

Ну-ка, рукава засучим,
Путника во тьме прижучим,
Свалим — и в пескеzybучем
Пропесочим и проучим!

Зря на нас клевещете,
Умники речистые:
Всё путем у нечисти,
Даже совесть чистая!

<осень 1973 – весна 1974>

3. Серенада Соловья-разбойника

Выходи! Я тебе посвящу серенаду.
Кто тебе серенаду еще посвистит?
Сутки кряду могу — до упаду, —
Если муза меня посетит.

Я пока еще только шутю и шалю —
Я пока на себя не похож:
Я обиду терплю, но когда я вспылю —
Я дворец подпилю, подпалю, развалю, —
Если ты на балкон не придешь!

Ты отвечай мне прямо-откровенно,
Разбойничью душу не трави!..
О, выйди, выйди, выйди, Аграфена,
Послушать серенаду о любви!

Эге-гей, трали-вали!
Кабы красна девица жила да во подвале,
Я б тогда на корточки
Приседал у форточки —
Мы бы до утра проворковали!

Во лесных кладовых моих — уйма товара,
Два уютных дупла, три пенечка гнилых..
Чем же я тебе, Груня, не пара,
Чем я, Феня, тебе не жених?!

Так тебя я люблю, что ночами не сплю,
Сохну с горя у всех на виду.
Вон и голос сорвал — и хриплю, и сиплю.
Ох, я дров нарублю, я себя погублю,
Но тебя украду, уведу.

Я женихов твоих — через колено,
Я папе твоему попорчу кровь.
О, выйди, выйди, выйди, Аграфена,
О, не губи разбойничью любовь!

*Илья Муромец и Соловей-разбойник.
Рис. Н. Кочергина*

Написана для фильма «Иван да Марья» (Киностудия им. М. Горького, 1974. Реж. Б. Рыцарев).

Вошла без 2, 5, 9–13 строф на музыку А. Чайковского. По замыслу, каждые 10–13 строки куплетов должен был исполнять хор нечисти. При этом предпоследняя строфа могла звучать так:

Ответь мне в лоб, прошу проникновенно,
Ведь знают соловьи, что «се ля ви».
Так выйди, елки-палки, Аграфена,
Не дай погаснуть пламенной любви!

*Роль царевны Аграфены исполнила
Лия Ахеджакова.*

Из авторского комментария: «И вот еще там песня такая, ее поет Соловей-разбойник, серенаду. Он поет под балконом у царицы Аграфены. Они кричат: „Груня! Феня!“ Выходит на балкон и, значит, такая компания всякой нечисти — Леший, там, Водяные... И он поет» (1976).

Серенада (фр. sérénade, от ит. serenata, от sera — вечер) — любовная вечерняя песня перед окном возлюбленной, обычно включает мотив приглашения на свидание.

Эге-гей, трали-вали!
Кабы красна девица жила да во подвале,
Я б тогда на корточки
Приседал у форточки —
Мы бы до утра проворковали!

Так давай, Аграфенушка, свадьбу назначим!
Я — нечистая сила, но с чистой душой!
Я к чертям, извините, собачьим
Брошу свой соловьиный разбой!

Я и трелью зальюсь, и подарок куплю,
Всех дружков приведу на поклон,
Я тебя пропою, я тебя прокормлю,
Нам ребята на свадьбу дадут по рублю, —
Только ты выходи на балкон!

Во темечке моем да во височке —
Одна мечта: что выйдет красота, —
Привстану я на цыпочки-мысочки
И поцелую в сахарны уста!

Эге-гей, трали-вали!
Кабы красна девица жила да во подвале,
Я б тогда на корточки
Приседал у форточки, —
Мы бы до утра проворковали!

<осень 1973 – весна 1974>

4. Куплеты нечистой силы

«Я — Баба-яга,
Вот и вся недолга,
Я езжу в намазаной ступе.
Я к русскому духу не очень строга —
Люблю его сваренным в супе.

Ох, надоело с метелкой гонять,
Зелье я переварила...
Нет, что-то стала совсем изменять
Наша нечистая сила!»

«Привет! Добрый тень!
Я — так Оборотень!
Неловко вчерась обернулся:
Хотел превратиться в дырявый плетень,
Да вот посередке запнулся.

Кто я теперь — самому не понять, —
Эк меня, братцы, скривило!..
Нет, что-то стала совсем изменять
Наша нечистая сила!»

«Я — старый больной
Озорной Водяной,
Но мне надоела квартира:
Лежу под корягой, простуженный, злой,
А в омуте мокро и сыро.

Вижу намедни — утопленник. Хвать!
Он меня — пяткой по рылу!..
Нет, перестали совсем уважать
Нашу нечистую силу!»

В фильм не вошла. По замыслу В. Высоцкого, каждые 8 и 9 строки куплетов должен был исполнять хор нечисти. В авторском исполнении сохранились только первые 8 строф.

Из авторского комментария: «Вот последнее время стали меня спрашивать: „Почему ты, дескать, Володя, не пишешь больше сказок? Мол, раньше вот писал сказки, а, дескать, теперь не пишешь!“ Это неправда. Я продолжаю писать сказки, и вот недавно я работал для картины такой, „Иван да Марья“, и писал там несколько сказок. Вернее, даже не сказок, а написал несколько таких реплик всяким сказочным персонажам. В основном нечисти всякой. Нечисть там как хулиганы выступает, такие бандиты. Они стекла бьют, ходят везде. Но их наконец прогоняет Иван, солдат Иван, и они в лесу сидят и поют, что, дескать, вот у них какое плохое положение: никто не обращает внимания на их — нечистую силу» (1977).

Баба-Яга — один из древнейших персонажей славянской мифологии, лесная старуха-ведьма. Первоначально это было божество смерти: женщина со змеиным хвостом, которая стерегла вход в подземный мир и провожала в него души умерших. Перемещается по поверхности земли в железной ступе.

Оборотень — «какой-то недобрый дух, который мечется иногда человеку под ноги или поперек дороги, как предвестник беды. От него крестятся и отплываются. Он никогда не является иначе, как на лету, на бегу, и то мельком, на одно мгновение, что едва только успеешь его заметить; иногда с кошачьим или другим криком и воем, иногда же он молча подкатывается клубком, клочком сена, комом снега, овчиной и проч. Оборотень перекидывается, изменяя вид свой, во что вздумает, и для этого обыкновенно ударится наперед об землю; он перекидывается в кошку, в собаку, в сову, петуха, ежа, даже в клубок ниток, в кучу пакли и в камень, в копну сена и проч. Изредка в лесу встречаешь его страшным зверем или чудовищем; но всегда только мельком, потому он никогда не даст рассмотреть себя путем. Нередко он мгновенно, в глазах испуганного насмерть прохожего, оборачивается несколько раз то в то, то в другое, исчезая под пнем или кустом, или на ровном месте, на перекрестке. Днем очень редко удастся его увидеть, но уже в сумерки он начинает проказить и гуляет всю ночь напролет» (*Даль В. И. О поверьях, суевериях и предрассудках русского народа*).

Водяной — «водяной, водовик или водяник, водяной дедушка, водяной черт, живет на больших реках и озерах, болотах, в тростниках и в осоке, иногда плавает на чурбане или на корчаге; водится в омутах и в особенности подле мельниц. Это нагой старик, весь в тине, похожий обычаями своими на лешего, но он не оброс шерстью, не так назойлив и нередко даже с ним бранится. Он ныряет и может жить в воде по целым дням, а на берег выходит только по ночам. <...> Он живет с русалками, даже почитается их большим. <...> Водяной довольно робкий старик, который смел только в своем царстве, в омуте <...>. Он любит сома и едва ли не ездит на нем» (*Даль В. И. О поверьях, суевериях и предрассудках русского народа*).

Русалка — «их представляют иногда безобразными; но вообще русалки большею частию молоды, стройны, соблазнительно хороши: они ходят нагие или в белых сорочках, но без пояса, с распущенными волосами, зелеными, как иные утверждают; живут дружно, обществами, витают под водой, но выходят и на берег; резвятся, поют, шалют, хохочут, качаются на ближних деревьях, выют плетеницы из цветов и украшаются ими, и если залучат к себе живого человека, которого стараются заманить всеми средствами, то щекочут его, для потехи своей, до смерти. Иные утверждают, что у русалок между перстов есть перепонка, как у гуся; другие даже, что у нее, вместо ног, раздвоенный рыбий хвост. Они манят к себе прохожего, если он ночью подойдет к ним — днем они почти не выходят, — иногда гоняются за ним, но далеко от берега реки или озера не отходят, потому что боятся обсохнуть» (*Даль В. И. О поверьях, суевериях и предрассудках русского народа*).

Домовой — «обыкновенно это плотный, не очень рослый мужичок, который ходит в коротком смуром зипуне, а по праздникам и в синем кафтане с алым поясом. Летом также в одной рубахе; но всегда босиком и без шапки, вероятно потому, что мороза не боится и притом всюду дома. У него порядочная седая борода, волосы острижены в скобку, но довольно косматы и частью застилают лицо. Домовой весь оброс мягким пушком, даже подошвы и ладони; но лицо около глаз и носа нагое. <...> Он вообще не злой человек, а больше причудливый проказник: кого полюбит, или чей дом полюбит, тому служит, ровно в кабалу к нему пошел; а уж кого невзлюбит, так выживет и, чего доброго, со свету сживет» (*Даль В. И. О поверьях, суевериях и предрассудках русского народа*).

«Такие дела:
Лешачиха со зла,
Лишив меня лешевелюры,
Вчера из дупла на мороз прогнала —
У ней с Водяным шуры-муры.

Со свету стали совсем изживать —
Прост-таки гонят в могилу...
Нет, перестали совсем уважать
Нашу нечистую силу!»

«Русалке легко:
Я хвостом-плавником
Коснусь холодком под сердечко...
Но вот с современным утопленником
Теперь то и дело — осечка!

Как-то утопленник стал возражать —
Ох, наглоталась я илу!
Ах, перестали совсем уважать
Нашу нечистую силу!»

«А я — Домовой,
Я домашний, я — свой,
А в дом не могу появиться —
С утра и до ночи стоит дома вой:
Недавно вселилась певица!

Я ей — добром, а она — оскорблять:
Мол, Домового — на мыло!
Видно, нам стала <со>всем изменять
Наша нечистая сила!»

<осень 1973 – весна 1974>

Рис. Т. Маериной

5. Песня солдата на часах

На голом на плацу, на вахтпараде,
В казарме, на часах — все дни подряд
Безвестный, не представленный к награде,
Справляет службу ратную солдат.

И какие бы ни дули
Ураганные ветра,
Он — в дозоре, в карауле
От утра и до утра.

«Напра, нале!..
В ружье! На пле!..
Бегом — в расположение!»
А я — пою:
Ать-два, ать-два,
Живем мы однаво,
А тяжело в учении —
Легко в бою!

Если ломит враг — бабы слезы льют,
Ядра к пушечкам подтаскивай!
Я пред боем — тих, я в атаке — лют,
Ну а после боя — ласковый.

Меня гоняют до седьмого пота,
Всяк может младшим чином помыкать, —
Но все-таки центральные ворота
Солдату поручают охранять.

Как бы в рог его ни гнули,
Распрямится снова он.
Штык — дурак и дуры — пули, —
Ежели солдат умен.

Другое название: «Солдатская песня грустная».

В фильм в исполнении И. Бортника вошли строфы 2 и 7 (фрагмент), на музыку А. Чайковского.

Из репортажа со съемочной площадки в журнале «Советский экран» (1974. № 23): «Авторы фильма не скрывают „театральность“, напротив, всячески подчеркивают ее. В сказке есть такой эпизод — Иван идет из города в деревню и по дороге поет песню, состоящую из нескольких куплетов. А путь-то короткий — всего мостик перейти... Эпизод этот сняли так: каждый куплет Иван начинает у стен города и допевает его в деревне».

В окончательной редакции фильма эпизод выглядит несколько иначе.

Плац (нем. Platz, от фр. place — место, площадь) — площадь для парадов, смотров, военных строевых занятий.

Вахтпарад (нем. Wachtparade; устар.) — церемониал при смене воинского караула. «Вахтпарад в буквальном переводе означает „подготовка стражи“. Так в Германии XVII в. называли военную процедуру, в России именуемую „развод караулов“. Последний представляет собой смотр охраны, торжественно производимый ежедневно перед началом несения ею караульной службы в очередные сутки. На развод выводится личный состав караулов, а также оркестр или барабанщики. После смотра нового караула и проверки его готовности к несению службы должностным лицам вручаются суточные пароли. Завершается развод прохождением личного состава перед старшим начальником. Порядок проведения развода регламентируется воинскими уставами. Во всех армиях мира этой процедуре издавна придавали особое значение, чтобы подчеркнуть важность караульного дела, поднять дух часовых и указать на чрезвычайную почетность их обязанностей» (Манев Я. И. Вахтпарад. Вопросы истории. М., 1983. № 9).

«Напра, нале!..
В ружье! На пле!..
Бегом — в расположение!» —

Фрагменты строевых команд, отдаваемых с паузами между словами: «напра-во», «нале-во», «на пле-чо». Также и: «бе-гом».

Однаво (устар.) — однажды.

Тяжело в учении — легко в бою! — Афоризм, приписываемый русскому полководцу А. В. Суворову.

*Если ломит враг — бабы слезы льют,
Ядра к пушечкам подтаскивай! —*
Переключка с воинской народной песни: «Наши жены —
пушки заряжены».

*Штык — дурак и дуры — пули, —
Ежели солдат умен. —*
Перифраз крылатого выражения «Пуля — дура, штык —
молодец», принадлежащего А. В. Суворову.

Ту би ор нот ту би... — Транскрипция ставшей крыла-
тым выражением реплики Гамлета из трагедии У. Шек-
спира «Гамлет»: «To be or not to be?» — «Быть или не
быть?»

«В штыки! К но-гй!
Равняйся! Беги!
Ползком — в расположение!»
А я — пою.
«Коли! Руби!»
Ту би ор нот ту би, —
Но тяжело в учении —
Легко в бою!

Если враг бежит и гремит салют —
Зеленá вина подтаскивай!
Я пред боем — тих, я в атаке — лют,
Ну а после боя — ласковый.

Кадр из фильма «Иван да Марья»

<осень 1973 — весна 1974>

6. Песня Марии

Отчего не бросилась,
 Марьюшка, в реку ты,
Что же не замолкла-то
 навсегда ты,
Как забрали милого
 в рекруты, в рекруты,
Как ушел твой суженый
 во солдаты?!

Я слезами горькими
 горницу вымою
И на годы долгие
 дверь закрою,
Наклонюсь над озером
 ивою, ивою —
Высмотрю, как в зеркале, —
 что с тобою.

Травушка-муравушка
 сочная, мятная
Без тебя ломается —
 ветры дуют...
Долюшка солдатская —
 ратная, ратная:
Что, как пули грудь твою
 не минуют?!

Тропочку глубокую
 протопчу по полю
И веночек свой свадебный
 впрок совью,
Длинну косу девичью —
 дó полу, дó полу —
Сберегу для милого —
 с проседью.

В фильм не вошла.

Была записана в 1974 на Всесоюзной студии грамзаписи «Мелодия» для пластинки «В. Высоцкий и М. Влади» в исполнении М. Влади. Вышла в 1987.

Из авторского комментария: «Вот была такая картина — „Иван да Марья“ называлась она. В этот фильм я написал примерно семнадцать музыкальных номеров, текстов песен. Это должен был быть такой сказка-мюзикл в кино. Но, к сожалению, от этого осталось опять с гулькин нос, почти ничего не осталось, все выстригли» (1978).

Кадр из фильма «Иван да Марья»

Рекрут (нем. Rekrut, от фр. recruter — набирать войска) — лицо, принятое на военную службу по найму или по повинности.

Горница (устар.) — жилая комната в доме, первоначально — на втором этаже.

**Вот возьмут кольцо мое
с белого блюдица...** —

Существует множество разновидностей гадания с кольцами; как правило, гадают незамужние девушки с целью узнать какую-нибудь информацию о своем женихе (имя, имущественное состояние и т. п.), о сроках женитьбы и т. п. Высоцкий в данном случае не имеет в виду какого-то конкретного типа гадания, обозначая саму ситуацию и ее содержание.

Вот возьмут кольцо мое
с белого блюдица,
Хоровод завертится
грустно в нем, —
Пусть мое гадание
сбудется, сбудется:
Пусть вернется суженый
вешним днем!

Пой, как прежде, весело,
идучи к дому, ты,
Тихим словом ласковым
утешай.
А житее невестино —
омуты, омуты...
Дождает Марьюшка —
поспешай!

<осень 1973 — весна 1974>

7. Иван да Марья

Вот пришла лиха беда —
Уж ворота отворяют, —
Значит, пробил час, когда
Бабы слезы высыхают.

Значит, больше места нет
Ни утехам, ни нарядам.
Коль семь бед — один ответ, —
Так пускай до лучших лет
Наши беды будут рядом.

Не сдержать меня уговорами.
Верю свято я — не в него ли?
Пусть над ним кружат черны вороны,
Но он дорог мне и в неволе.

Понаехали сваты,
Словно на смех, для потехи, —
Ах, шуты они, шуты:
Не бывать тому вовеки.

Где им знать: поют кругом,
Да прослышала сама я,
Как в году невесть каком
Стали вдруг одним цветком
Два цветка — Иван да Марья.

Путь-дороженька — та ли, эта ли, —
Во крошечной тьме, с мукой-болью,
В пекло ль самое, на край света ли, —
Приведи к нему, хоть в неволю.

Ветры добрые, тайком
Прокрадитесь во темницу —
Пусть узнает он о том,
Что душа к нему стремится.

*Вот пришла лиха беда —
Уж ворота отворяют...* —

Перифраз народной поговорки «Пришла беда — отворай ворота», означающая начало больших неприятностей.

Пусть над ним кружат черны вороны... — Образ черного ворона как символа беды и гибели широко распространен в народной поэзии. См., например, казачью песню «Черный ворон»:

Черный ворон, черный ворон,
Что ты вьешься надо мной?
Ты добычи не добьешься,
Черный ворон, я не твой!

Что ж ты когти распускаешь
Над моею головой?
Иль добычу себе чаешь?
Черный ворон, я не твой!

Образ черного ворона неоднократно встречается в песнях Высоцкого.

*Стали вдруг одним цветком
Два цветка — Иван да Марья. —*

Иван-да-марья — народное название полевой фиалки. Согласно легенде, юноша и девушка, полюбив, женились, не зная, что они брат и сестра. Когда они узнали об этом, то, чтобы не разлучаться, превратились в цветок, окрашенный в разные цвета. В народе цветок считается символом верности.

Сетовать (книжн.) — роптать, жаловаться.

Сердцем пусть не упадет
И не думает худого,
Пусть надеется и ждет —
Помощь Марьяина придет
Скоро-скоро, верно слово.

Пусть не сетует, пусть не мается,
Ведь не зря цветок в чистом поле
Нашим именем называется —
Так цвести ему и в неволе!

<осень 1973 — весна 1974>

Кишинев, апрель 1972

8. Песня солдата, идущего на войну

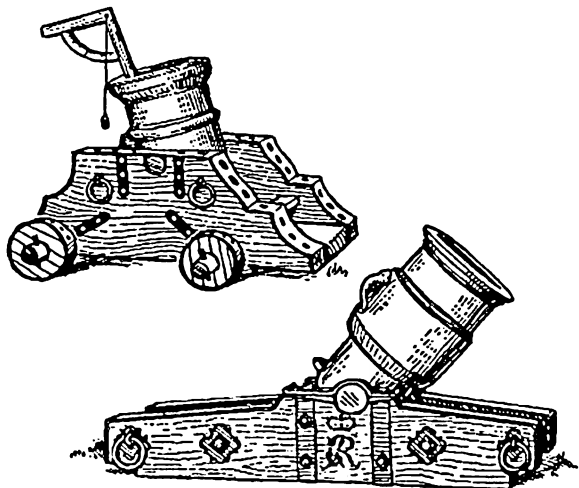
Ну разве ж мы, солдатухи, повинны,
Что наши пушки не зачехлены?!
Пока враги не бросили дубины —
Не обойтись без драки и войны.

Я бы пушки и мортиры
Никогда не заряжал,
Не ходил бы даже в тир, —
Детям елки наряжал.

Но вот как раз
Пришел приказ
Идти на усмирение,
И я пою,
Как и всегда,
Что горе — не беда.
Но — тяжело в учении
Да и в бою.

Раззудись, плечо, если наших бьют!
Сбитых, сваленных — оттаскивай!
Я пред боем — тих, я в атаке — лют,
Ну а после боя — ласковый!

<осень 1973 — весна 1974>

Другое название: «Солдатская песня походная».
В фильм в исполнении И. Бортника вошли строфы 2 и 3, на музыку А. Чайковского.

Мортира (гол. mortar, от лат. mortarium — ступа) — артиллерийское орудие с коротким стволом, предназначавшееся главным образом для разрушения особо прочных оборонительных сооружений. В стихотворении А. С. Пушкина «Бонапарт и черногорцы» (1835), о котором упоминает Высоцкий в связи с песней «Водой наполненные горсти...» (1974), есть строки:

Вот он шлет на нас пехоту
С сотней пушек и мортир,
И своих мамлюков роту,
И косматых кирасир.

В. Никулин

В фильм не вошла.
Роль привидения исполнил Валентин Никулин.

Из репортажа со съемочной площадки в журнале «Советский экран» (1974. № 23): «Царь Евстигней Тринадцатый повелел заточить солдата Ивана в башню, и там солдату является призрак Тимоша. Призрак делает все, что ему положено,— воеет, строит ужасные гримасы, демонстрирует кошмарные орудия пыток... Но все это не производит на Ивана никакого впечатления. „Старею,— вздыхает Тимоша, присаживаясь рядом с солдатом.— Слушай, у тебя табачку не найдется?“ — и закуривает со своим новым приятелем.

Валентин Никулин (Тимоша): „Мы с режиссером думали, как решить этого Тимошу. И придумали — это старый актер, который всю жизнь кормится одним битым номером. И самому ему скучно, и зрителям уже неинтересно... Как только такое решение образа пришло, сразу призрак превратился для меня из сказочного персонажа в хорошо знакомого человека.

Я очень пожалел, что приехал на студию имени М. Горького в группу „Иван да Марья“, когда этот эпизод уже отсняли. Зато я попал на съемки самой сцены ярмарки. С нее будет начинаться фильм“».

9. Солдат и привидение

«Во груди душа словно ерзает,
Сердце в ней горит, будто свечка.
И в судьбе — как в ружье: то затвор заест,
То в плечо отдаст, то — осечка.

Ах ты долюшка несчастливая, —
Воля царская — несправедливая!»

«Я — привидение, я — призрак, но
Я от сидения давно больно.
Темница тесная, везде сквозит, —
Хоть бестелесно я, а все ж — знобит.

Может, кто-нибудь обидится,
Но я, право, не шучу:
Испугать, в углу привидеться —
Совершенно не хочу.

Жаль, что вдруг тебя казнят, — ты с душой хорошею.
Можешь запросто, солдат, звать меня Тимошею.

<осень 1973 — весна 1974>

И. Бортник — солдат и В. Никулин — Привидение
в фильме «Иван да Марья»

Песни к кинофильму «Одиноким один»

1. Песня Вани у Марии

Я полмира почти через злые бои
Прошагал и прополз с батальоном,
А обратно меня за заслуги мои
С санитарным везли эшелонном.

Подвезли на родимый порог —
На полуторке к самому дому,
Я стоял и немел, а над крышей дымок
Подымался совсем по-другому.

Окна словно боялись в глаза мне взглянуть.
И хозяйка не рада солдату:
Не припала в слезах на могучую грудь,
А руками всплеснула — и в хату.

И залаяли псы на цепях.
Я шагнул в полутемные сени,
За чужое за что-то запнулся в сенях,
Дверь рванул — подкосились колени.

Там сидел за столом, да на месте моем
Неприветливый новый хозяин.
И фуфайка на нем, и хозяйка при нем, —
Потому я и псами облян.

Это значит, пока под огнем
Я спешил, ни минуты не весел,
Он все вещи в дому переставил моем
И по-своему все перевесил.

Мы ходили под богом, под богом войны,
Артиллерия нас прикрывала,

«Одиноким один», «Ленфильм», 1974. Реж. Г. Полока.
Автор сценария В. Мережко. Композитор Э. Хагагортян.

В ролях: А. Папанов, Н. Архипова, В. Кашпур, М. Поляк, В. Теличкина, Н. Караченцов, Т. Пельтцер, Ю. Орехова и др.

Из рецензии Е. Бауман в журнале «Советский экран» (1975. № 18): «Герой фильма Иван Каретников, по профессии полотор, разбросал смолоту своих жен и детей по всем концам страны. Теперь, когда не за горами старость, решил прибиться к какой-нибудь из семей. Похождения „выдающей маэстры Вани Каретникова“, как он себя рекомендует, в поисках семейного очага и составляют сюжет фильма.

В свои 59 лет Ваня Каретников неотесан, груб, косноязычен, он много и без толку суетится, паясничает, часто оскорбляет добрых людей. А добрые люди почему-то весьма снисходительны к нему, терпеливо сносят его выходки, иногда еще и умиляются.

Вот пьяный Ваня играет на гармошке и поет:

Мы ходили под богом, под богом войны.
Артиллерия нас накрывала,
Но смертельная пуля нашла со спины
И изменою в сердце застряла.

Я себя в поясище согнул,
Силу воли призвал на подмогу,
«Извините, хозяева, что заглянул
По ошибке к чужому порогу»...

Закачался некрашенный пол...

Как пародия, как стилизация „блатного“ жаргона это, наверное, еще сошло бы. И даже было бы смешно. Но ведь под эту, с позволения сказать, „фронтовую“ песню прямо-таки обливаются слезами положительные герои фильма. Плачут! И даже просят спеть еще. И даже подпевать пытаются. И, размягченные душой, прощают Ване и хвастовство, и нахальство, и хамские выкрики „А ты кто такой?“. Да еще и уверяют его: „Ты хороший человек, Ваня“...

Авторы не замечают, что этот их „хороший человек“ опошляет все, к чему ни прикоснется: появляется на субботнике — субботник превращается в нелепый балаган, приходит на свадьбу — свадебный обряд начинает смахивать на издевательство над ни в чем не повинными людьми. А когда под конец Ваня нарывается на еще более разнузданного молодого нахала, от нас ждут, кажется, сочувствия его переживаниям в неожиданной роли „благородного отца“, устраивающего семейное счастье дочери с этим самым нахалом, дающим ему сто очков вперед по бескультурью, черствости, распущенности...

В роли Вани Каретникова снялся Анатолий Папанов, превосходный актер, отлично умеющий сочетать драматизм и комедийное начало. Не раз следили мы за его игрой, мешая слезы с улыбкой. Но главный герой фильма „Одиножды один“ не способен вызвать столь сильные и разнообразные зрительские эмоции. И причина этого — в каком-то изначальном, стилистическом просчете, который, в свою очередь, приводит к потерям нравственным, этическим”.

Из интервью режиссера Г. И. Полоки В. К. Перевозчикову: «Эту песню Володя писал для Папанова... „Не припала в слезах на могучую грудь...“ А если бы эту роль играл, допустим, Доронин, то Володя бы не написал „могучую грудь...“, потому что Доронин к тому времени весь высохший был... И он делает вариант: „на пробитую грудь...“. „И обратно меня...“ А Папанову Володя говорил: „Пойте не «меня», а «мине», это ложится на ваш облик...“ И еще: „за раненья мои“ — это пусть Папанов поет, а если другой актер, то „за заслуги мои“. Видите, как интересно. <...>

Г. Полока поет по рукописи:

Дескать, мир, да любовь вам, да хлеба на стол,
Чтоб согласие по дому ходило,
Ну а он даже ухом в ответ не повел,
И забило меня, зазнобило —

это для Папанова...

А „Вроде так и положено было“ — это для другого актера, более официозного... Кроме того, эту мелодию он напел композитору Хагагортяну — и это его мелодия. <...>

Во время записи песни с Папановым для картины „Одиножды один“, о которой я уже говорил, песни фронтовика, вернувшегося с войны, Володя так точно передавал интонации, свойственные инвалидам, которые пели эти песни на вокзалах и в электричках, что Папанов — сам фронтовик — был просто потрясен. Потрясен тем, насколько точно Володя передавал и настроение, и интонации, и дух того времени. И как я уже говорил, если Володя писал для конкретного артиста, то он мог даже что-то изменить в тексте. Ну, например, в этой песне строчку „...Дымок поднимался совсем по-другому“. Папанов пел „...подымался совсем по-другому“ или „за чужое за что-то запнулся в сениях“... А Папанов пел: „за чужое за чтой-то запнулся в сениях“. Специально для Папанова, учитывая его внешность, Володя вводил какие-то такие просторечия».

В фильм вошли последние четыре строфы в исполнении А. Папанова.

Но смертельная рана нашла со спины
И изменю в сердце застряла.

Я себя в поясище согнул,
Силу-волю позвал на подмогу:
«Извините, товарищи, что завернул
По ошибке к чужому порогу».

Дескать, мир, да любовь вам, да хлеба на стол,
Чтоб согласие по дому ходило...

Ну а он даже ухом в ответ не повел,
Вроде так и положено было.

Зашатался некрашенный пол,
Я не хлопнул дверьми, как когда-то, —
Только окна раскрылись, когда я ушел,
И взглянули мне вслед виновато.

<до апреля 1974>

А. Папанов в фильме «Одиножды один»

2. Песня о черном и белом лебедях

Ах! В поднебесье летал
 лебедь черный, молодой да проворный.

Ах! Да от лёта устал —
 одинокий, да смелый, да гордый.

Ах! Да снижаться он стал
 с высоты со своей лебединой.

Ах! Два крыла распластал —
 нет уж сил и на взмах на единый.

Ай не зря гармонь пиликает —
Ваня песенку мурлыкает
С уваженьем, да почтением,
Да, конечно, со значением.

Ах! На крутом берегу,
 словно снег среди лета, не тая,

Ах! На зеленом лугу —
 лебединая белая стая.

Ах! Да не зря он кружил,
 да и снизился не понапрасну.

Ах! Он от стаи отбил
 лебедь белую — самую прекрасную.

Ай вы, добры люди-граждане,
Вы б лебедушку уважили —
Затянули бы протяжную
Про красу ее лебяжую.

Ох! Да и слов не сыскать,
 вон и голос дрожит неумелый.

Ох! Другу дружка под стать —
 лебедь черный да лебеди белой.

Ах! Собраліся в полет
 оба-двое крылатые вместе.

Ах! Расступися, народ,
 поклонись жениху и невесте!

В фильм вошла только 3 строфа.
Рефрены исполняются от лица Вани.

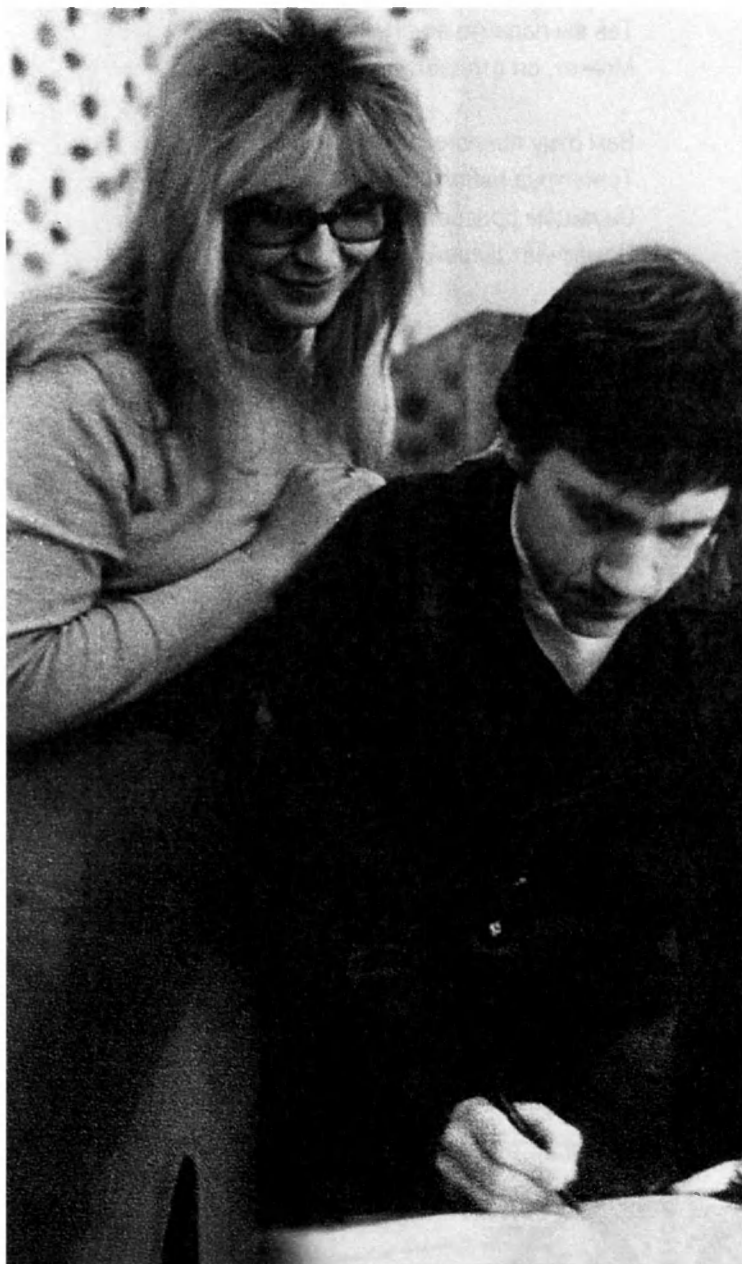

Из интервью режиссера Г. И. Полоки В. К. Перевозчикову: «В картине „Одинокжды один“ нужны были обрядовая свадебная песня — величальная жениху и невесте и другие. То есть большое количество русских обрядовых песен, так как в центре картины была русская национальная свадьба. Можно было пойти по простому пути — взять настоящие русские народные обрядовые песни. И мы располагали к тому времени достаточным материалом. А Высоцкий, который писал все песни к этой картине, побоялся, что будет некая разностильность... И тогда он взял сборники народных песен, подлинных, изучил их и написал свои обрядовые песни для русской свадьбы. И в этих песнях было удивительное сочетание полного знания материала, владения им и осязаемое присутствие самого Высоцкого. И это соединение позволило ему создать общую стихотворную ткань для всей картины. Это было феноменально. В картине ведь были самые разные песни, в том числе и для хора, многоголосые. Володя за очень короткое время сумел понять суть и создать нечто законченное, на что у многих уходят месяцы и годы».

*Бракосочетание В. Высоцкого и М. Влади
1 декабря 1970*

Ай спасибо, люди-граждане,
Что невестушку уважили,
Жениха не забываете
Да обоих привечаете!

<до апреля 1974>

3. Величальная — отцу

Ай не стойте в гордыне —
Подходите к крыльцу.
А и вы, молодые,
Поклонитесь отцу!

Он — сердитый да строгий:
Как сподобья взглянёт,
Так вы падайте в ноги —
Может, он отойдет.

Вам отцу поклониться —
Тоже труд небольшой, —
Он лицом просветлится,
Помягчает душой.

Вы с того начинайте
И потом до конца
Во всю жизнь привечайте
Дорогого отца!

<до апреля 1974>

Из интервью режиссера Г. И. Полоки В. К. Перевозчикову: «Володя у Мережко брал книгу по русскому фольклорному стихосложению, и тот принес ему эту книгу — такой толстый талмуд, в котором были русские народные песни — обрядовые, свадебные... И Володя этот талмуд штудировал — не то что там просто читал, к каким-то вещам он возвращался — вся книга была в закладках. Вот так он писал свои народные песни-стилизации. То есть он улавливал общий принцип, а потом писал свои тексты».

Величальные песни — жанр обрядового фольклора, свадебные песни, в которых прославляются различные участники торжества: новобрачные (по отдельности и вместе), родители, сваха и сват, дружки, священник, гости (девушек и парней отдельно) и пр.

В фильм не вошли.

Частушки к свадьбе. — Неизменным элементом свадебного праздника являются пение и танцы, среди них особое место занимают короткие припевки — частушки, энергичные по ритму и жизнерадостные по содержанию, часто с эротическим подтекстом.

Как писал в «Поэтическом словаре» (М., 1966) крупнейший исследователь русского стиха А. П. Квятковский, «частушка — самая устойчивая и вместе с тем подвижная форма русской народной поэзии. Тематическое разнообразие частушки и необыкновенно емкая метрическая форма ее, выработанная на протяжении многих десятилетий, позволяют поэту экспромтом, на лету схватить любую мысль, характерную деталь, острый штрих. Монострофичность частушки придает ей предельную сжатость, ее фрагментарность не требует продолжения. В этом — сила частушки. В лучших русских частушках, как ни в какой другой форме народной поэзии, проявилось поразительное ритмическое чувство народа, его жизнерадостность, языковая артистичность и фонетическая прозрачность речи. Мастерство стиха в частушке, достигающее порой ювелирной виртуозности, стало возможным лишь в результате колоссальной практики и глубокой народной традиции, не застывшей в заранее выработанных формах, а непрерывно развивающейся и совершенствующейся в живом общении друг с другом безвестных народных поэтов. <...> Горький в статье „О бойкости“ писал: „Я предлагаю молодым литераторам обратить внимание на „частушки“ — непрерывное и подлинно „народное“ творчество рабочих и крестьян. Много ли мы найдем в частушках провинциализмов, уродливых местных речений и бессмысленных слов... Частушки строятся из чистого языка».

«Поэтический словарь» А. П. Квятковского был в личной библиотеке Высоцкого.

4. Частушки к свадьбе

Не сгрызть меня —
Невеста я!

Эх, жизнь моя
Интересная!

Кружи-ворожи,
Кто стесняется?
Подол придержи —
Подымается!

И в девках мне
Было весело,
А все ж любовь
Перевесила!

Кружи-ворожи,
Кто стесняется?
Подол придержи —
Подымается!

Сноха лиха,
Да и кума лихая
Учат жить меня,
А я сама такая!

Кружи-ворожи,
Кто стесняется?
Подол придержи —
Подымается!

<до апреля 1974>

4. Грустная песня о Ванечке

Зря ты, Ванечка, бредешь
Вдоль оврага.
На пути — камень сплошь,
Резвы ножки обобьешь,
Бедолага!

Тело в эдакой ходьбе
Ты измучил,
А и, кажется, себе
Сам наскучил.

Стал на беглого похож
Аль на странничка.
Может, сядешь, отдохнешь,
Ваня-Ванечка?!
Ваня!

Что, Ванюша, путь трудней?
Хворь напала?
Вьется тропка меж корней,
До конца пройти по ней —
Жизни мало.

Славно, коль судьбу узнал
Распрекрасну, —
Ну а вдруг коней загнал
Понапрасну?!

Али вольное житье
Слаще пряничка?
Ах ты, горюшко мое,
Ваня-Ванечка!
Ваня!

Л. Гурченко

Записана на киностудии в исполнении Л. Гурченко.
В фильм не вошла.

Из интервью Г. И. Полоки С. В. Жильцову: «После фильма „Интервенция“ я уже не имел права выбора и мне давали делать фильмы по сценариям, отобранным Госкино. И мне приходилось эти сценарии превращать в свои, то есть переделывать их на ходу. Так было и на фильме „Одиножды один“ в 1973 году. Картина эта была мне навязана, потому что я собирался тогда делать экранизацию „Дневников Кости Рябцева“, и вот молодой тогда, еще малоизвестный драматург Виктор Мережко написал сценарий „Одиножды один“, и мне его предложили снимать. Что нас с Высоцким все-таки увлекло в этой истории? Что его и меня вдохновило в этом сценарии? То, что это была как бы окарикатуренная версия русского донжуана. Русский донжуан был полотером, но полотером непростым. Он считал свое ремесло полотера искусством высоким, и поэтому он был еще и соблазнителем женщин. И вместе с тем он говорил: „В нашей стране искусство принадлежит народу, поэтому я бы и рад воспитывать детей, и рад принадлежать одной семье, но вынужден ездить по всей стране и отдавать свое искусство и свое сердце и другим женщинам, и другим детям“. И в этом фильме предполагались две такие роли. И вот старшего Ивана, донжуана, играл

Папанов, а младшего, мужа его дочери, должен был играть Владимир Высоцкий. Он с грехом пополам был утвержден на эту роль на уровне студии, но когда дело дошло до Госкино, то, естественно, его фигура вызвала реакцию отрицательную и мне пришлось снимать другого артиста. Артистом этим был Николай Караченцов. Это была первая его роль. И я не могу пожаловаться на судьбу: Караченцов — актер талантливый, но тем не менее играть эту роль должен был Высоцкий. И вот тут я в очередной раз столкнулся с его благородством. Потеряв возможность играть в очередной раз, он тем не менее работал над картиной, писал песни, писал тексты, помогал исполнителям, которые эти песни его исполняли, потому что песни были в основном не закадровые — закадровые песни мог петь и сам Высоцкий, — а песни, исполняемые в кадре, исполняли актеры другие. И много он получил от композитора Хагагортыяна, с которым он работал вот на этой картине.

С первых шагов моих в работе с Высоцким я столкнулся с его желанием всегда участвовать в записи. Он очень болезненно, очень тщательно относился к тому, как исполняют его песни другие актеры. А в этой картине он порой становился даже дирижером, если можно так выразиться. И даже хормейстером».

Ходят слухи, будто сник
Да бедуешь,
Кудри сбросил — как без них?
Сыт ли ты или привык —
Голодуешь!

Хорошо ли бобылем
Да без крова?
Это, Ваня, не путем,
Непутево!

Горемычный мой, дошел
Ты до краюшка!
Тополь твой уже отцвел,
Ваня-Ванюшка!
Ваня!

<до апреля 1974>

Н. Караченцов в фильме «Одиноким людям»

6. Песня Вани перед студентами

Эх, недаром говорится:
Мастер дела не боится,
Пусть боится дело это
Ваню — мастера паркета.

Не берись, коль не умеешь,
Не умеючи — не трожь,
Не подмажешь — не поедешь,
А подмажешь — упадешь!

Даже в этой пятилетке
На полу играют детки —
Проливают детки слезы
От какой-нибудь занозы.

Пусть елозят наши дети,
Пусть играют в юлу
На натертом на паркете —
На надраенном полу.

Говорят, забудут скоро
Люди званье полотера, —
В наше время это мнение —
Роковое заблуждение.

Посреди родной эпохи
Ты на щетках попляши —
С женским полом шутки плохи,
А с натертым — хороши!

<до апреля 1974>

Баллады к кинофильму «Стрелы Робин Гуда»

1. Баллада о времени

Замок временем скрыт и укутан, укрыт
В нежный плед из зеленых побегов,
Но развяжет язык молчаливый гранит —
И холодное прошлое заговорит
О походах, боях и победах.

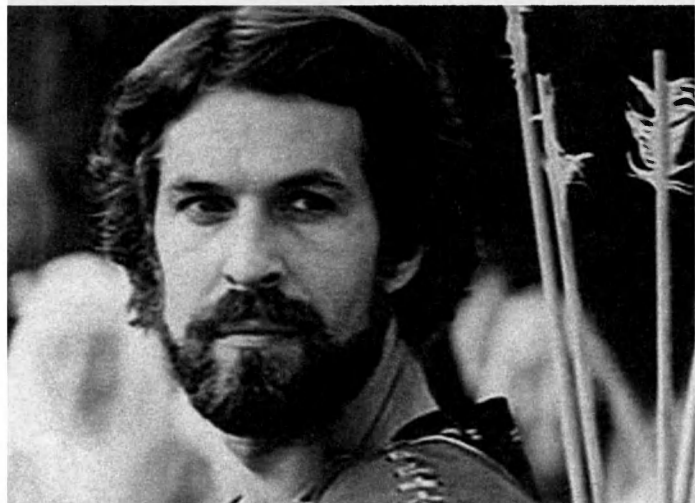
Время подвиги эти не стерло:
Оторвать от него верхний пласт
Или взять его крепче за горло —
И оно свои тайны отдаст.

Упадут сто замков, и спадут сто оков,
И сойдут сто потов с целой груди веков,
И польются легенды из сотен стихов
Про турниры, осады, про вольных стрелков.

Ты к знакомым мелодиям ухо готовь
И гляди понимающим оком,
Потому что любовь — это вечно любовь,
Даже в будущем вашем далеком.

Звонко лопалась сталь под напором меча,
Тетива от натуги дымилась,
Смерть на копьях сидела, утробно урча,
В грязь валились враги, о пощаде крича,
Победившим сдаваясь на милость.

Но не все, оставаясь живыми,
В доброте сохраняли сердца,
Защитив свое доброе имя
От заведомой лжи подлнца.

Б. Хмельницкий в фильме «Стрелы Робин Гуда»

«Стрелы Робин Гуда». Рижская киностудия, 1975. Реж. С. Тарасов. Авторы сценария К. Рапопорт и С. Тарасов (по мотивам средневековой английской легенды о Робин Гуде). Композитор Р. Паулс. В 1991 восстановлена первоначальная редакция фильма, с песнями В. Высоцкого в авторском исполнении. Музыкальная аранжировка А. Зубова.

В ролях: Б. Хмельницкий, Р. Разума, В. Артамане, Э. Павулс, А. Масюлис, Ю. Каморный, И. Буранс, Ю. Стренга, Х. Швейц, М. Мартинсоне, Я. Плесумс, М. Вердыньш, Н. Дупак, Р. Анцанс и др.

Из интервью режиссера фильма С. С. Тарасова М. Цыбульскому: «Мы сидели вдвоем — Боря Хмельницкий, Володя и я — в гостинице „Рига“ (в Ленинграде в 1971. — *Сост.*). Володя говорит: „Да пошли они все к черту, надоела вся эта политика“. Тогда я говорю: „Ребята, а давайте придумаем какую-нибудь историю. Не про нас совсем, а что-нибудь романтическое, о любви“. А я к тому моменту уже прочитал балладу о Робин Гуде и предложил им.

Кто-то из них — не то Боря, не то Володя — говорит: „Это надо начать из современности. Сидит шут в современном костюме и поет на развалинах замка“. Я говорю: „Правильно. Вот, Володя, ты как раз эти баллады для фильма замечательно напишешь“.

Мы решили этот замысел отложить на потом, потому что мне с ходу предложили новую работу...

После этого мы наконец приступили к „Робин Гуду“. Сниматься Володя там не мог, потому что собирался во

Францию. Я попросил его написать баллады на общечеловеческие темы — о любви, о ненависти, о времени, чтобы не было там никакой политики. Но у него же все равно это звучало: „Торопись! Тощий гриф над страной кружит...“ И все эти аллюзии...

Помню, я его даже спросил: „Ну что, пропустят нас?“ А у него ведь как было? С кем-то из очень высоких чинов он посидел, спел — и тогда он был в фаворе недели две. А потом он спел что-то не то — и его опять запрещают. Мне он ответил: „Да, сейчас всё в порядке“.

Мы картину сняли, вошли туда все шесть баллад. В Риге фильм приняли, хотя на меня как-то косо поглядывали. Приезжаем в Москву, показываем фильм еще до сдачи в Доме кино. Володя там был, Марина Влади, из посольства французского пришли люди. Смотрели, — сказали, как все хорошо и замечательно, а мне Володя на ушко говорит: „Завтра картину не примут“ — „Да ты что?! Почему?!“ — „Не примут“.

Что-то там произошло... Короче, начинается просмотр, сидят все чины киношные во главе с зампредом Павлёнком. И только начался фильм, пошла первая баллада, уже шепотки пошли: „Опять Высоцкий!“

После просмотра — обсуждение. „Это полное безобразие. Хрип какой-то!“ И все — как по команде. Я встал и из зала вышел. Они без меня пригласили монтажершу вырезать баллады. И даже помощник у нее не было, потому что девочки отказались участвовать в этом деле и вырезать баллады Высоцкого.

Раймонд Паулс быстро написал им музыку. Там иначе было нельзя, иначе изображение было бы пустое, ведь все снималось под баллады. „Баллада о любви“ — что там играть было? Там слова такие, что все вздрагивали. Как любовь играть под это? Зачем? Я до сих пор тот вариант фильма не видел, я принципиально не смотрел...

А потом, когда Володя умер, мне позвонил один крупный чин. Выпивши он уже был или не выпивши, сейчас не могу сказать, но только сказал он: „Ну вот, теперь снимай своего Высоцкого“. Может быть, текст не совсем такой, но смысл этот. Но я понял из этого одно — я могу использовать баллады Высоцкого.

А с другой стороны, как я могу их использовать? Они все точно были сделаны под определенный фильм. Какое еще можно сделать кино, чтоб их использовать? Мама родная — а „Айвенго“?! Там же практически те же самые герои — ну и еще Ричард Львиное Сердце, принц Джон и так далее.

Я предлагаю это киношному начальству, они на сей раз соглашаются. Я только из-за баллад этот фильм и сделал» (2011).

В конце 1978 была записана на Всесоюзной студии грамзаписи для новой пластинки В. Высоцкого с песнями из кинофильмов «Стрелы Робин Гуда» и «Ветер "Надежды"». Не вышла.

Хорошо, если конь закусил удила
И рука на копье поудобней легла,
Хорошо, если знаешь, откуда стрела,
Хуже, если по-подлому — из-за угла.

Как у вас там с мерзавцами? Бьют? Поделом!
Ведьмы вас не пугают шабашем?
Но, не правда ли, зло называется злом
Даже там, в добром будущем вашем?

И во веки веков, и во все времена
Трус, предатель всегда презираем.
Враг есть враг, и война все равно есть война,
И темница тесна, и свобода — одна,
И всегда на нее уповаем!

Время эти понятия не стерло.
Нужно только поднять верхний пласт —
И дымящейся кровью из горла
Чувства вечные хлынут на нас.

Ныне, присно, во веки веков, старина,
И цена есть цена, и вина есть вина,
И всегда хорошо, если честь спасена,
Если другом надежно прикрыта спина.

Чистоту, простоту мы у древних берем,
Саги, сказки из прошлого тащим,
Потому что добро остается добром
В прошлом, будущем и настоящем.

<до февраля 1975>

2. Баллада о вольных стрелках

Если рыщут за твоею
Непокорной головой,
Чтоб петлей худую шею
Сделать более худой,

Нет надежнее приюта:
Скройся в лес — не пропадешь,
Если продан ты кому-то
С потрохами ни за грош.

Бедняки и бедолаги,
Презирая жизнь слуги,
И бездомные бродяги,
У кого одни долги, —

Все, кто загнан, неприкаян,
В этот вольный лес бегут,
Потому что здесь хозяин —
Славный парень Робин Гуд!

Здесь с полслова понимают,
Не боятся острых слов,
Здесь с почетом принимают
Оторви-сорвиголов.

И скрываются до срока
Даже рыцари в лесах.
Кто без страха и упрека —
Тот всегда не при деньгах.

Знают все олени тропы,
Словно линии руки,
В прошлом — слуги и холопы,
Ныне — вольные стрелки.

В конце 1978 была записана на Всесоюзной студии грамзаписи для новой пластинки В. Высоцкого с песнями из кинофильмов «Стрелы Робин Гуда» и «Ветер „Надежды“». Не вышла.

Из выступления Владимира Высоцкого: «Я написал шесть баллад для фильма „Робин Гуд“, который только что снят на Рижской киностудии, написал музыку к этому фильму. И когда посмотрел фильм... Правда, мне-то сказали, что фильм хуже, чем баллады, поэтому баллады надо убрать, — фильм-то не убережешь. Ну это лестно все, но очень печально, потому что я очень много вложил в эти баллады. Время другое, мне хотелось отдать дань своим юношеским впечатлениям: мы видели Эррола Флина, американского актера, который играл Робин Гуда, скакал на коне, одной стрелой десятерых пронзает, попадает в чужую стрелу, и вообще удивительный был артист. Но мы это уже видели, а хотели сделать кино немножко другое: да, стреляют, но ведь это — смерть, и кровь льется, и не от хорошей жизни они в лесу скрывались, все эти вольные стрелки, и т. д.» (1976).

Из воспоминаний постановщика трюков А. Массарского: «Я был свидетелем того, какой невосполнимый урон потерпела картина „Стрелы Робин Гуда“, когда

Кадр из фильма «Стрелы Робин Гуда»

исключили песни Высоцкого — шесть баллад, предназначенных для конкретных эпизодов. Володя и сам должен был сниматься в этой картине в роли шута, но не смог. Шута прекрасно сыграл безвременно ушедший из жизни Юрий Каморный. Эта картина Рижской студии снималась в Латвии и Польше. Баллады были аранжированы композитором Вениамином Баснером и записаны под оркестр в исполнении Высоцкого.

Эпизоды картины снимались и „укладывались“ под фонограмму баллад, звучащих из громкоговорителей на съемочной площадке. Это создавало высокий эмоциональный настрой у участников съемки.

Из рецензии В. Туровского для журнала «Спутник кинозрителя» (1976. № 10): «Пожалуй, немного в мировой литературе популярных героев, которые могли бы сравниться с Робин Гудом. Он „родился“ в конце XII века, дожил до второй половины двадцатого, свершив при этом массу подвигов, на самом деле никогда же не жил на нашей земле. Жил — и жив, но сейчас — он лишь в нашей памяти. О нем сложено тридцать шесть баллад. И вот советские кинематографисты предложили свою — тридцать седьмую. И даже не пытайтесь отыскать каких-то прямых аналогий в киноверсии этих баллад. Она, эта киноверсия, живет по своим законам, лишь время от времени обращаясь за помощью к литературным источникам, чтобы почерпнуть из них очередную историю о похождениях бравого и отважного Робин Гуда.

Создатели фильма задались целью сделать кинобалладу. А в балладе герои исчезают и появляются тогда, когда это наиболее удобно рассказчику, они рождаются или умирают в тот самый момент, когда этого захочет рассказчик. Но одно непременное условие — они должны все время, ни на секунду не останавливаясь, бороться с королевскими рыцарями, чиновниками, церковниками и одолевая их в неравной подчас битве.

В Шервудском лесу близ Ноттингема когда-то давно собралось братство „веселых людей“ под предводительством смелого и отважного Робин Гуда. Их единственной целью было — одолеть норманнских завоевателей. Они грабили, но награбленное раздавали бедным и нищим, они убивали, но каждый убитый ими рыцарь еще хоть на шаг приближал их к желанной свободе».

Без страха и упрека — формула из официального звания французского рыцаря Пьера дю Террайля Баярда (1476–1524) — *Le Chevalier sans peur et sans reproche* (Рыцарь без страха и упрека).

Здесь того, кто все теряет,
Защитят и сберегут.
По лесной стране гуляет
Славный парень Робин Гуд!

И живут да поживают
Всем запретам вопреки,
И ничуть не унывают
Эти вольные стрелки.

Спят, укрывшись звездным небом,
Мох под ребра подложив.
Им, какой бы холод не был —
Жив — и славно, если жив!

Но вздыхают от разлуки —
Где-то дом и клоч земли
Да поглаживают луки,
Чтоб в бою не подвели.

И стрелков не сыщешь лучших.
Что же завтра? Где их ждут?
Скажет первый в мире лучник —
Славный парень Робин Гуд!

<до февраля 1975>

3. Баллада о ненависти

Торопись! Тощий гриф над строною кружит!
Лес — обитель твою — по весне навести!
Слышишь, гулко земля под ногами дрожит,
Видишь, плотный туман над полями лежит, —
Это росы вскипают от ненависти!

Ненависть в почках набухших томится,
Ненависть в нас затаенно бурлит,
Ненависть потом сквозь кожу сочится,
Головы наши палит.

Погляди, что за рыжие пятна в реке, —
Зло решило порядок в стране навести:
Рукояти мечей холодеют в руке,
И отчаянье бьется, как птица, в виске,
И заходится от ненависти.

Ненависть юным уродует лица,
Ненависть просится из берегов,
Ненависть жаждет и хочет напиться
Черною кровью врагов.

Да, нас ненависть в плен захватила сейчас,
Но не злоба нас будет из плена вести,
Не слепая, не черная ненависть в нас —
Свежий ветер нам высушит слезы у глаз
Справедливой и подлинной ненависти.

Ненависть! Пей — переполнена чаша!
Ненависть требует выхода, ждет.
Но благородная ненависть наша
Рядом с любовью живет.

<до февраля 1975>

Кадр из фильма «Стрелы Робин Гуда»

В конце 1978 была записана на Всесоюзной студии грамзаписи для новой пластинки В. Высоцкого с песнями из кинофильмов «Стрелы Робин Гуда» и «Ветер „Надежды“». Не вышла.

Из выступления Владимира Высоцкого: «В фильм „Стрелы Робин Гуда“ не вошли шесть моих баллад. Сказали, что они слишком утяжеляют повествование, что это — приключенческий фильм, а я, дескать, написал баллады, как для фильма серьезного. Я никогда не отчаиваюсь, потому что песни все равно эти я запишу на пластинку или на магнитофоны, и вы их будете слушать. А потом, когда я их написал, если получилось удачно, значит, спустилось вдохновение оттуда, значит, уже награду ты получил. А люди будут это слушать» (1977).

Из воспоминаний постановщика трюков А. Массарского: «Под „Балладу о ненависти“ снималось сражение рыцарей и воинов Робин Гуда. Мы входили в грязное, страшное, заросшее тиной болото. Сходило сорок человек, и после жесточайшего, бессмысленного, кровавого сражения в живых оставалось лишь семь „победителей“. Сидят эти семеро израненных, обездоленных, осиротевших людей, смотря с экрана прямо в душу зрителю: к чему, мол, это все и к чему вообще война? Жуткий, символический финал фильма. Посмотрели мы картину. Впечатление — мороз по коже».

Из рецензии В. Туровского для журнала «Спутник кинозрителя» (1976. № 10): «В „Стрелах Робин Гуда“ вы увидите все, что приличествует жанру так называемого приключенческого фильма. Погони — их не счесть. Драки — кажется, их даже многовато. Состязания — они сняты великолепно. Поцелуй любимой девушки в награду за смелость — а как же без него? Рыцарь без страха и упрека — он смел и точен, мужественен и обаятелен в исполнении Бориса Хмельницкого. А подруга Робин Гуда, красавица Мария, — самое черствое мужское сердце дрогнет, завидев ее. И мрачное великолепие дворцов, и мрачное убожество хижин, и мрачноватый юмор, вырывающийся из Средневековья и врывающийся в Возрождение, — все это, спрессованное воедино, создает очень точный исторический фон киноповествования и сообщает ему ту достоверную сказочность — или сказочную достоверность, — без которой мы уже не мыслим себе приключенческого или авантюрного фильма».

Из интервью Б. А. Хмельницкого Т. и С. Зайцевым: «Режиссер Сережа Тарасов начинал снимать серию романтических картин, и в первом фильме из этой серии — „Стрелы Робин Гуда“ — должен был сниматься Володя Высоцкий. Его пригласили на роль шута, ту роль, которую потом сыграл Юра Каморный. Но Володя не смог, в то время он улетал, по-моему, во Францию. Просто не совпало по времени. Но он читал сценарий, смотрел отснятые куски, слушал пожелания режиссера — писал баллады. По ходу работы баллады вставлялись в картину и все до одной вошли в фильм. Когда фильм сдавался, мы с Театром на Таганке были на гастролях в Ростове-на-Дону.

Мне бы не хотелось вспоминать тех людей из комиссии, которые Володины баллады запретили, и не только их — всю музыку, до последней ноты (а это тоже был Высоцкий!) с картины сняли. И вот в такой ситуации Раймонд Паулс за считанные дни написал музыку и несколько баллад (к сожалению, очень плохих). Они-то и вошли в фильм» (1999).

Из интервью второй жены Высоцкого Л. В. Абрамовой В. К. Перевозчикову: «У Володи в детстве увлечение фантастикой и приключениями было очень глубоким, то есть он не одного Тарзана посмотрел в кино, он все это читал: всего Тарзана, все выпуски Ната Пинкертона, всю настоящую высокую классику приключений — всего Конан Дойла, и не только Шерлока Холмса или „Затерянный мир“, — всего! Включая „Белый отряд“ и морские рассказы, которых вообще никто не знает. А Володя знал их и тогда, — то есть в этом вопросе он был эрудирован страшно. И когда он в „Балладе о борьбе“ поет о „нужных книжках“, они все были».

4. Баллада о борьбе

Средь оплывших свечей и вечерних молитв,
Средь военных трофеев и мирных костров
Жили книжные дети, не знавшие битв,
Изнывая от мелких своих катастроф.

Детям вечно досаден
Их возраст и быт —
И дрались мы до ссадин,
До смертных обид.
Но одежды латали
Нам матери в срок,
Мы же книги глотали,
Пьянея от строк.

Липли волосы нам на вспотевшие лбы,
И сосало под ложечкой сладко от фраз,
И кружил наши головы запах борьбы,
Со страниц пожелтевших стекая на нас.

И пытались постичь
Мы, не знавшие войн,
За воинственный клич
Принимавшие вой,
Тайну слова «приказ»,
Назначение границ,
Смысл атаки и лязг
Боевых колесниц.

А в кипящих котлах прежних боен и смут
Столько пищи для маленьких наших мозгов!
Мы на роли предателей, трусов, иуд
В детских играх своих назначали врагов.

И злодея следам
Не давали остыть,
И прекраснейших дам
Обещали любить,
И, друзей успокоив
И ближних любя,
Мы на роли героев
Вводили себя.

Только в грезы нельзя насовсем убежать:
Краткий век у забав — столько боли вокруг!
Попробуй ладони у мертвых разжать
И оружие принять из натруженных рук.

Испытай, завладев
Еще теплым мечом
И доспехи надев,
Что почем, что почем!
Разберись, кто ты — трус
Иль избранник судьбы,
И попробуй на вкус
Настоящей борьбы.

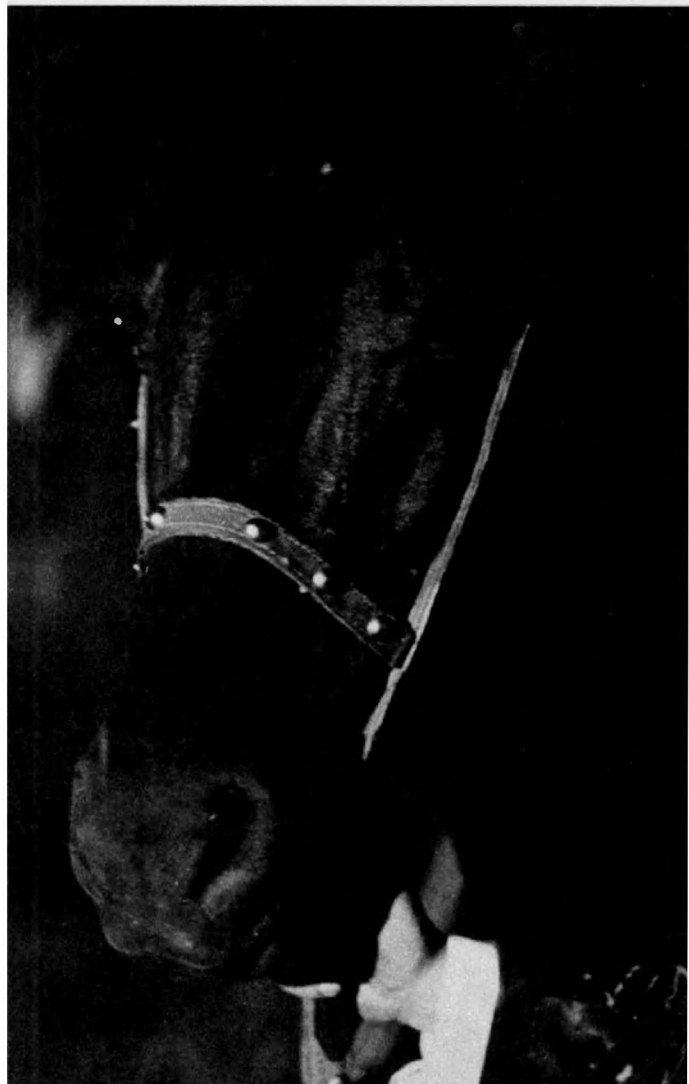
И когда рядом рухнет израненный друг,
И над первой потерей ты взвоешь, скорбя,
И когда ты без кожи останешься вдруг
Оттого, что убили его — не тебя, —

Ты поймешь, что узнал,
Отличил, отыскал
По оскалу забрал:
Это — смерти оскал!
Ложь и зло, — погляди
Как их лица грубы!
И всегда позади —
Воронье и гробы.

*И когда ты без кожи останешься вдруг
Оттого, что убили его — не тебя... —*

Ситуация, к которой Высоцкий в своих песнях обращается неоднократно. Ср.: в песне «Он не вернулся из боя» (1969):

Все теперь — одному, только кажется мне —
Это я не вернулся из боя.

В «Песне о погибшем летчике» (1975):

Кто-то скупно и четко
Отсчитал нам часы
Нашей жизни короткой,
Как бетон полосы.

И на ней — кто разбился,
Кто — взлетел навсегда...
Ну а я приземлился —
Вот такая беда.

В. Высоцкий в фильме «Маленькие трагедии»

Если, путь прорубая отцовским мечом,
Ты соленые слезы на ус намотал,
Если в жарком бою испытал, что почем, —
Значит, нужные книги ты в детстве читал!

Если мясо с ножа
Ты не ел ни куска,
Если руки сложа
Наблюдал свысока
И в борьбу не вступил
С подлецом, с палачом —
Значит, в жизни ты был
Ни при чем, ни при чем!

<до февраля 1975>

Песни из кинофильма «Вооружен и очень опасен»

1. Расскажи, дорогой

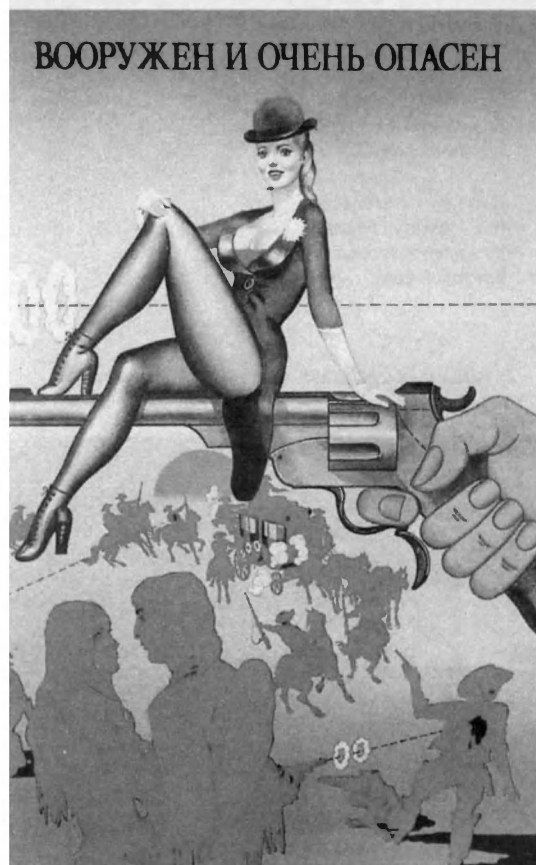
Расскажи, дорогой,
Что случилось с тобой,
Расскажи, дорогой, не таясь!
Может, все потерял,
Проиграл, прошвырял?
Может, ангел-хранитель не спас?

Или просто устал,
Или поздно стрелял?
Или спутал, бедняга, где верх, а где низ?
В рай хотел? Это верх.
Ах, чужак-человек,
Что поделывать теперь? Улыбнись!

Сколько славных парней, загоняя коней,
Рвутся в мир, где не будет ни злобы, ни лжи!
Неужели, чужак, ты собрался туда?
Что с тобой, дорогой, расскажи.

Может быть, дорогой,
Ты скакал за судьбой,
Умолял: «Подожди, оглянись!»
Оглянулась она —
И стара, и страшна.
Наплевать на нее, улыбнись!

А беду, черт возьми,
Ты запей, задыми
И попробуй, еще раз садись на коня.
Хоть на миг, на чуть-чуть
Ты ее позабудь,
Обними, если хочешь, меня.

Афиша фильма

«Вооружен и очень опасен». Киностудия им. М. Горького, киностудия «Букарешти» (Румыния) и «Баррандов» (Чехословакия), 1977. Реж. В. Вайншток. Авторы сценария В. Вайншток, П. Финн (по рассказам Брет Гарта). Композитор Г. Фиртич.

В ролях: Д. Банионис, М. Верою, Л. Сенчина, Л. Броневой, Л. Дуров, А. Масюлис, С. Мартинсон, М. Плоае.

События происходят в конце XIX в. на Дальнем Западе в Америке. В основе сюжета — сложные перипетии жизни простого работника — старателя Габриэля Конроя. Он искал на Диком американском Западе золото, а нашел нефть на своем участке. Герой познает и минуты счастья, и муки разочарования. Вступив в поединок с богачом Питером Дамфи, Конрой рассчитывает только на себя.

Л. Сенчина

Вошла в фильм в исполнении Л. Сенчиной на музыку Г. Фиртича (в ритме танго). Звучит в начальных титрах фильма, исполняет певица салона.

Из авторского комментария: «Они меня обманули, потому что в „Вооружен и очень опасен“ я должен был написать и написал семь вещей, которые должен был сам исполнять. Из них одну я согласился написать для Сенчиной. Она уж очень просила. Причем на чужую музыку. Я сделал стилизацию и написал такую шансонетку, вольную такую, которых я не пишу сам. Ну а получилось так, что они взяли да всё отдали, чтобы она пела, а то, что я должен был петь, — почему-то не состоялось. Я спрашивал почему. Они мне не ответили».

Вы знаете, я вам должен сказать, что бывает очень много разочарований, особенно в кино» (1978).

Из интервью Л. П. Сенчиной М. Цыбульскому: «Я попала в этот фильм неожиданно. Должна была сниматься Гурченко, но по разным причинам не смогла, так что я попала на картину, что называется, в авральном порядке. Я очень волновалась, а Володя говорил: „Да перестань, все будет нормально!“ И я с одного дубля записала все три песни».

Сколько славных парней, загоняя коней,
Рвутся в мир, где не будет ни злобы, ни лжи!
Неужели, чудак, ты собрался туда?
Что с тобой, дорогой, расскажи.

Притомился — приляг,
Вся земля — для бродяг!
Целый век у тебя впереди.
А прервется твой век —
Там, в земле, человек
Потеснится: давай, заходи!

Отдохни, не спеши,
Сбрось всю тяжесть с души, —
За удачею лучше идти налегке!
Все богатство души
Нынче стоит гроши —
Меньше глины и грязи в реке!

Сколько славных парней, загоняя коней,
Рвутся в мир, где ни злобы, ни лжи, — лишь покой.
Если, милый чудак, доберешься туда,
Не забудь обо мне, дорогой.

<весна—лето 1976>

2. Живучий парень

Живет живучий парень Барри,
Не вылезая из седла,
По горло он богат долгами,
Но если спросишь: «Как дела?» —

Поглаживая пистолет,
Сквозь зубы процедит небрежно:
«Пока еще законов нет,
То только на него надежда!»

Он кручен-верчен, бит о камни,
Но все в порядке с головой,
Ведь он живучий парень — Барри:
Глоток воды — и вновь живой!

Он, если нападут на след,
Коня по гриве треплет нежно:
«Погоня, брат, законов нет —
И только на тебя надежда!»

Ваш дом горит, черно от гари
И тщетны вопли к небесам.
При чем тут Бог — зовите Барри,
Который счета сводит сам.

Сухим выходит он из бед —
Хоть не всегда суха одежда.
Пока в законах проку нет —
У всех лишь на него надежда.

Да, на руку он скор с врагами,
А другу — верный талисман.
Таков живучий парень Барри:
Полна душа и пуст карман.

В фильм не вошла. В 1978 Высоцкий начал перерабатывать текст, написал припев, вероятно, чтобы использовать в какой-то другой картине.

Из выступления В. Высоцкого: «Я сделал сейчас две большие работы. Одна из них называется „Вооружен и очень опасен“ на студии Горького. Это фильм, который сделал режиссер Вайншток. Еще не закончил. Он в стадии окончания... В этот фильм я написал несколько песен. Это работа для меня новая, потому что я писал не для себя, а для певицы Сенчиной, которая будет исполнять мои песни. Но все-таки одну песню я там тоже ухватил, одну балладу, и я ее в конце, на самый конец фильма, буду петь о таком... о живущем парне, который среди нас живет и все вопросы сам выясняет» (1976).

Он вовремя найдет ответ,
Коль свару заведет невежда.
Пока в стране законов нет,
То только на себя надежда.

<весна–лето 1976>

*Д. Банионис и В. Абдулов
в фильме «Вооружен и очень опасен»*

3. Вооружен и очень опасен

Запоминайте:

Приметы — это суета,
Стреляйте в черного кота,
Но плюнуть трижды никогда
Не забывайте!

И не дрожите!

Молясь, вы можете всегда
Уйти от Страшного суда,
А вот от пули, господи,
Не убежите!

Кто там крадется вдоль стены,
Всегда в тени и со спины?
Его шаги едва слышны —
Остерегитесь!
Он врал, что истина в вине.
Кто доверял ему вполне —
Уже упал с ножом в спине.
Поберегитесь!

За маской не узнать лица,
В глазах — по девять грамм свинца,
Расчет его точен и ясен.
Он не полезет на рожон,
Он до зубов вооружен
И очень, очень опасен!

Не доверяйте

Ему ни тайн своих, ни снов,
Не говорите лишних слов,
Под пули зря своих голов
Не подставляйте!

Из авторского комментария: «...Десятые годы прошлого века. В основном это ковбойская такая тема, только что начали добывать нефть. В общем, люди, вы знаете, так сказать, те, которые ходили с пистолетом, сами решали все вопросы, вот, стреляли и... и влет, и лежа, и навскидку, и откуда угодно. Вот. Среди них были и хорошие, и плохие. Вот так я и написал различные песни» (1976).

Из интервью композитора Г. И. Фиртича М. Цыбульскому: «Там остались отголоски темы одной песни, написанной для главного героя. Я использовал эту тему по просьбе Высоцкого. А Высоцкий, в свою очередь,

COLT REVOLVERS

When choosing a revolver for USE men invariably procure a COLT. For over fifty years these arms have proven their unfailing reliability under all conditions.

Men of all nations have recognized them as the

STANDARD OF THE FIREARMS WORLD

Catalogue No. 25 showing complete line will be mailed upon request.

Colt's Patent Firearms Manufacturing Co.

HARTFORD, CONN.

15a Pall Mall, London, S. W.

Гниль и болото

Произвели его на свет.

Неважно — прав ты или нет, —

Он в ход пускает пистолет

С полоборота.

Он жаден, зол, хитер, труслив,

Когда он пьет, тогда слезлив,

Циничен он и не брезглив —

Когда и сколько?

Сегодня — я, а завтра — ты,

Нас уберут без суеты.

Зрачки его черны, пусты,

Как дула кольта.

За маской не узнать лица,

В глазах — по девять грамм свинца,

Расчет его точен и ясен.

Он не полезет на рожон,

Он до зубов вооружен

И очень, очень опасен!

<весна—лето 1976>

сделал несколько текстовок на мои мелодии. Высоцкий был человек высокопрофессиональный. Если что-то не попадало изначально в ритм, то он это доводил до кондиции. То есть был нормальный творческий контакт. Он часто приезжал ко мне в гостиницу „Москва“, где я жил во время приездов в Москву, и мы с ним работали. Ну и на студии во время записи он, конечно, бывал. Вообще, отнесся к этой работе с большим интересом. По тем временам это были очень современные аранжировки в роковом стиле. Это было не два притопа — три прихлопа, а хорошая запись под оркестр» (2006).

4. «Черны все кошки, если ночь...»

Черны все кошки, если ночь,
А я — я черен и днем.
Такому горю не помочь —
Что воду в ступе зря толочь —
Воде не стать вином!

Не все ли равно —

Не станет мул конем
И великаном гном.
Хоть с пальмовым вином.

Мой черный цвет, как ни кляни,
Хорош хотя бы в одном —
Что мало виден я в тени.
Быть белым — боже сохрани! —
Как на глазу бельмом.

И все-таки я

Мечтаю об одном:
Чтоб быть светлее днем.
Хоть с пальмовым вином.

Поет душа в моей груди,
Хоть в горле горечи ком, —
Меня попробуй разгляди,
В меня попробуй попади,
Мне ночь — надежный дом.

И все-таки я

И с радостью знаком,
Я счастлив даже днем.
Но... с пальмовым вином.

<весна—лето 1976>

По предположению С. В. Жильцова, должна была исполняться на мелодию песни «Живу я в лучшем из миров...». В фильм не вошла.

Черны все кошки, если ночь... — Перифраз пословицы «Ночью все кошки серые», т. е. одинаковые.

Воде не стать вином! — В Евангелии Христос, придя на свадьбу бедняков в Кане Галилейской, сотворил чудо, превратив воду в вино: «Было же тут шесть каменных водоносов, стоявших, по обычаю очищения Иудейского, вмещавших по две или по три меры. Иисус говорит им: наполните сосуды водою. И наполнили их до верха. И говорит им: теперь почерпните и несите к распорядителю пира. И понесли. Когда же распорядитель отведал воды, сделавшейся вином, — а он не знал, откуда это вино, знали только служители, почерпавшие воду, — тогда распорядитель зовет жениха и говорит ему: всякий человек подает сперва хорошее вино, а когда напьются, тогда худшее; а ты хорошее вино сберег доселе. Так положил Иисус начало чудесам в Кане Галилейской и явил славу Свою; и уверовали в Него ученики Его» (Ин. 2: 1–11).

Пальмовое вино — популярный во многих странах Западной Африки и Ост-Индии хмельной напиток. Его получают из сладкого сока винной пальмы (кариоты), сахарной и многих других пальм. Содержит около 4,5% спирта, 0,5% кислоты, 0,2% сахара. Сок винной пальмы в большом количестве вытекает при подсечке оснований соцветий женских растений. На воздухе он начинает бродить и через 6–8 часов превращается в пальмовое вино. На следующий день вино уже значительно теряет во вкусе, поэтому пьют его свежим.

В фильм не вошла.

Френч-канкан (фр. French cancan) — французский канкан, род эксцентричного бально-эстрадного танца с характерными фивольными телодвижениями и вызывающими па (наиболее характерное — высокое вскидывание ноги). Вошел в моду в середине XIX в. на публичных балах во Франции. Стал визитной карточкой парижских кабаре. Считался символом распущенности и неприличия. Позднее вошел в оперетту. В 1954 вышел французо-итальянский фильм «Французский канкан» («French cancan». Реж. Ж. Ренуар) с Ж. Габеном, М. Пикколи и Э. Пиаф.

**Окунайся в черные брызги,
Окунайся в черную грязь!** —

Речь идет о нефтяном фонтане. Имеется в виду традиция нефтяников купаться в первом фонтане нефти, ударившем из скважины, которая обыгрывается в одном из эпизодов фильма.

* * *

Это вовсе не френч-канкан, не френч!
Вас решили в волшебный фонтан увлечь.
Все течет, изменяется, бьет — не плачь!
Кто в фонтане купается, тот богач.

Что, приятель, в таком раздрыге
Отупел, с нищетой смирясь?!
Окунайся в черные брызги,
Окунайся в черную грязь!

Копошатся в ней, копошатся...
Наплевать, что мокрей мокриц!
Все надеются оказаться
В золотом, как сказочный принц!

Не для всяких открыт фонтан, о нет!
А для всяких сегодня канкан — балет.
Куплен этот фонтан с потрохами весь,
Ну а брызги летят между вами здесь.

А ворота у входа в фонтан — как пасть,
Осторожнее, можно в капкан попасть!
Если дыры в кармане — какой расчет?
Ты утонешь в фонтане, другой всплывет.

<весна–лето 1976>

Братьям Вайнерам

<1>

Я не спел вам в кино, хоть хотел,
Даже братья меня поддержали:
Там, по книге, мой Глеб где-то пел,
И весь МУР все пять дней протерпел,
Но в Одессе Жеглова зажали.

А теперь запылает моя щека,
А душа — дак замлеет.
Я спою, как из черного ящика,
Что всегда уцелеет.

Генеалоги Вайнеров бьются в тщете —
Древо рода никто не обхватит.
Кто из них приписал на царьградском щите:
«Юбилеями правят пока еще те,
Чей он есть, юбилей, и кто платит?»

Первой встрече я был очень рад,
Но держался не за панибрата.
Младший брат был небрит и не брат —
Выражался как древний пират,
Да и старший похож на пирата.

Я пил кофе — еще на цикории,
Не вставляя ни слова,
Ну а Вайнеры-братики спорили
Про характер Жеглова.

В Лувре я — будь я проклят! — попробуй, налей!
А у вас — перепало б и мне там.
Возле этой безрукой — не хошь, а лелей,
Жрать охота, братья, а у вас — юбилей,
И, наверно... конечно, с банкетом.

Георгий и Аркадий Вайнеры.
Фото: РИА «Новости»

Тексты написаны к творческому вечеру братьев Вайнеров. В. Высоцкий после аварии, случившейся в начале января, чувствовал себя неважно, поэтому сперва записал звуковое письмо, которое хотел передать на вечер. Однако в итоге все-таки выступил сам.

Братья Вайнеры — Георгий (1938–2009) и Аркадий (1931–2005) — писатели, авторы детективных повестей и романов «Самый длинный день в году» (1967), «Ощущенью в полдень» (1969), «Двое среди людей» (1972), «Я, следователь» (1972), «Визит к минотавру» (1972), «Гонки по вертикали» (1974), «Эра милосердия» (1976), «Лекарство для Несмеяны» (1978), «Город принял!» (1980), «Потерпевшие претензий не имеют» (1986), «Телеграмма с того света» (1988) и др. Авторы сценария к кинофильму «Место встречи изменить нельзя» (Одесская киностудия, 1979. Реж. С. Говорухин).

Из пояснений Владимира Высоцкого в звуковом письме: «Я хочу почитать одно стихотворение. Видите ли, дело в том, что я сначала предполагал, что не буду здесь, и поэтому написал несколько таких маленьких песен, стихов, которые должны были бы транслироваться на пленках, но по радио. Но, к сожалению, а может быть, к счастью, я уехал не туда. И в связи с этим нужно было срочно что-то такое переделывать, что я и сделал. Пожалуйста, одно стихотворение, на которое не подобрана музыка, а потом, может быть, маленькую песенку».

Я не спел вам в кино, хоть хотел... — В сериале «Место встречи изменить нельзя» по настоянию режиссера

С. Говорухина и вопреки желанию Высоцкого не было ни одной песни Высоцкого. Из выступления Владимира Высоцкого: «Почему я не спел ни одной песни в фильме „Место встречи изменить нельзя“? Это — из-за оригинальности моего режиссера, он — мой близкий друг. Со Славой Говорухиным я очень много работал и писал ему в фильмы много песен. Это были „Вертикаль“, „Контрабанда“, и даже в последней картине „Под парусом Надежды“ было несколько песен. И вдруг здесь Слава сказал: „Ну а зачем? Все ждут, что Высоцкий будет петь, а он не поет“. Тоже оригинально».

Кто из них приписал на царьградском щите... — Имеется в виду щит киевского князя Олега, прибитый им на ворота Царьграда (Константинополя) в знак своей победы.

Первой встрече я был очень рад... — Из воспоминаний братьев Вайнеров: «Десять лет назад подарили мы ему один из сигнальных экземпляров романа „Эра милосердия“. На другой же день он явился и с порога сообщил: „Я пришел «застолбить» Жеглова...“ Мы удивились — в каком смысле „застолбить“? Высоцкий уверенно сказал: „Это будет фильм. Наверное, большой. И это Моя роль. Никто вам так не сыграет Жеглова, как я...“ Мы и не сомневались в этом. В нашем детстве было много общих воспоминаний — мы помнили голодную послевоенную Москву, мы знали словечки Сухаревки, рядом с которой жили, мы были соседями во времени, обстоятельствах, судьбе».

...братья, а у вас — юбилей... — 20 января 1980 в Центральном доме литераторов состоялся творческий вечер братьев Вайнеров, посвященный двадцатилетию их литературной деятельности. Первая повесть братьев Вайнеров «Страна багровых туч» вышла в 1959.

Членов... нет — экипажи «Союза». — Каламбур на основе словосочетания «член Союза писателей» и названия космического корабля «Союз». Считалось, что на борт космонавты берут с собой только лучшие книги, способные поддерживать моральный дух космонавтов в условиях полета. Своеобразный «знак качества» высшей пробы.

Пусть меня под конвоем везут в ВТО... — Имеется в виду ресторан Дома актера ВТО (Всероссийского театрального общества) в Москве, где обычно отмечались различные события театральной жизни.

Гонолулу — город на острове Оаху Гавайского архипелага, столица штата Гавайи.

Братья! Кто же вас сможет сломить?

Пусть вы даже не ели от пуза...

Здоровы, а плетете тончайшую нить.

Все читали вас, все, — хорошо б опросить

Членов... нет — экипажи «Союза».

Я сегодня по «ихнему» радио

Не расслышал за воем

Что-то... «в честь юбилея, Аркадия

Привезли под конвоем...»

Всё так буднично, ровно они, бытово.

Мы же все у приемников млеем.

Я ж скажу вам, что ежели это того...

Пусть меня под конвоем везут в ВТО —

С юбилеем так уж с юбилеем.

Так о чем же я, бишь, или вишь?

Извини — я иду па Аркаде:

МУР и «зря ты душою кривишь» —

Кончен ты! В этом месте, малыш,

В сорок пятом работал Аркадий.

Пусть среди экспонатов окажутся

Эти кресла, подобные стулу.

Если наши музеи откажутся —

Увезу в Гонолулу.

Не сочтите за лесть предложение мое,

Не сочтите его и капризом,

Что скупиться, ведь тут юбилей, е-мое! —

Всё, братьями моими содеянное

Предлагаю назвать вайнеризмом!

<2>

Граждане, ах, сколько ж я не пел, но не от лени —
Некому: жена — в Париже, все дружки — сидят.
Даже Глеб Жеглов — хоть бóтал чуть по новой фене —
Ничего не спел, чудака, пять вечеров подряд.

Хорошо, что в зале нет
Не наших всех сортов,
Здесь — кто хочет на банкет
Без всяких паспортов.

Расскажу про братиков —
Писателей, соратников,
Про людей такой души,
Что не сыщешь ватников.

Наше телевидение требовало резко:
Выбросить слова «легавый», «мусор» или «мент»,
Поменять на мыло шило, шило — на стамеску,
А ворье переиначить в «чуждый элемент».

Но сказали брат и брат:
«Не! Мы усё спасем.
Мы и сквозь редакторат
Все это пронесем».

Так, в ответ подельники,
Скиданув халатики,
Надевали тельники,
А поверх — бушлатики.

Про братьёв-разбойников у Шиллера читали,
Про Лаутензаков написал уже Лион,
Про Серапионовых листали Коли, Вали...
Где ж роман про Вайнеров? Их — два на миллион!

Л. Удовиченко в роли Маньки-облигации
в фильме «Место встречи изменить нельзя»

...ботал чуть по новой фене... — На воровском жаргоне: говорить на специальном воровском языке.

Даже Глеб Жеглов...

Ничего не спел, чудака, пять вечеров подряд. — Пятисерийный кинофильм С. Говорухина «Место встречи изменить нельзя» впервые был показан по Первой программе Центрального телевидения 11, 13, 14, 15 и 16 ноября 1979, в вечернее время (с 19.55 до 21.00).

Про братьёв-разбойников у Шиллера читали... — Имеется в виду драма немецкого писателя-классициста Ф. Шиллера «Разбойники» (1781), в которой действуют братья Карл и Франц Мооры.

Про Лаутензаков написал уже Лион... — Имеется в виду роман немецкого писателя-реалиста Лиона Фейхтвангера «Братья Лаутензак» (1943). В русском переводе роман появился в журнале «Иностранная литература» № 1–3 за 1957. В 1973 в ГДР по роману Фейхтвангера был снят трехсерийный кинофильм, который демонстрировался по Центральному телевидению.

Про Серапионовых листали Коли, Вали... — Имеется в виду роман немецкого писателя-романтика Э.-Т.-А. Гофмана «Серапионовы братья» (1819–1820).

Латник — средневековый воин в металлических доспехах, латах.

Медвежатник — на воровском жаргоне: взломщик сейфов.

«Граждане, ах, сколько ж я не пел, но не от лени...»

Проявив усердие,
Сказали кореша:
«„Эру милосердия“
Можно даже в США».

С них художник Шкатников
Написал бы латников.
Мы же в их лице теряем
Классных медвежатников.

Кадр из фильма «Место встречи изменить нельзя»

3. Письмо торговца ташкентскими фруктами с Центрального рынка

Жора и Аркадий Вайнер!
Вам салям алейкум, пусть
Мы знакомы с вами втайне, —
Кодекс знаем наизусть.

Пишут вам семь аксакалов
Гиндукушенской земли,
Потому что семь журналов
Вас на нас перевели.

А во время сбора хлопка
(Кстати, хлопок нынче — шелк)
Наш журнал «Звезда Востока»
Семь страниц для вас нашел.

Всю Москву изъездил в «ЗИМе»
Самый главный аксакал —
Ни в едином магазине
Ваши книги не сыскал.

Вырвали два старших брата
Все волосья в бороде —
Нету, хоть и много блата
В «Книжной лавке» — и везде.

Я за «Милосердья эру» —
Вот за что спасибо вам! —
Дал две дыни офицеру
И гранатов килограмм.

А в конце телевиденья —
Клятва волосом седым! —
Будем дать за продолжение
Каждый серий восемь дней.

Из пояснений Владимира Высоцкого в звуковом письме: «Ну вот один, от имени нескольких, поздравит вас с каким-нибудь из кавказских или среднеазиатских акцентов».

Гиндукушенская земля, Гиндукуш — горный хребет в Средней Азии, составляющий в восточной своей части южную окраину Памира.

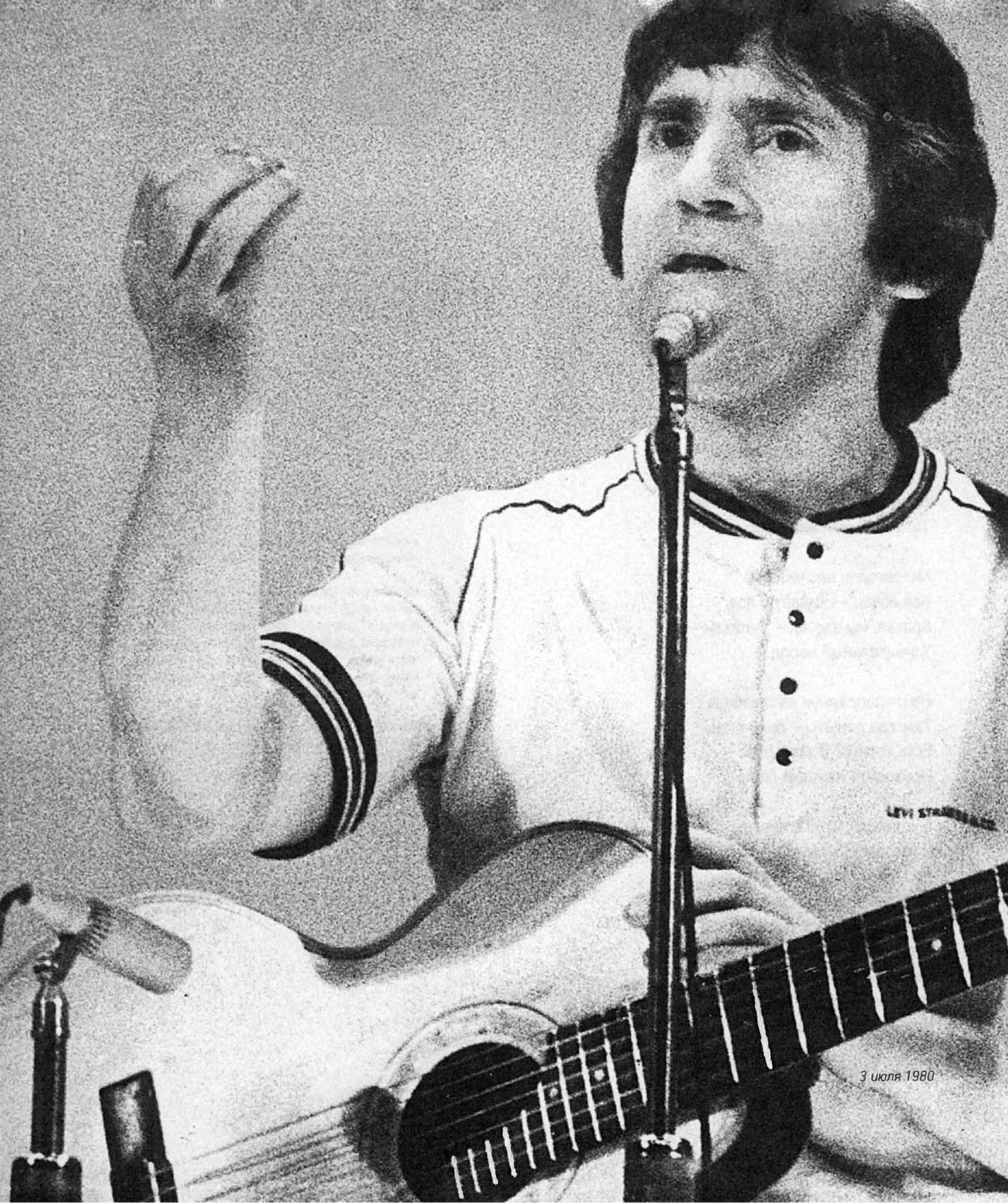
«Звезда Востока» — литературно-художественный журнал. Выходит с 1932. До 1946 назывался «Советская литература народов Средней Азии» (1932–1935), «Литературный Узбекистан» (1935–1937), «Литература и искусство Узбекистана» (1937–1946). На страницах журнала впервые увидел свет роман К. М. Симонина «Живые и мертвые». В 1966 после Ташкентского землетрясения вышел в свет благотворительный выпуск журнала (гонорары от публикаций были переданы на восстановление Ташкента), в котором приняли участие Б. Ахмадулина, А. Вознесенский, Е. Евтушенко, впервые после многолетнего перерыва были опубликованы произведения О. Мандельштама, И. Бабеля, М. Булгакова («Записки на манжетах»).

Семь страниц для вас нашел. — Очевидно, восточное преувеличение: обнаружить «семь страниц», о которых здесь говорится, в составе журнала «Звезда Востока» пока не удалось. Нашлось «семь строк» в статье А. Адамова «Литература, нужная всем» (Звезда Востока. 1980. № 2), посвященной Всесоюзной писательской конференции в Баку: в перечне наиболее значимых произведений, созданных в жанре детектива, упомянуты романы братьев Вайнеров «Визит к минотавру», «Гонки по вертикали» и «Эра милосердия».

«ЗИМ» — советский автомобиль представительского класса ГАЗ-12, находившийся в серийном производстве с 1950 по 1959. «ЗиМ» — «Завод имени Молотова», сокращенное название Горьковского автомобильного завода им. В. М. Молотова с 1932 по 1957.

В «Книжной лавке»... — Возможно, имеется в виду «Книжная лавка» Центрального дома литераторов в Москве.

Будем дать за продолжение... — Из воспоминаний братьев Вайнеров: «Его поразительная способность увлекаться новой идеей, воспламеняться замыслом предстоящей работы вполне уживалась в нем с практичной четкостью планирования будущих дел. Однажды мы сидели в чалом скверике Одесской киностудии, коротали перерыв в съемке шутками и невероятными

3 июля 1980

Чтобы не было заминок
(Любите кюфта-бюзбаш?)
Шлите жен Центральный рынок —
Полглавы — барашка ваш.

Может, это слишком плотски,
Но за песни про тюрьмы
(Пусть споет артист Высоцкий)
Два раз больше платим мы.

Не отыщешь ваши гранки
И в Париже, говорят...
Впрочем, что купить на франки?
Тот же самый виноград.

Мы сегодня вас читаем,
Как абзац — кидает в пот.
Братья, мы вас за — считаем —
Удивительный народ.

Наш праправнук на главбазе —
Там, где деньги — дребедень.
Есть хотите? В этом разе
Приходите каждый день.

А хотелось, чтоб в инязе...
Я готовил крупный куш.
Но... Если был бы жив Ниязи...
Ну а так — какие связи? —
Связи есть Европ и Азий,
Только эти связи чушь.
Вы ведь были на КАМАЗе:
Фрукты нет. А в этом разе
Приезжайте Гиндукуш!

<январь 1980>

историями, приключившимися в нашей жизни, и вдруг Высоцкий, без всякой видимой связи с текущими разговорами, заявил нам: „Ребята, вы должны написать вторую часть «Зры милосердия»! Продолжение — роман о Желове после поимки банды «Черная кошка». Сделаем потрясающий фильм!» Мы стали отнекиваться, отказываться, отбиваться, объясняя, что ни по каким обстоятельствам не готовы к такой работе. Но только не от Высоцкого, загоревшегося интересной ему мыслью, можно было легко отбиться. Никто не умел так уговаривать, грозиться, заманивать, сулить: „Подумайте сами, как все сказочно сходится: мы заканчиваем картину, я запускаюсь на год снимать «Зеленый фургон», а вы за это время пишете роман. Шашки наголо — и в бой!» И как-то незаметно для себя мы начали обсуждать с Высоким тему, сюжет, персонажей, подробности жизни в 1947 году, и когда опомнились спустя какое-то время, то говорили о продолжении романа как о чем-то решенном».

Кюфта-бюзбаш (азерб. Küftə bozbaş) — азербайджанский гороховый суп с фрикадельками.

Шлите жен Центральный рынок... — Московский рынок на Цветном бульваре, который упоминается в песне «Пародия на плохой детектив» (1966). Из книги М. Влади «Владимир, или Прерванный полет»: «Мы часто ходим на Центральный рынок — тоже по бульварам: нам очень нравятся здешняя атмосфера, шум и резкие запахи».

Иняз (разг.) — факультет иностранных языков, также Институт иностранных языков.

Ниязи Хамза Хакимзаде (1889–1929) — узбекский поэт, драматург, общественный деятель, народный поэт Узбекской ССР (1926). Имя его присвоено Узбекскому государственному академическому театру драмы и станции метро в Ташкенте.

КАМАЗ — Камский автомобильный завод в Набережных Челнах. Высокому КАМАЗ был памятен по гастролям 1974.

9

Дорого
только
спасибо
за готовность!

Виктор

Научно-популярная иллюстрированная энциклопедия

ВЫСОЦКИЙ ВЛАДИМИР СЕМЕНОВИЧ

ВОТ И СБЫВАЕТСЯ ВСЕ, ЧТО ПРОРОЧИТСЯ...

Ответственный редактор *Марина Решетина*
Художественный редактор *Анна Михалева*
Корректор *Алевтина Борисенкова*
Верстка *Анны Михалевой*

Подписано в печать 30.12.2011.
Формат издания 84×100¹/₁₆. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 12,48. Тираж 59 000 экз.
Изд. № 10483. Заказ № 0873/11.

Издательство «Амфора».
Торгово-издательский дом «Амфора».
197110, Санкт-Петербург,
наб. Адмирала Лазарева, д. 20, литера А.
www.amphora.ru, e-mail: secret@amphora.ru

Отпечатано в соответствии
с предоставленными материалами
в ЗАО «ИПК Парето-Принт», г. Тверь.
www.pareto-print.ru

ВЫСОЦКИЙ

СПАСИБО, ЧТО ЖИВОЙ

ВЕСЬ ВЫСОЦКИЙ

▼
вот и сбывается все, что пророчится...
каюсь, каюсь, каюсь!
не кричи нежных слов, не кричи...
лови ветер всеми парусами!
приготовьтесь — сейчас будет грустно...
лукоморья больше нет...
любой из нас — ну чем не чародей?
больно мне за наш СССР...
летела жизнь в плохом автомобиле...
я был душой дурного общества...
выйти живым из боя...

В . В Ы С О Ц К И Й .

ДИРЕКЦИЯ
КИНО

амфора
amphora.ru

ISBN 978-5-367-02118-9